

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №251

КЕМЕРОВО 2026

12 января 2026
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор) [и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 12.01.2026 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО COVID-19.....4	4
Черникова П.М.	
2. ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ПЛАТЫ ЗА ПОСТАВЛЕННУЮ ТЕПЛОВУЮ ЭНЕРГИЮ ПО ДОГОВОРУ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ.....8	8
Манжело О.М.	
3. РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ12	12
Албогачиева М.Т., Кулбужева З.И.	
4. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПРОФИЛАКТИКИ15	15
Албогачиева М.Т., Кулбужева З.И.	
5. КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ ОТСЛЕЖИВАНИЯ И ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ19	19
Винниченко А.С., Ермакова А.Е.	
6. ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ.....22	22
Кокаева Е.Н.	
7. ПОНЯТИЕ, СТАТУС И ЛЬГОТЫ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ (ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....28	28
Беляева Р.С., Давыдова А.В.	
8. ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ПОНЯТИЯ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА.....33	33
Медведева А.М.	
9. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....37	37
Козлов А.Н.	
10. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....43	43
Козлов А.Н.	
11. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.....50	50
Оганнисян А.А.	
12. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ИЗЪЯТОГО НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ55	55
Абрамович В.В., Дробот С.А.	
13. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ.....59	59
Жеребцов В.А.	
14. ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ТЕРМИНОЛОГИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....64	64
Трофимук И.И.	
15. ПРАВО НА ТРУД КАК КОМПОЗИТНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ67	67
Филатова С.Н.	
16. ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.....73	73
Балаев А.Ю., Евлов Р.М.	
17. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ.....77	77
Мантлер А.В., Штаб О.Н.	

18. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....80
Ксенофонтова М.А.
19. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ83
Самыкина М.К.
20. СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....87
Галдин С.Т.
21. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ДОГОВОРНЫЕ СТАНДАРТЫ, МОНИТОРИНГ И ВОЗВРАТ АКТИВОВ.....91
Галдин С.Т.
22. О НАУЧНОЙ МЕТОДИКЕ, РЕАЛИЗУЕМОЙ В ХОДЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА, ИСПОЛЗУЮЩЕГО ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА.....94
Габдуллина И.Ф., Дробот С.А.
23. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.....98
Горгуль Е.А.
24. ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....102
Фабрика Т.А., Довбенко Т.Е.
25. БОРЬБА С НОВЫМИ ФОРМАМИ КОРРУПЦИИ, СВЯЗАННЫМИ С ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ (В ТОМ ЧИСЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ).....107
Галдин С.Т.
26. ТАКТИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ: СТРАТЕГИЯ И МЕТОДЫ.....112
Борисова Д.В.
27. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....118
Фабрика Т.А., Атангулова К.В.
28. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕР.....122
Фабрика Т.А., Бадерко В.Е.
29. ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....125
Фабрика Т.А., Галеев А.В.
30. ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА.....129
Фабрика Т.А., Бородин А.А.
31. ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЕЁ УРОВЕНЬ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА.....133
Фабрика Т.А., Шутко К.Е.
32. ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ И ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....138
Фабрика Т.А., Мезенцев Е.В.
33. ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....143
Фабрика Т.А., Жигульский М.Н.
34. ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, ПРИЗНАННЫМИ НЕВМЕНЯЕМЫМИ.....147
Фабрика Т.А., Ильина А.С.
35. БОРЬБА С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТЕЖЕЙ.....151
Фабрика Т.А., Идрисова З.З.

Черникова Полина Максимовна
Chernikova Polina Maksimovna

Студент Челябинского Государственного университета, институт экономики отраслей,
бизнеса и администрирования.

E-mail: chernika138@gmail.com

УДК 34

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО COVID-19

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN EMERGENCY SITUATIONS: A CASE STUDY OF COVID-19 COURT PRACTICE

Аннотация. В статье исследуются особенности административно-правового регулирования в условиях чрезвычайных ситуаций, вызванных биолого-социальными угрозами. На примере судебной практики периода пандемии COVID-19 автор анализирует правовые основания введения ограничительных мер в режиме повышенной готовности, проблемы соразмерности и правовой определенности таких мер, а также эволюцию подхода судебных органов к их контролю. Цель работы – выявление коллизий между необходимостью оперативного реагирования государства и требованиями законности, а также формулирование предложений по совершенствованию административно-правовых механизмов. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический методы, а также анализ судебных актов. В результате исследования делается вывод о том, что ключевым вызовом является обеспечение баланса между эффективностью публичного управления в кризис и гарантиями прав человека, чему способствует активная и взвешенная позиция судебной власти. Предлагается совершенствование законодательных формулировок и обобщение судебной практики для повышения предсказуемости правоприменения.

Abstract. This article examines the specifics of administrative and legal regulation in emergency situations caused by biological and social threats. Using case law from the COVID-19 pandemic as an example, the author analyzes the legal basis for imposing restrictive measures in a state of heightened alert, issues of proportionality and legal certainty of such measures, and the evolution of judicial review. The aim of the paper is to identify conflicts between the need for a prompt state response and the requirements of the rule of law, and to formulate proposals for improving administrative and legal mechanisms. The methodological basis is formed by formal legal, comparative legal, and historical methods, as well as an analysis of judicial decisions. The study concludes that the key challenge is ensuring a balance between the effectiveness of public administration during a crisis and human rights guarantees, which is facilitated by an active and balanced judiciary. Improvements to legislative language and the consolidation of judicial practice are proposed to increase the predictability of law enforcement.

Ключевые слова: административное право, чрезвычайная ситуация, режим повышенной готовности, ограничение прав, судебная практика, COVID-19, законность, соразмерность, административная ответственность.

Keywords: administrative law, emergency situation, high alert, restrictions on rights, judicial practice, COVID-19, legality, proportionality, administrative liability.

Чрезвычайные ситуации (ЧС), особенно носящие глобальный и биолого-социальный характер, представляют собой серьезный вызов для современного правового государства. Они требуют от публичной администрации оперативных, зачастую жестких мер, которые существенно затрагивают конституционные права и свободы граждан, а также нормальную экономическую деятельность. Административно-правовое регулирование в таких условиях переходит в особый режим, характеризующийся расширением дискреционных полномочий исполнительной власти, упрощением процедур и введением специальных административно-правовых режимов.

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным по масштабам «стресс-тестом» для административно-правовых систем. Российская Федерация, не вводя режим чрезвычайного положения на всей территории, активно использовала механизм **режима повышенной готовности**,

предусмотренный Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Это породило массу правовых коллизий и широкий пласт судебной практики, который представляет собой уникальный материал для научного осмысления.

1. Правовые основы ограничения прав в условиях чрезвычайных ситуаций и режима повышенной готовности

Конституционной основой для любых ограничений прав и свобод в экстремальных условиях является ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающая такие ограничения федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В российской правовой системе существует два основных режима кризисного реагирования:

1. **Чрезвычайное положение** (ФКЗ «О чрезвычайном положении»). Вводится указом Президента РФ с утверждением Советом Федерации, предполагает наиболее серьезные ограничения и четкую процедуру.

2. **Режим повышенной готовности** (ФЗ № 68-ФЗ). Вводится решением органов государственной власти субъектов РФ или федеральных органов для органов местного самоуправления и организаций. Является более гибким инструментом, но изначально был рассчитан на локальные техногенные или природные ЧС.

Именно режим повышенной готовности стал основной правовой формой для борьбы с пандемией. Правовая цепочка была выстроена следующим образом:

- Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 31.01.2020 № 3, признавшее COVID-19 опасным заболеванием.
- Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2020 № 154-р, на основании которого субъекты РФ вводили режим повышенной готовности.
- Региональные указы высших должностных лиц (глав, губернаторов, мэров), конкретизировавшие ограничительные меры: самоизоляция, масочный режим, запрет массовых мероприятий, приостановка работы отдельных организаций.

Правовая уязвимость данной конструкции заключалась в том, что ФЗ № 68-ФЗ не содержал подробного перечня возможных ограничений прав граждан в рамках режима повышенной готовности, в отличие от ФКЗ о ЧП. Это создавало почву для споров о пределах усмотрения региональных властей.

2. Судебная практика как инструмент легитимации и контроля ограничительных мер.

Ключевые правовые позиции

Массив судебных дел, связанных с мерами против COVID-19, огромен. Можно выделить несколько ключевых категорий дел и сформированных по ним правовых позиций.

2.1. Легитимация режима повышенной готовности и региональных указов (Постановление ВС РФ от 02.04.2020 № 41-АД20-1) Это одно из первых и основополагающих постановлений Верховного Суда (ВС) РФ. Гражданин оспаривал штраф за нарушение режима самоизоляции в Москве, утверждая, что Указ Мэра не является обязательным.

- **Позиция ВС РФ:** Суд подтвердил правомерность привлечения к ответственности. Было установлено, что:
 - Указ Мэра Москвы основан на федеральных полномочиях, делегированных ФЗ № 68-ФЗ и санитарным законодательством.
 - Меры направлены на защиту жизни и здоровья населения, что соответствует конституционным целям.
 - В условиях быстро меняющейся обстановки оперативность принятия решений исполнительной властью оправдана.
- **Значение:** Данная позиция дала «зеленый свет» для массового привлечения к ответственности по ст. 6.3 КоАП РФ и легитимировала практику регионального нормотворчества в условиях пандемии.

2.2. Уточнение пределов ограничений и принципа соразмерности

По мере развития пандемии суды, включая ВС РФ, стали уделять больше внимания конкретным обстоятельствам дел, смещая фокус с формального соблюдения запрета на оценку его разумности в конкретной ситуации.

- **Пример из практики судов общей юрисдикции:** Неоднократно отменялись штрафы, вынесенные гражданам, находившимся на улице в безлюдном месте (например, на берегу реки вдали от скопления людей). Суды указывали, что само по себе нахождение вне квартиры при отсутствии реальной угрозы распространения инфекции не образует состав правонарушения. Это отражает применение принципа **соразмерности**: мера (полный запрет выхода) должна соответствовать цели (снижение контактов).

- **Позиция по юридическим лицам (Постановление ВС РФ от 08.06.2020 № 44-АД20-1):** ВС подчеркнул необходимость установления вины организации и учета реальной возможности исполнить предписание в конкретных условиях, что также является элементом оценки соразмерности и справедливости.

2.3. Проблема правовой определенности и толкования «уважительных причин»
Одной из главных проблем было отсутствие в указах четкого перечня уважительных причин для выхода из дома. Суды были вынуждены самостоятельно заполнять этот пробел, что привело к разному в практике:

- Признавались уважительными: выгул домашних животных вблизи дома, вынос мусора, экстренный поход в аптеку, необходимость помочь престарелым родственникам.
- Оспаривались и часто не признавались: прогулка для поддержания физической формы, поход в магазин за товарами, не относящимися к категории первой необходимости, если это не было экстренным случаем.

Данная неопределенность нарушала принцип правовой определенности, закрепленный в практике ЕСПЧ, согласно которому норма должна быть сформулирована достаточно ясно, чтобы гражданин мог предвидеть последствия своих действий.

3. Проблемы административной ответственности и эволюция составов правонарушений
Законодатель оперативно отреагировал на вызовы пандемии, внося изменения в КоАП РФ.

- **Статья 6.3 КоАП РФ («Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения»)** применялась на начальном этапе. Ее недостатком была относительно мягкая санкция и общий характер.

- **Введение статей 20.6.1 и 20.6.2 КоАП РФ в 2021 году** стало ответом на потребность в более специализированных и строгих нормах:
 - Ст. 20.6.1 – невыполнение правил поведения при ЧС или угрозе ее возникновения.
 - Ст. 20.6.2 – невыполнение правил обеспечения режима повышенной готовности на объектах.

Однако и это не решило всех проблем. **Ключевой коллизией** стало соотношение региональных указов (актов субъектов РФ) и федерального закона (КоАП РФ). Правомерно ли наказывать по федеральному закону за нарушение норм, установленных региональным актом? Суды, вслед за позицией ВС РФ, отвечали утвердительно, рассматривая региональные указы как акты, принятые во исполнение федеральных полномочий.

4. Судебный контроль за нормативными актами, принятыми в условиях ЧС

Конституционный Суд РФ (КС РФ) и Верховный Суд РФ сыграли важную роль в установлении границ допустимых ограничений.

- **Определение КС РФ от 26.05.2020 № 1213-О:** КС отказался принять жалобу на Указ Мэра Москвы, но в мотивировочной части сформулировал важные критерии. Суд указал, что ограничения должны быть **соразмерны, временны и адекватны угрозе**. Их цель – не отмена прав, а защита здоровья, и они должны пересматриваться по мере изменения ситуации. Это классическая формула проверки ограничений прав.

- **Деятельность Верховного Суда по обобщению практики:** Публикация обзоров практики по применению законодательства в период пандемии способствовала некоторой унификации подходов нижестоящих судов, хотя разнотой полностью преодолеть не удалось.

Заключение и предложения по совершенствованию

Практика административно-правового регулирования в период пандемии COVID-19 выявила как устойчивость правовой системы к кризису, так и ее системные слабости.

Выводы:

1. Режим повышенной готовности, несмотря на свою гибкость, оказался недостаточно четко урегулированным в части пределов ограничения фундаментальных прав, что создавало риски произвола.

2. Судебная власть выполнила двойственную функцию: первоначально обеспечила легитимацию экстраординарных мер, а на последующих этапах – эволюционировала в сторону более строгого контроля их соразмерности и индивидуализации ответственности.

3. Главным правовым принципом, вокруг которого строились все судебные споры, стал принцип **соразмерности (пропорциональности)**, требующий взвешивания степени ограничения прав и серьезности угрозы.

Предложения по совершенствованию:

1. **Внести изменения в Федеральный закон № 68-ФЗ**, конкретизировав возможные меры, которые могут вводиться в отношении граждан в рамках режима повышенной готовности при биолого-социальных угрозах. Это повысит правовую определенность и снизит дискреционный произвол.

2. **Закрепить на законодательном уровне критерии «уважительных причин»** для покидания места изоляции или иных действий, устанавливая не закрытый, но ориентировочный перечень, а также общие критерии оценки (наличие реального и серьезного риска, отсутствие разумной альтернативы).

3. **Подготовить и официально опубликовать детальный обзор судебной практики ВС РФ** по делам, связанным с ЧС, с разъяснением подходов к оценке соразмерности, вины, обстоятельств, смягчающих ответственность.

4. **Разработать модельные (типовые) акты** для субъектов РФ на случай введения режима повышенной готовности при эпидемиях, что обеспечит единообразие правового регулирования по стране и снизит количество оспариваемых норм.

Административно-правовое регулирование в условиях чрезвычайных ситуаций должно эволюционировать от модели, основанной на широком усмотрении, к модели, основанной на **предсказуемости, соразмерности и усиленном судебном контроле**. Только такой подход позволяет эффективно противостоять кризисам, не разрушая фундаментальные основы правового государства.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
4. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
5. Постановление Верховного Суда РФ от 02.04.2020 № 41-АД20-1 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2020 № 1213-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 5.
7. Административное право России: учебник / под ред. П.И. Конова. – М.: Юрайт, 2021. – 478 с.
8. Зеленцов А.Б., Прудников А.С. Административная ответственность в условиях чрезвычайных ситуаций: новые вызовы и решения // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 45-58.
9. Петров М.И. Принцип пропорциональности в административном праве: теория и судебная практика // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 1-15.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.03.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 7.

Манжело Олеся Михайловна
Manzhelo Olesya Mikhailovna

студентка магистратуры по направлению «Юриспруденция»
кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинского государственного университета

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ПЛАТЫ ЗА ПОСТАВЛЕННУЮ ТЕПЛОВУЮ ЭНЕРГИЮ ПО ДОГОВОРУ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

PROBLEMS OF COLLECTING FEES FOR SUPPLIED STHERMAL ENERGY UNDER A HEAT SUPPLY CONTRAKT

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования взаимоотношений между теплоснабжающими организациями и потребителями тепловой энергии, возникающим в процессе исполнения договора теплоснабжения. Особое внимание уделено вопросам формирования и взыскания задолженности за поставленное тепло, включая роль моратория на неустойку, неэффективность законодательных инструментов и влияние экономического поведения участников рынка. Выявлено, что низкая собираемость платежей связана с несовершенством нормативно-правовой базы, которая допускает безнаказанное уклонение от уплаты задолженности некоторыми категориями потребителей, злоупотребляющими своими правами. Предлагается ряд практических рекомендаций, направленных на совершенствование механизма расчета неустойки и введение ограничений на злоупотребление правом собственности на жилье, а также оптимизацию процесса погашения задолженности посредством внедрения механизмов рассрочки. Анализируются возможные направления развития гражданского и жилищного законодательства, направленные на устранение существующих пробелов и дисбалансов в правоотношениях, способствующих возникновению значительных объемов дебиторской задолженности в отрасли теплоснабжения.

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of legal regulation of the relationship between heat supply organizations and consumers of thermal energy that arise during the execution of a heat supply contract. Special attention is paid to the issues of debt formation and collection for the supplied heat, including the role of a moratorium on penalties, the inefficiency of legislative instruments and the impact of economic behavior of market participants. It has been revealed that the low collection of payments is associated with the imperfection of the regulatory framework, which allows unpunished evasion of debt by some categories of consumers who abuse their rights. A number of practical recommendations are proposed aimed at improving the mechanism for calculating penalties and imposing restrictions on the abuse of ownership of housing, as well as optimizing the debt repayment process through the introduction of installment payment mechanisms. Possible directions for the development of civil and housing legislation aimed at eliminating existing gaps and imbalances in legal relations that contribute to the emergence of significant amounts of receivables in the heat supply industry are analyzed.

Ключевые слова: договор теплоснабжения, дебиторская задолженность, несовершенство законодательства.

Keywords: heat supply contract, accounts receivable, imperfection of legislation.

Российская Федерация существенно отличается от отдельных государств разнообразием температурных режимов. В силу особенностей климата на территории нашего государства возникает необходимость обеспечения теплом жилого сектора, объектов социального значения и производственных фондов. Отопление осуществляется за счёт подачи теплоснабжающей организацией по сетям центрального теплоснабжения в том числе и по внутридомовым инженерным системам отопления тепловой энергии потребителю.

В условиях растущей зависимости общества от энергетических ресурсов, потребители приобретают тепловую энергию у теплоснабжающей организации по договору теплоснабжения, который требует особого подхода к правовому регулированию. В противном случае возникают риски, связанные с надежностью и стабильностью теплоснабжения, что может привести к серьезным экономическим и социальным последствиям. Поэтому необходимость тщательной разработки и

строгости соблюдения условий таких договоров становится очевидной.

Участники отношений в сфере снабжения тепловой энергией сталкиваются с противоречивостью правовых норм, конфликтами и отсутствием чётких правил в некоторых вопросах. Поскольку специфические черты этого договора исследованы еще недостаточно, то особую актуальность приобретают проблемы взыскания с потребителя задолженности по договору теплоснабжения. Недостаточно разработанные условия договора теплоснабжения ведут к невозможности взыскания в полном объеме дебиторской задолженности за поставленную тепловую энергию.

Среди главных проблем, с которыми сталкиваются теплоснабжающие организации, эксперты выделяют рост дебиторской задолженности. Неплатежи потребителей носят систематический характер. Управляющие компании не производят расчеты с поставщиками, в том числе из-за недостаточной платежной дисциплины конечных потребителей тепловой энергии.

Из-за низкой собираемости платежей за поставленную тепловую энергию у теплоснабжающей организации формируется кредиторская задолженность перед другими ресурсоснабжающими компаниями, такими как поставщики электроэнергии, холодной воды и угля. Сложившаяся ситуация может быть разрешена только при условии создания дополнительных мер по улучшению платежной дисциплины и при условии внесения изменений в законодательство, касающееся договорных отношений, связанных с поставкой тепловой энергии.

Причины возникновения дебиторской задолженности перед теплоснабжающими организациями многообразны и зависят от множества факторов, включая экономические условия, особенности рынка коммунальных услуг и поведение самих потребителей. Несовершенство законодательства является немаловажной причиной, которая выражается в недостаточном регулировании вопросов оплаты коммунальных услуг, отсутствии эффективных механизмов воздействия на недобросовестных плательщиков, что создает почву для роста задолженности. Проблемы исполнения судебных решений даже при наличии положительного судебного решения процесс принудительного взыскания долга может затянуться на длительное время.

Родионов А.С., Бриль Г.Г. в своей статье разбирают проблему взыскания платы за поставленную тепловую энергию с конечных потребителей и лиц, осуществляющих управление в многоквартирных домах[7]. Одной из причин, они видят в наличии моратория на взыскание неустойки (штрафа, пени) в отношении лиц, осуществляющих неполную или несвоевременную оплату за поставленную тепловую энергию. Авторы рассматривают судебную практику, где приходят к выводу что позиция судов в отношении взыскания неустойки различна. Часть 9.3 ст. 15 Федерального закона «О теплоснабжении» как одно из условий договора теплоснабжения предусматривает размер законной неустойки(пени) в виде градации ее размера соответственно дням просрочки оплаты коммунального ресурса (1/300, 1/170, 1/130). Размер неустойки вычисляется с применением ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации. Данный размер неустойки(пени) не стимулирует потребителя своевременно и в полном объеме производить оплату за полученную тепловую энергию. Авторы приводят статистику, в которой говорят о том, что собираемость платы ресурсоснабжающими организациями едва ли превышает 60% от стоимости поставленных ресурсов, а управляющими компаниями составляет около 95%, недоплата достигает 40 %. По итогу ресурсоснабжающая организация несет убытки, а управляющей компании выгодно противоправно пользоваться денежными средствами организации, чем оформить банковский кредит для возмещения трат на свою хозяйственную деятельность. Для решения проблемы низкой платежной дисциплины Родионов А.С., Бриль Г.Г. предлагают внести изменения в ч.ч. 9.1-9.4 ст. 15 Федерального закона «О теплоснабжении» в соответствии с которым размер неустойки за несвоевременную и(или) неполную оплату за тепловую энергию будет отвязан от величины ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации и увеличен до размера равного, например, 0,1% от суммы задолженности за каждый день просроченной оплаты. Такая практика применялась до вступления в силу Федерального закона № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

Преыдушие авторы отметили низкую собираемость платы теплоснабжающих организаций за поставленную тепловую энергию, по причине невозможности взыскания в полном объеме дебиторской задолженности с управляющих компаний, которые не преследуют цели своевременной оплаты за поставленные ресурсы, а злоупотребляют своим правом и используют денежные средства в других направлениях. В ходе моих наблюдений был выявлен системный проблемный вопрос, связанный с наличием группы потребителей, которые целенаправленно уклоняются от оплаты

поставленной тепловой энергии. Их действия обусловлены осознанием того, что теплоснабжающая организация в силу прямого запрета действующего законодательства лишена реальной возможности взыскать с них задолженность даже после получения положительного судебного решения. К данной категории граждан относятся, как правило, не имеющие официального источника дохода физические лица, являющиеся собственниками единственного пригодного для проживания жилого помещения. Это помещение подключено к тепловым сетям на условиях договора теплоснабжения, заключенного напрямую с ресурсоснабжающей организацией. Правовой основой, позволяющей таким должникам избегать ответственности, является статья 446 ГПК РФ. Данная норма устанавливает перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. В этот перечень включено, в частности, жилое помещение (или его части), если оно является для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном помещении, единственным пригодным для постоянного проживания. В результате сложившейся правовой коллизии физические лица, накопившие внушительную задолженность за потребленные коммунальные ресурсы, злоупотребляют своим правом на неприкосновенность единственного жилья. Они умышленно уклоняются от исполнения обязательств по договору теплоснабжения, ставя теплоснабжающую организацию в заведомо невыгодное положение, при котором поставка ресурса становится экономически нецелесообразной и убыточной. Для решения указанной проблемы может послужить внесение целевых дополнений в п. 1 ст. 446 ГПК РФ. Речь идет о создании исключения, аналогичного уже существующим в законодательстве. Ярким примером является обращение взыскания на единственное жилое помещение, если оно является предметом ипотеки (ст. 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»). Целевое дополнение может содержать следующее: «Теплоснабжающая организация вправе обратиться взысканием на имущество, в связи с большой дебиторской задолженностью, вызванное неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора теплоснабжения в части оплаты при условии, если будет доказано, что потребитель злоупотребляет своим правом». Внесение предложенных изменений в ст. 446 ГПК РФ позволит создать действенный правовой инструмент для борьбы со злостными неплательщиками, обеспечит защиту экономических интересов теплоснабжающих организаций и восстановит принцип неотвратимости ответственности за неисполнение обязательств, не нарушая при этом конституционные социальные гарантии граждан.

В целях оптимизации управления дебиторской задолженностью предлагаю внедрить в договор теплоснабжения положения, предусматривающие условия предоставления рассрочки. Это выгодно как теплоснабжающей организации, которая получает возможность сокращения имеющейся задолженности в разумные сроки без дополнительных расходов, так и гражданину, получающему своеобразную льготу от поставщика. Рассрочка платежа по коммунальным услугам может быть предоставлена в случаях, если гражданин накопил задолженность по какой-либо объективной причине. При этом должник вправе отказаться от рассрочки, внося всю оплату сразу, либо пользоваться рассрочкой некоторое время, а затем внести остаток суммы разом.

В связи с запретом на передачу персональных данных из ЕГРН без согласия правообладателя доступ к сведениям о собственниках помещений для третьих лиц осуществляется исключительно через судебные процедуры. Это привело к существенному увеличению сроков получения судебных приказов. Для решения проблемы необходимо предоставить возможность теплоснабжающим организациям поставщикам тепловой энергии получать необходимые данные о потребителях - должниках из государственных информационных систем.

Эти меры позволят стабилизировать ситуацию с задолженностью и повысить финансовую устойчивость энергосберегающего сектора экономики.

В заключении хотелось бы сказать, что для теплоснабжающих организаций единственным механизмом по принудительному взысканию задолженности является обращение в суд, так как подпункт "в" пункта 119 Правил № 354 прямо запрещает полное прекращение подачи тепловой энергии даже при наличии задолженности потребителя. Основанием для подачи искового заявления является договор теплоснабжения, поэтому необходимость детальной проработки и неукоснительного выполнения его условий не подлежит сомнению. Именно от этого в большинстве случаев зависит исход судебного решения. Обязательным условием для удовлетворения судом искового заявления, является расчет размера задолженности (определение размера поставленной энергии) на основании договора теплоснабжения с учетом всех его составляющих. В противном случае в судебной защите будет отказано.

Библиографический список:

1. Головкина Д.В. Понятие договора теплоснабжения и его место в системе гражданско-правовых договоров// Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1 (23). С. 86-97.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 14.11.2002. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
3. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.2011. № 354 (ред. от 19.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 22. Ст. 3168.
4. О теплоснабжении. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4159.
5. Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012. № 808 (ред. от 31.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 20.08.2012. № 34. Ст. 4734.
6. Обзоры судебной статистики - Верховный суд Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2023> (дата обращения: 07.01.2026)
7. Родионов А.С., Бриль Г.Г. Проблемы взыскания платы за поставленную тепловую энергию, ввиду низкой платежной дисциплины потребителей тепловой энергии // сборник трудов IV Международной научно-практической конференции. Кострома. 2021.- С. 245-249

Албогачиева Мадина Тимуровна**Albogachieva Madina Timurovna**

Магистр

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», юридический факультет

Кулбужева Зара Ибрагимовна**Kulbuzheva Zara Ibragimovna**

Кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

УДК 364.632

РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ**THE ROLE OF GUARD AND CUSTODY BODIES IN PROTECTING CHILDREN'S RIGHTS**

Аннотация. В статье рассматривается роль органов опеки и попечительства (ООП) в обеспечении прав и благополучия детей, лишенных родительской опеки или подвергшихся насилию и пренебрежению. Анализируются основные функции ООП, включающие выявление детей, нуждающихся в защите, обеспечение их безопасности и представление их интересов в правовой сфере. Обозначены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются ООП, такие как ограниченность ресурсов и межведомственная разобщенность. Предложены направления повышения эффективности деятельности ООП, включающие усиление финансирования, совершенствование профессиональной подготовки специалистов и укрепление межведомственного взаимодействия. Подчеркивается важность дальнейшего развития системы опеки и попечительства для реализации прав каждого ребенка на заботу и защиту.

Abstract. The article examines the role of guardianship and custody agencies (GCAs) in ensuring the rights and well-being of children who have been deprived of parental care or have been subjected to abuse and neglect. The main functions of GCAs, including identifying children in need of protection, ensuring their safety, and representing their interests in the legal sphere, are analyzed. The key challenges faced by GCAs, such as limited resources and interagency fragmentation, are identified. The article proposes ways to improve the effectiveness of GCAs, including increasing funding, improving the training of professionals, and strengthening interagency cooperation. The importance of further developing the guardianship and custody system is emphasized in order to ensure that every child's rights to care and protection are fulfilled.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства; права детей; социальная защита; дети-сироты; насилие над детьми; пренебрежение детьми; защита прав; межведомственное взаимодействие; благополучие ребенка.

Keywords: guardianship and custody bodies; children's rights; social protection; orphans; child abuse; neglect of children; protection of rights; interagency cooperation; child welfare.

Защита прав и благополучия детей является краеугольным камнем справедливого и равноправного общества. Дети, в силу своего возраста и присущей им зависимости, нуждаются в особой заботе и защите, особенно те, кто лишен адекватной родительской поддержки или сталкивается с ситуациями жестокого обращения, пренебрежения или оставления.

Органы опеки и попечительства, созданные в различных юрисдикциях, выступают в качестве важнейших, уполномоченных государством организаций, ответственных за защиту интересов этих уязвимых детей.

Настоящая статья рассматривает многогранную роль этих органов в защите прав детей, проблемы, с которыми они сталкиваются, и предлагает стратегии повышения эффективности.

Основная функция органов опеки и попечительства сосредоточена на выявлении детей, нуждающихся в защите. Это предполагает упреждающие меры, такие как реагирование на сообщения о предполагаемом насилии или пренебрежении, проведение тщательных расследований семейных обстоятельств и сотрудничество с социальными службами, правоохранительными органами и образовательными учреждениями для выявления детей, находящихся в группе риска.

После выявления ребенка, нуждающегося в помощи, эти органы обязаны обеспечить его немедленную безопасность и благополучие, что может включать временное или постоянное удаление из вредной среды. Основной обязанностью является организация надлежащего ухода, часто путем размещения в приемных семьях или учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при этом соблюдается принцип приоритета наилучших интересов ребенка и стремление к размещению, обеспечивающему стабильность, заботу и культурную чувствительность.

Помимо немедленной безопасности, органы опеки и попечительства играют значительную роль в судебных процессах, касающихся детей. Это включает в себя представление интересов ребенка на слушаниях по вопросам опеки, защиту его прав в судебных спорах и обеспечение того, чтобы его голос был услышан в вопросах, затрагивающих его будущее. Они несут ответственность за назначение подходящих опекунов, тщательно проверенных и обученных для обеспечения необходимой заботы, руководства и эмоциональной поддержки.

Когда ребенок владеет активами или имуществом, эти органы могут также брать на себя обязанности попечителя, ответственно управляя финансами ребенка и обеспечивая их надлежащее использование на благо ребенка. Доступ к образованию и здравоохранению также является ключевой областью внимания.

Органы опеки и попечительства работают над тем, чтобы дети, находящиеся под их опекой, были зачислены в соответствующие образовательные программы, получали необходимую медицинскую и психологическую помощь и имели доступ к услугам, способствующим их общему развитию и благополучию. Это распространяется на защиту интересов детей с особыми потребностями и обеспечение того, чтобы они получали необходимые условия и поддержку. Однако органы опеки и попечительства часто работают в сложной среде.

Ограниченность ресурсов, включая недостаточное финансирование и нехватку персонала, часто затрудняет их способность эффективно реагировать на растущий спрос на их услуги. Проблемы координации между различными учреждениями, такими как социальные службы, школы и медицинские учреждения, могут создавать пробелы в коммуникации и препятствовать предоставлению комплексной помощи.

Культурная чувствительность является еще одной важной областью, требующей от органов осведомленности и реагирования на разнообразные культурные традиции и потребности детей и семей, которым они служат.

Кроме того, баланс между наилучшими интересами ребенка и правами биологических родителей может создавать сложные этические и юридические дилеммы, требующие тщательного рассмотрения и принятия обоснованных решений.

В Российской Федерации органы опеки и попечительства полностью не решают проблему устройства и благосостояния детей. Основная проблема состоит в том, что государство должно создавать благоприятные условия для развития семьи и принимать меры для её защиты.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод о том, что ведущая роль в защите прав и интересов детей отводится органам опеки и попечительства. Несовершенство процесса установления опеки и попечительства связано напрямую с правовым регулированием. Это в большей степени касается не пробелов в законодательстве в рассматриваемой сфере, а с неполной реализацией правовых предписаний.

Образование самостоятельного управления позволило бы решить массу вопросов - кадровые, организационные и материальные аспекты в работе. Также благодаря такому преобразованию может повыситься качество выполняемой работы, сейчас органы опеки и попечительства занимаются в основном неотложной работой - выявление и учёт граждан, нуждающихся в установлении над ними опеки и попечительства, подготовкой заключений по запросам суда, представляют интересы несовершеннолетних в суде и другое.

Часто встречаются предложения о введении института социального патроната над семьёй, дети которой нуждаются в государственной защите.

Под социальным патронатом подразумевают форму социальной поддержки и предоставление услуг семьям и детям, попавшим в трудную, и даже опасную, кризисную ситуацию, но не обладающим способностью или Утратившим возможность самостоятельно её преодолеть. Такая форма социальной поддержки очень важна для семей, нуждающихся в реабилитации. При социальном патронате составляют индивидуальный план мероприятий с использованием различных методов для нормального воспитания и развития ребенка (детей) в семье.

Для повышения эффективности органов опеки и попечительства необходимо: увеличить финансирование для снижения нагрузки на сотрудников и найма специалистов; расширить программы обучения персонала; укрепить межведомственное сотрудничество; проводить информационные кампании о жестоком обращении с детьми; вовлекать общество и поддерживать приемные семьи; провести законодательные реформы.

В заключение, органы опеки и попечительства выступают в качестве незаменимых участников в защите прав и благополучия уязвимых детей. Несмотря на значительные проблемы, их роль в выявлении нуждающихся детей, предоставлении ухода и защиты, представлении их интересов в судебных разбирательствах и обеспечении доступа к основным услугам имеет решающее значение.

Непрерывные усилия по укреплению этих органов за счет увеличения ресурсов, улучшения обучения, расширения межведомственного сотрудничества и вовлечения общественности необходимы для обеспечения того, чтобы все дети получали заботу и защиту, которых они заслуживают, что позволяет им процветать и полностью раскрыть свой потенциал.

Библиографический список:

1. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
2. Иванова, Е. И. Правовая защита детства в России / Е. И. Иванова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – 200 с.
3. Нечаева, А. М. Семейное право: курс лекций / А. М. Нечаева. – Москва: Юрист, 2002. – 336 с.
4. Овчарова, Р. В. Справочная книга социального педагога / Р. В. Овчарова. – Москва: ТЦ Сфера, 2001. – 480 с.
5. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России: учебник для вузов / Л. М. Пчелинцева. – Москва: Норма, 2002. – 688 с.
6. Сорокин, В. М. Специальная педагогика: учебное пособие / В. М. Сорокин. – Санкт-Петербург: КАРО, 2003. – 480 с.

Албогачиева Мадина Тимуровна**Albogachieva Madina Timurovna**

Магистр

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», юридический факультет

Кулбужева Зара Ибрагимовна**Kulbuzheva Zara Ibragimovna**

Кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

УДК 340

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПРОФИЛАКТИКИ**DOMESTIC VIOLENCE: LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTION AND PREVENTION**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы насилия в семье как одной из самых актуальных социальных проблем современного общества. Описываются основные правовые механизмы защиты жертв насилия, включая действующее законодательство, а также роль правоохранительных и судебных органов. Особое внимание уделяется профилактическим мерам, направленным на предотвращение насилия в семье, включая программы социальной поддержки и образовательные инициативы. В заключение подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению проблемы, интеграции усилий различных институтов и повышения осведомленности общества о данной проблеме.

Abstract. The article addresses issues of domestic violence as one of the most pressing social problems in modern society. It describes the primary legal mechanisms for protecting victims of violence, including existing legislation, as well as the roles of law enforcement and judicial authorities. Special attention is given to preventive measures aimed at preventing domestic violence, including social support programs and educational initiatives. In conclusion, the necessity of a comprehensive approach to addressing the problem is emphasized, alongside the integration of efforts from various institutions and raising public awareness of this issue.

Ключевые слова: насилие в семье, правовые механизмы, защита, профилактика, социальные службы, законодательство, психологическая помощь, жертвы насилия, информирование, семейное право.

Keywords: domestic violence, legal mechanisms, protection, prevention, social services, legislation, psycho logical assistance, victims of violence, awareness, family law.

Насилие в семье – это форма насилия, которая происходит в пределах семейных отношений и может проявляться как физическое, эмоциональное, психологическое, сексуальное или экономическое насилие. Оно может касаться как партнеров, так и детей, а также других членов семьи. Насилие в семье характеризуется стремлением одного из партнеров доминировать и контролировать другого, что ведет к нарушению прав и свобод жертв [1].

Насилие в семье остается одной из наиболее серьезных социальных проблем, затрагивающих тысячи людей по всему миру. В условиях повышенной социальной напряженности, экономических кризисов и изменений в традиционных семейных структурах случаи домашнего насилия становятся все более распространенными. Эффекты насилия не ограничиваются лишь физическими травмами; они также затрагивают психическое здоровье жертв, приводят к социальной изоляции и оказывают негативное воздействие на детей, воспитывающихся в таких условиях. В связи с этим вопрос поиска эффективных правовых механизмов защиты и профилактики насилия в семье становится как никогда актуальным.

Цель данной статьи заключается в исследовании правовых механизмов, направленных на защиту жертв насилия в семье, а также в оценке существующих программ профилактики этой проблемы. Задачи статьи включают: 1. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики в области защиты жертв насилия. 2. Выявление ключевых проблем и

недостатков, с которыми сталкиваются жертвы в процессе получения помощи. 3. Обсуждение успешных моделей профилактики насилия в семье, применяемых в различных странах. 4. Формулирование рекомендаций по совершенствованию правовых механизмов и программ профилактики.

Различные теоретические модели помогают объяснить причины насилия в семье. Одним из наиболее распространённых подходов является феминистская теория, которая рассматривает насилие как средство, позволяющее поддерживать гендерное неравенство. Согласно этой теории, культурные нормы и социальные структуры способствуют легитимации насилия, как способа контроля над женщинами. Другой подход - социально-экологическая модель, которая выделяет влияние факторов на раз личных уровнях, включая индивидуальные, межличностные, общественные и культурные.

Эти подходы подчёркивают сложность проблемы и необходимость комплексного вмешательства [2]. Исследования показывают, что правовые механизмы защиты жертв насилия в семье часто оказываются недостаточными. Например, работы, проведённые в ряде стран, указывают на нехватку правовой осведомлённости среди жертв, что препятствует их доступу к необходимой помощи. Также отмечено, что законы, направленные на защиту жертв, могут быть неэффективно применены в суде из-за предвзятости или нехватки ресурсов у правоохранительных органов. Это подтверждает необходимость постоянного анализа и усовершенствования действующего законодательства [8].

Существующие методы профилактики насилия в семье включают образовательные программы, общественные кампании и работу с семьями, находящимися в группе риска. Результаты исследований показывают, что профилактические меры, ориентированные на изменение общественного сознания и поведенческих моделей, имеют положительные результаты. Например, программы, направленные на обучение молодежи навыкам здорового общения и разрешения конфликтов, демонстрируют снижение уровней насилия. Однако несмотря на это, недостаточное финансирование и отсутствие межведомственного сотрудничества часто ограничивают эффективность этих методов.

Таким образом, необходимо развивать более интегрированные подходы к профилактике насилия в семье и привлекать к ним значительно больше ресурсов. Законодательство против насилия в семье включает в себя различные правовые нормы, направленные на защиту жертв и предотвращение насилия. В большинстве стран действуют специальные законы, охватывающие аспекты физического и психологического насилия, а также законодательные акты, касающиеся охранных ордеров и уголовной ответственности за такие преступления. Эти законы часто определяют, кто является жертвой насилия, и предоставляют юридические средства для их защиты, включая такие меры, как временные запреты на приближение и поддержка в получении медицинской и юридической помощи [1].

Полиция играет ключевую роль в реагировании на случаи насилия в семье. Их задачи включают расследование инцидентов, сбор доказательств и обеспечение безопасности жертв. Однако многие исследования указывают на недостаточную подготовку и осведомленность сотрудников полиции по вопросам гендерного насилия, что может привести к неполноценному реагированию. Судебные органы, в свою очередь, ответственны за применение законодательства на практике.

Эффективность судебной системы в защите жертв насилия зависит от профессионализма судей и адвокатов, а также от наличия специализированных судебных учреждений, которые могут рассматривать дела о насилии в семье. Существует множество институтов и организаций, работающих над защитой жертв насилия в семье. Это могут быть государственные учреждения, такие как социальные службы и центры помощи, а также НКО, которые предлагают убежище, юридическую помощь и поддержку жертвам.

Эти организации часто выполняют промежуточную роль между жертвами и правоохранительными органами, обеспечивая необходимую поддержку и ресурсы. Эффективное взаимодействие между этими институтами и правоохранительными органами является критически важным для создания безопасной среды для жертв и улучшения доступа к правовым механизмам защиты.

Существуют различные программы и инициативы, которые направлены на предотвращение насилия в семье. Эти программы могут включать в себя консультации, тренинги и специализированные курсы для потенциальных жертв и агрессоров.

Особое внимание уделяется программам, ориентированным на молодежь, которые обучают навыкам ненасильственного разрешения конфликтов и уважительного взаимодействия. Также

развиваются общественные кампании, направленные на информирование населения о признаках насилия и доступных ресурсах помощи, что способствует более быстрому обращению жертв за помощью [3].

Образовательные учреждения играют важную роль в профилактике насилия в семье, внедряя программы по обучению детей и молодежи уважению друг к другу, эмоциональному интеллекту и навыкам решать конфликты мирным путем. Уроки, направленные на развитие критического мышления и понимание гендерного равенства, могут значительно снизить вероятность насилия в будущем. Социальные службы, в свою очередь, обеспечивают поддержку для семей, находящихся в группе риска. Они могут предложить услуги по консультированию, поддержку в сложных ситуациях и работу с родителями на тему воспитания и создания безопасной домашней обстановки [4].

Общественная профилактика и осведомленность о проблеме насилия в семье имеют решающее значение для изменения общественных стереотипов и норм, способствующих насилию. Информирование населения о последствиях насилия, а также о том, как можно помочь жертвам, может сыграть ключевую роль в предотвращении таких инцидентов. Кампании, направленные на повышение осведомленности, могут использовать различные медиаформаты, включая социальные сети, телевидение и печатные издания, что позволяет охватить широкую аудиторию. Важно, чтобы сообщества работали совместно, объединив усилия различных организаций, чтобы создать безопасную и поддерживающую среду для всех членов общества [7].

Несмотря на наличие законодательства, направленного на защиту жертв насилия в семье, его реализация сталкивается с множеством трудностей.

Например, недостаточная осведомленность правоохранительных органов о действующих законах может приводить к неэффективному реагированию на инциденты. Кроме того, предвзятость и стереотипы в отношении жертв могут влиять на способность сотрудников применять законы на практике.

В некоторых случаях жертвы сталкиваются с бюрократическими преградами и сложностями в получении необходимых защитных мер, таких как охранные ордера. Доступ к помощи для жертв насилия остается критической проблемой. Многие жертвы не знают о доступных ресурсах или боятся обратиться за помощью из-за стигматизации и страха перед возможными последствиями. Отсутствие укрытия, финансовой помощи и доступа к юридической поддержке также препятствует тому, чтобы жертвы могли покинуть насильственные отношения.

Одной из ключевых проблем является недостаточная координация между различными учреждениями, работающими в области защиты жертв насилия. Эффективная помощь требует интеграции усилий правоохранительных органов, социальных служб, образовательных учреждений и НКО. Безналичная связь и сотрудничество между этими организациями могут привести к более скоординированным усилиям в области профилактики и поддержки жертв.

Например, создание анонимных горячих линий, профессиональные тренинги для работников правоохранительных органов и совместные инициативы по повышению общественной осведомленности могут значительно улучшить ситуацию и оказать необходимые услуги жертвам насилия [5].

Проведенный анализ показывает, что несмотря на наличие юридических механизмов для защиты жертв насилия в семье, существует множество проблем, препятствующих их эффективной реализации.

Кроме того, отсутствие интеграции между различными инстанциями создает дополнительные барьеры для поддержки жертв. Эти находки подчеркивают критическую необходимость в комплексном подходе к решению проблемы насилия в семье. Для повышения эффективности правовых механизмов защиты жертв насилия в семье рекомендуется: 1. Обучение сотрудников правоохранительных органов и судебной системы о тонкостях насилия в семье, его признаках и необходимом реагировании. 2. Упрощение доступа к юридической помощи и защищенным мерам, включая автоматизацию процессов подачи заявлений на охранные ордера. 3. Проведение регулярного мониторинга и оценки правоприменительной практики для выявления недостатков и их устранения.

В целом, для достижения значимого прогресса в борьбе с насилием в семье необходимо объединить усилия всех заинтересованных сторон и активно работать над улучшением защиты и профилактики.

Библиографический список:

1. Ведерникова А.А. Проблемы правового регулирования ответственности за домашнее насилие // ФГБОУ ВО «БГУ» 2020 С. 1 – 3 URL: content/uploads/2020/03/Внутренняя-НПК.pdf (дата обращения 02.11.2025).
2. Джоробекова Р З., Жумабай Уулу М. Обеспечение защиты женщин от семейного насилия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №1-3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschity-zhenschin-ot-semeynogo-nasiliya> (дата обращения: 02.11.2025).
3. Дюбан Э. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации// CAS 2020г. С. 51-62 URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05> (дата обращения 02.11.2025).
4. Клёцина И.С., Иоффе Е.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. №1 (74). С. 4-17 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-analize-prichin-proyavleniya-nasiliya-v-blizkikh-otnosheniyah-mezhdu-muzhchinami-i-zhenschinami> (дата 02.11.2025).
5. Кобегенова Г. Ж. Роль медиации в предотвращении бытового насилия // Yessenov science journal. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mediatsii-v-predotvraschenii-bytovogo-nasiliya> (дата обращения: 02.11.2025).
6. Мартынова Т.Ф., Терстон Д. Влияние образовательных программ на отношение к проблеме насилия в семье // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obrazovatelnyh-programm-na-otnoshenie-k-probleme-nasiliya-v-semie> (дата обращения: 02.11.2025).
7. Садыков Р. М., Большакова Н. Л. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: СУЩНОСТЬ И ВИДЫ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №7-2. С. 81-84 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-suschnost-i-vidy> (дата обращения: 02.04.2025).
8. Черникова Т. А., Шайдукова Л. Д., Ямаева Е. В. Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях // МНИЖ. 2020. №9-2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-profilaktiki-semeynogo-nasiliya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 02.11.2025).

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexander Sergeevich

Кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Ермакова Арина Евгеньевна
Ermakova Arina Evgenievna

студент юридического факультета

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

УДК 343.14

**КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
ПРОБЛЕМЫ ОТСЛЕЖИВАНИЯ И ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ**

**CRYPTOCURRENCIES AS AN OBJECT OF FORENSIC ECONOMIC EXAMINATION:
PROBLEMS OF TRACKING AND LEGAL QUALIFICATION**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы производства судебно-экономической экспертизы в отношении цифровых валют в 2025 году. Автор анализирует противоречия между юридическим статусом криптовалюты как имущества и её технологической природой как программного кода. Особое внимание уделено сложностям идентификации владельцев криптоактивов и верификации транзакций в распределенных реестрах. Предложены пути совершенствования экспертных методик в условиях цифровизации правового пространства РФ.

Abstract. This article examines current issues in conducting forensic economic examinations of digital currencies in 2025. The author analyzes the contradictions between the legal status of cryptocurrency as property and its technological nature as software code. Particular attention is paid to the complexities of identifying cryptoasset owners and verifying transactions in distributed ledgers. Ways to improve forensic methods are proposed in the context of the digitalization of the Russian legal space.

Ключевые слова: криптовалюты, блокчейн, судебно-экономическая экспертиза, отслеживание транзакций, правовая квалификация, цифровые активы, виртуальные валюты.

Keywords: Cryptocurrencies, blockchain, forensic economic expertise, transaction tracking, legal qualification, digital assets, virtual currencies.

Актуальность исследования криптовалют в контексте судебно-экономической экспертизы обусловлена их стремительным проникновением в финансовый оборот и, как следствие, в сферу правовых конфликтов. Цифровые активы все чаще фигурируют в делах о мошенничестве, легализации преступных доходов, налоговых правонарушениях, банкротстве и разделе имущества. Это создает насущную потребность в специальных познаниях для анализа операций с криптовалютами. Однако их технологическая уникальность, основанная на распределенных реестрах (блокчейн), и сохраняющаяся правовая неопределенность формируют комплекс серьезных проблем для современной экспертной практики. Целью данной работы является систематизация ключевых препятствий, связанных с отслеживанием и правовой квалификацией криптоактивов, и определение путей их преодоления.

Первое и фундаментальное препятствие, с которым сталкивается судебно-экономический эксперт – это необходимость ответить на простой вопрос: что такое криптовалюта в глазах закона? От ответа на него зависит выбор методики, формулировка выводов и, в конечном счете, судьба судебного решения. Для решения таких вопросов есть Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» [2]. Закон вводит понятие «цифровая валюта», определяя ее как «совокупность электронных данных, которые представляют собой средство платежа и (или) инвестиций». В России действующий закон прямо запрещает принимать цифровую валюту как оплату за товары, работы и услуги, но в то же время ценность криптовалюты признается судом на уровне имущества, этот момент выражает главную проблему – противоречие [6].

На практике эксперт оказывается в роли своеобразного арбитра между несколькими правовыми концепциями:

Имущественная теория. Криптовалюта рассматривается как разновидность имущества или имущественного права. Эта позиция находит отражение в некоторых решениях высших судов и коррелирует с подходом к оценке любого иного актива. Для эксперта-экономиста это означает установление его рыночной стоимости на релевантную дату, что само по себе является нестандартной задачей в условиях нестабильности и множественности торговых площадок.

Теория цифрового права. С точки зрения закона цифровая валюта считается цифровым правом. Но в законе плохо прописано, как именно она должна работать, из чего состоять и как ее защищать. Поэтому эксперту приходится не просто оценивать стоимость актива, а буквально «расшифровывать» программный код, чтобы понять, какие именно права в нем заложены и как работает алгоритм.

Таким образом, эксперт вынужден начинать исследование не с технического анализа, а с юридического обоснования той оптики, через которую он будет рассматривать объект.

Криптовалюта же существует в принципиально иной среде - децентрализованной, псевдонимной и глобальной. Это порождает специфические вызовы, которые лишь начинают осмысливаться в экспертной литературе [4].

Проблема идентификации. Установление связи между криптовалютным адресом (строкой символов) и конкретным физическим или юридическим лицом - краеугольный камень любого расследования. В отличие от банковского счета, для открытия которого требуется паспорт, кошелек создается анонимно. Эксперт-экономист, не обладающий компетенциями в области компьютерно-технической экспертизы, не может самостоятельно извлечь цифровые следы (ключи, историю браузера, метаданные) с устройств подозреваемого. Его заключение о наличии у лица криптоактивов будет голословным без привлечения IT-специалиста, который эти данные предоставит.

Проблема верификации транзакций в распределенных реестрах зачастую недооценивается из-за кажущейся доступности данных в блокчейне. Несмотря на открытость реестра, его глубокий анализ требует специализированного программного обеспечения и высокой квалификации в области анализа данных. Использование децентрализованных финансовых инструментов (DEX), кросс-чейн протоколов и технологий повышения конфиденциальности (например, CoinJoin) позволяет эффективно фрагментировать и маскировать движение активов. Реконструкция подобных цепочек транзакций выходит за рамки классического судебного-экономического анализа, базирующегося на документальных данных и бухгалтерской отчетности. Компетенция эксперта-экономиста в данном случае ограничена констатацией факта перемещения активов между адресами. Идентификация лиц, контролирующих данные адреса, а также прослеживание путей дальнейшего распределения средств через децентрализованные сервисы требует привлечения технических специалистов (блокчейн-аналитиков) и применения междисциплинарного подхода.

Помимо указанных сложностей, отдельным и крайне важным является международный характер криптовалютных операций и связанные с этим юрисдикционные риски. Поскольку блокчейн-сети и основные криптобиржи глобальны и часто зарегистрированы в офшорных юрисдикциях, у эксперта и суда возникают непреодолимые барьеры для получения официальной информации. Даже точно установив факт вывода активов на зарубежную биржу, российские правоохранительные органы могут столкнуться с невозможностью получения данных о владельце счета или движении средств из-за отсутствия международных соглашений или нежелания иностранной платформы сотрудничать. Это создает "слепые зоны" в расследовании, существенно ограничивает возможность полного финансового анализа и позволяет преступникам уводить активы в правовую тень. Следовательно, экспертное заключение должно не только фиксировать факт трансграничной операции, но и четко обозначать, где заканчиваются технические возможности анализа и начинается область международного правового регулирования, требующая дипломатических или межгосударственных механизмов взаимодействия, что выходит за рамки компетенции самого эксперта.

Главная проблема - как превратить цифровые данные в доказательства для суда. Даже если эксперт отследил все операции с криптовалютой, сами по себе скриншоты с сайтов или отчеты из специальных программ суд может не принять. Их легко оспорить, чтобы доказательства были убедительными, нужен правильный порядок их оформления. Например, данные с сайта нужно зафиксировать через нотариуса или в рамках отдельной компьютерной экспертизы, составив официальный протокол. Особенно важно правильно изъять исходные данные: пароли (сид-фразы), ключи, файлы кошельков. Это должна делать следственная группа или IT-эксперт с помощью специального оборудования, чтобы создать точную копию и гарантировать, что данные не менялись. Если на этом этапе допустить ошибку, всё дальнейшее исследование потеряет смысл, потому что суд

не поверит в подлинность информации.

Проблема оценки так же присутствует. Даже если актив идентифицирован и «пойман», его оценка в валюте (рублях) на конкретную дату осложнена. Курс может радикально различаться на разных биржах в один и тот же момент. Какой источник котировок является достоверным для суда? Исторические данные могут быть неполными. Оценка требует не только экономических расчетов, но и понимания архитектуры рынка криптоактивов.

Необходима разработка комплексных междисциплинарных методик, где будет прописан четкий алгоритм взаимодействия: криминалист или IT-эксперт извлекает и фиксирует цифровые следы (закрытые ключи, запись кошелька, историю посещений бирж); специалист по блокчейн-аналитике (новая, еще не институционализируемая в России экспертная специальность) реконструирует транзакционные цепочки и идентифицирует контрагентов; и только затем эксперт-экономист, опираясь на эти технически установленные и юридически интерпретированные факты, проводит стоимостную оценку и анализ экономической сущности операций.

Такой подход требует и изменения парадигмы подготовки экспертных кадров. Экономисту уже недостаточно знания бухгалтерского учета и финансового анализа. Ему необходимы базовые знания в области криптографии, принципов работы основных блокчейнов (Bitcoin, Ethereum), понимание устройства криптобирж и DeFi-сервисов. Это не делает его техником, но позволяет говорить с коллегами на одном языке и грамотно формулировать вопросы для смежных экспертиз.

Криптовалюта выступает катализатором системных противоречий между правом, экономикой и программными технологиями. Ее внедрение в оборот продемонстрировало несовершенство традиционных методов судебной экспертизы, которые изначально не были адаптированы для исследования объектов, базирующихся на программном алгоритме, а не на документарном носителе. Сложности юридической классификации цифровых активов и технические барьеры их отслеживания свидетельствуют о наличии «цифрового разрыва» в современной правоприменительной практике

Преодоление указанного разрыва является стратегической задачей. Оно требует не только внесения точечных изменений в действующее законодательство, но и комплексной трансформации экспертного сообщества.

Ключевыми условиями выступают готовность к междисциплинарному взаимодействию и оперативная разработка унифицированных стандартов экспертной деятельности. Перспективы развития судебно-экономической экспертизы в условиях цифровизации связаны не с сохранением профессиональной замкнутости, а с интеграцией знаний из различных областей. Только такой подход позволит обеспечить правосудие объективными, достоверными и технологически обоснованными заключениями, необходимыми для эффективной защиты прав участников цифрового оборота.

Библиографический список:

1. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза.: Сборник материалов / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина 3-е издание — Москва: Проспект, 2023. — 352 с
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. –(дата обращения: 27.12.2025).
3. Коренная, А.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. (дата обращения: 27.12.2025).
4. Виноградова М.М. Криптовалюта как новый объект судебной экономической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 2. С. 6–13
5. Гаджиев Н.Г., Киселева О.В., Коноваленко С.А., Скрипкина О.В. Судебная экономическая экспертиза. М.: Инфра-М, 2021. 200 с.
6. Борануков М. Х. Криптовалюта как объект или средство совершения преступлений в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 3 (59). С. 41-47.

Кокаева Елена Николаевна**Kokaeva Elena Nikolaevna**

магистратура, институт права

Тольяттинский государственный университет

УДК 347.9

**ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ****POWERS OF AN APPELLATE COURT WHEN REVIEWING A CIVIL CASE IN A
COURT OF APPELLATE OF GENERAL JURISDICTION**

Аннотация. Судебная система Российской Федерации состоит из нескольких уровней, одним из которых являются суды апелляционной инстанции. Апелляция – это процедура проверки вышестоящим судом не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции, позволяющая исправить судебные ошибки и обеспечить право участников процесса на повторное рассмотрение дела по существу, с возможностью представления новых фактов и доказательств. Цель данной статьи – исследовать полномочия апелляционной инстанции общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел. В частности, проанализировать общие положения о деятельности апелляционного суда, уточнив понятие и особенности пределов рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции общей юрисдикции. Сделан вывод, что современная отечественная модель процедуры обжалования (апелляционный пересмотр) в вышестоящий суд (апелляционная инстанция) представляет собой компромисс, который создает системную неопределенность в вопросе о пределах рассмотрения дела, порождая множество коллизий на практике. Это обосновывает необходимость четкой законодательной фиксации пределов рассмотрения дела с целью устранения злоупотреблений в применении судебного усмотрения, в связи с чем предложено ключевое направление конкретизации пределов.

Abstract. The judicial system of the Russian Federation consists of several levels, one of which is the appellate courts. An appeal is a procedure for a higher court to review unfinished first-instance decisions, allowing for the correction of judicial errors and ensuring the right of litigants to a retrial on the merits, with the opportunity to present new facts and evidence. The purpose of this article is to examine the powers of an appellate court of general jurisdiction when reviewing civil cases. Specifically, to analyze the general provisions governing the activities of an appellate court, clarifying the concept and specific scope of review in an appellate court of general jurisdiction. It is concluded that the current domestic model of appeal proceedings (appellate review) to a higher court (appellate instance) represents a compromise that creates systemic uncertainty regarding the scope of case review, giving rise to numerous practical conflicts. This justifies the need for a clear legislative definition of the scope of case review in order to eliminate abuses in the exercise of judicial discretion. Therefore, a key area of specifying these scopes is proposed.

Ключевые слова: гражданское дело, суды общей юрисдикции, судебное решение, судебная ошибка, полная и неполная апелляция, апелляционное обжалование, проверка законности.

Keywords: civil case, courts of general jurisdiction, judicial decision, judicial error, full and partial appeal, appellate review, legality review.

Апелляционный суд – это суд второй инстанции, который проверяет законность и обоснованность решений судов первой инстанции (мировых, районных судов, судов субъектов, арбитражных судов первой инстанции) до того, как они вступили в силу. Апелляционный суд не рассматривает дело заново («с нуля»), а пересматривает уже принятое решение в вышестоящем порядке, при этом он может исследовать новые доказательства, если имеются уважительные причины. Цель данной статьи – проанализировать полномочия суда апелляционной инстанции при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции, а также подчеркнуть их значение для обеспечения справедливости и законности судебных разбирательств. Актуальность темы обусловлена усложнением дел и ростом требований к качеству судебного решения, неоднородностью подходов к

исследованию доказательств в судах второй инстанции, а также необходимостью соблюдения баланса между правом на справедливое разбирательство и принципом правовой определенности.

В теории и практике различают два вида процедуры обжалования (пересмотра) не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции: полная и неполная апелляция. В первом случае судебный процесс может быть возобновлен, с одновременным исправлением допущенных при первичном рассмотрении дела ошибок, второй случай предусматривает узкую направленность – проверку решения суда первой инстанции [1].

Отечественное гражданское судопроизводство основано на правилах неполной апелляции в соответствии со ст. 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ). Однако необходимо отметить, что законодатель избрал не классическую модель неполной апелляции, а смешанную – формально провозглашая проверку решения в пределах доводов апелляционной жалобы и представленных в первой инстанции доказательств, а также одновременно закрепляя ряд исключений, придающих апелляции черты полной [2]. Эта двойственность создает системную неопределенность в вопросе пределов рассмотрения дела в апелляции. Между тем, С.И. Князькин указывает, что «на историко-теоретическом уровне ранее уже было заложено фундаментальное противоречие между волей стороны, определяющей предмет обжалования (принцип диспозитивности), и властными полномочиями суда по обеспечению законности (принцип процессуальной активности), которое и составляет основную проблему в определении границ апелляционного пересмотра» [3, с. 324].

Институт апелляционных судов общей юрисдикции, введенный масштабной судебной реформой 2019 года, представляет собой принципиально новое звено в системе проверки судебных актов по гражданским делам в Российской Федерации. При этом новая инстанция, по сути, встроилась в ранее существующий формат судебных коллегий, которые стали заниматься той же деятельностью, что и прежде, но под иным названием – превратились из кассации в апелляцию. Такой подход в корне отличен от системы арбитражных судов, где были образованы специальные судебные органы, с конкретными полномочиями, отличающимися от кассационных возможностей. В рамках прежней правовой системы верховные суды субъектов Российской Федерации обладали компетенцией по рассмотрению гражданских дел, выступая одновременно в качестве суда первой, апелляционной и кассационной инстанции. С введением новой судебной системы решена проблема местонахождения апелляционной и кассационной инстанции. Теперь они находятся одних и тех же местах – верховных судах субъектов Российской Федерации и окружных (флотских) военных судах. Таким образом, ключевым итогом судебной реформы стала масштабная реорганизация системы судов общей юрисдикции, выразившаяся в структурном сближении с системой арбитражных судов и изменении инстанционной системы.

В новой архитектуре судебной власти именно апелляционные суды общей юрисдикции стали судами второй инстанции для региональных верховных судов, а также краевых, областных и приравненных к ним судов. К их компетенции отнесено рассмотрение дел в апелляционном порядке, а также пересмотр судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам¹. Предметом разбирательства в созданных апелляционных судах общей юрисдикции являются судебные акты первой инстанции, которые еще не вступили в силу. Они функционируют в пределах одного судебного округа, также им подсудны дела, рассматриваемые по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Для последних подсудность полностью меняется, поскольку согласно прежним законодательным подходам их рассматривали исключительно суды первой инстанции (по тем судебным постановлениям, которые вынесли районные или мировые судьи, никаких изменений в деятельности апелляции не произошло). Можно сделать вывод, что основной целью указанных изменений является обеспечение объективности и независимости судопроизводства на экстерриториальной основе (повышение независимости и самостоятельности судебных инстанций, осуществляющих пересмотр судебных актов).

Законодатель установил исчерпывающие требования к процедуре инициирования апелляционного производства: определен порядок и срок подачи апелляционных жалобы и представления (ст. 321 ГПК РФ); требования к их содержанию (ст. 322 ГПК РФ), а также основания для оставления этих жалоб без движения или их возвращения (ст. ст. 323, 324 ГПК РФ). При этом апелляционное производство, будучи самостоятельной стадией гражданского процесса, обладает

¹ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». (дата обращения: 27.12.2025)

свойством процессуальной преемственности между судебными инстанциями. Его отличительная черта заключается в двухэтапной структуре, где первоначальные действия по принятию и подготовке апелляционных жалоб (представлений) совершаются судом первой инстанции, и лишь после этого дело поступает на рассмотрение по существу в апелляционный суд. Данная организационно-процессуальная особенность подчеркивает взаимосвязь инстанций в рамках единого механизма судебной защиты. Однако двойственность, свойственная смешанной модели апелляции, создала серьезную проблему – отсутствуют ясные и единые правила, определяющие границы, в которых суд может пересматривать дело. С одной стороны, эти границы задаются аргументацией жалобы и доказательствами (часть 1 статьи 327.1 ГПК РФ), с другой – правами суда по всесторонней проверке решения ради обеспечения законности (часть 2 статьи 327.1 ГПК РФ).

Несогласованное сочетание этих принципов порождает неопределенность, которая представляет собой значительную сложность в практическом применении. Другими словами, центральной проблемой в рамках системных основ деятельности апелляционного суда являются пределы пересмотра (рассмотрения дела). Функционально эти пределы представляют собой систему законодательных ограничений, детерминирующих масштаб проверки, глубину вмешательства в решение первой инстанции и границы его корректировки, включая право на пересмотр не только на пользу, но и во вред подателю жалобы. Пределами рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции общей юрисдикции являются закрепленные в ст. 327.1 ГПК РФ критерии, которые определяют предмет и объем проверочной деятельности суда второй инстанции и отражают баланс между началом формальной определенности, основанным на доводах сторон, и началом судебного усмотрения, направленным на обеспечение законности.

Исторические корни современного подхода к определению границ апелляционного рассмотрения уходят в советское процессуальное законодательство. Так, В.А. Илюхина, указывает, что «принцип разрешения дел на основании действующего законодательства, закрепленный в ст. 10 ГПК РСФСР 1964 г., предписывал судам выносить решения строго в соответствии с нормами права» [4, с. 59], что напрямую соответствует современным требованиям проверки законности судебных актов в апелляции. Кроме того, принцип добросовестности сторон (фактически действует в процессуальной сфере в качестве оценочной категории, позволяющей квалифицировать поведение участников через призму недопустимости злоупотребления правом), обязывающий суд пресекать злоупотребления процессуальными правами, во многом определяет и современные границы исследования новых доводов в апелляционной инстанции, препятствуя злоупотреблению правом на представление доказательств [5]. Данная типология важна, поскольку, как сказано выше, российский законодатель избрал не классическую, а смешанную модель, что порождает системные противоречия в определении пределов.

Непосредственным законодательным воплощением доктринальных дискуссий и исторических принципов стала система конкретных правил, закрепленная в ст. 327.1 ГПК РФ. Первым ключевым элементом этой системы выступает принцип ограниченности проверки доводами апелляционной жалобы и представления. Законодатель, устанавливая в части 1 статьи 327.1 ГПК РФ пределы апелляционного пересмотра, связывает проверочную деятельность суда второй инстанции с правовой и фактической аргументацией, изложенной участниками процесса в апелляционных жалобе, представлении и возражениях на них. Это означает, что инициатива по пересмотру судебного акта исходит от лиц, участвующих в деле, а суд проверяет законность и обоснованность решения лишь в той части, на которую указали заявители, и по тем основаниям, которые они привели в жалобе. Данная норма, реализуя один из ключевых принципов гражданского процесса – принцип диспозитивности – закрепляет прямую обязанность суда рассматривать судебное дело только в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы [6].

Иллюстрацией нарушения принципа проверки в пределах доводов жалобы, ведущего к утрате апелацией своей сущности, служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2022 года № 56-КГ22-8-К9. Так, рассматривая спор о взыскании заработной платы, Приморский краевой суд оставил решение первой инстанции без изменений. В нарушение прямого предписания ч. 1 ст. 327.1 и ч. 3 ст. 329 ГПК РФ суд не привел в определении разъяснений, по которым были отклонены конкретные и существенные доводы ответчика (о порядке оплаты ночных часов, о предоставлении отпуска за ненормированный день, о природе выплат за совмещение). Тем самым апелляционная инстанция не только вышла за рамки неполной апелляции, но и отказалась от какой-либо содержательной проверки, превратив процедуру в формальность, что

является искажением самой цели апелляционного пересмотра². Подход, при котором апелляционный суд ограничивается поверхностным подтверждением выводов суда первой инстанции, не является единственным. Более того, такие действия суда второй инстанции приводят к системному искажению сути апелляционного пересмотра.

Еще одной особенностью представления и исследования доказательств в суде первой инстанции является принцип непосредственности, предполагающий формирование судьейского убеждения на основе личного, прямого и живого контакта с доказательствами [7]. Суд апелляционной инстанции должен оценивать как имеющиеся в деле, так и дополнительно представленные доказательства. Таким образом, формальное соблюдение правила о пределах доводов жалобы при фактическом отказе от содержательной проверки не только нарушает принцип диспозитивности, но и сводит на нет публично-правовую функцию апелляции по охране законности, по сути, превращая ее в фиктивную процедуру.

Кроме того, ключевым элементом апелляционной системы является частичное и полное обжалование решения. Часть 2 статьи 327.1 ГПК РФ устанавливает, что «если в порядке апелляционного производства обжалуется только часть решения, суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения лишь в обжалуемой части»³. Это правило обеспечивает принцип процессуальной экономии и уважение воли сторон. Однако здесь существует важное исключение: апелляционный суд вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме в интересах законности. Таким образом, право на судебное усмотрение позволяет выйти за формальные рамки жалобы для обеспечения единообразия в применении норм материального и процессуального права, защиты публичных интересов, а также прав и законных интересов других лиц, не заявлявших апелляцию. При этом право на выход за пределы жалобы не произвольно и обусловлено законом и позицией высших судов, но на практике именно содержание условий в виде расплывчатой формулировки «в интересах законности» становится источником неопределенности и предметом острой полемики [8].

В рамках данной статьи необходимо отметить, что еще одной особенностью апелляционного производства является его публично-правовая составляющая, закрепленная части 3 статьи 327.1 ГПК РФ. Вне зависимости от доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении, суд апелляционной инстанции обязан проверить, не нарушены ли судом первой инстанции нормы процессуального права, являющиеся в соответствии с частью четвертой статьи 330 ГПК РФ безусловными основаниями для отмены решения (например, рассмотрение дела в незаконном составе суда, нарушение правил о языке судопроизводства). Реализация этого полномочия строго обязательна и обеспечивает охрану ключевых принципов гражданского процесса от нарушений.

Нормативные пределы рассмотрения дела в апелляционной инстанции формируются системой взаимосвязанных законодательных ограничений. Их основу составляют предметные рамки, не позволяющие суду изменять основание или предмет иска, трансформировать иски (объединять, разъединять, корректировать их размер), а также разрешать вопросы процессуального состава лиц (принятие встречного иска, замена ответчика, привлечение третьих лиц). В сфере доказывания апелляционный пересмотр строится преимущественно на исследованных судом первой инстанции доказательствах. Новые доказательства принимаются лишь в исключительном порядке – при условии обоснования невозможности их представления в суд первой инстанции по причинам, признанным судом уважительными. Процессуальные границы проверки определяются, с одной стороны, доводами апелляционной жалобы и возражений на нее, а с другой – задачей обеспечения законности. Это означает, что, рассматривая дело в пределах заявленных доводов, суд одновременно обязан проверить соблюдение судом первой инстанции норм процессуального права независимо от их отражения в жалобе, что позволяет в необходимых случаях выйти за формальные рамки апелляционных требований.

Однако в действующем законодательстве четко не сформулированы причины выхода за пределы требований, поэтому, как сказано выше, жалобы дают суду апелляционной инстанции право

²Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2022 N 56-КГ22-8-К9 (УИД 25RS0001-01-2020-007290-22) // Юридическая информационная система Легалакт-законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. (дата обращения: 27.12.2025)

³Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (раздел третий) от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система. (дата обращения: 12.10.2025)

использовать формулировку «исходя из интересов законности» практически в любой ситуации вне зависимости от того, желают этого лица, участвующие в деле, или нет. Наличие таких процессуальных норм противоречит основам юридической техники: норма ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ, предоставляющая суду право на «полную апелляцию» в интересах законности, системно конфликтует с общим правилом ч. 1 той же статьи, ограничивающим проверку доводами жалобы и представления доказательств. Фактически, суд апелляционной инстанции обладает правом на «полную апелляцию», в то время как для сторон действует модель «неполной». Такой дисбаланс создает ситуацию, когда исправление судебной ошибки становится зависимым не от воли и усилий сторон, а от усмотрения суда, что может подрывать принцип состязательности. Кроме того, отсутствие единых подходов, закрепленных, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, создает почву для злоупотребления процессуальными правами, когда стороны, рассчитывая на лояльность состава суда, заявляют ходатайства о принятии новых доказательств без надлежащих оснований.

Полномочия суда апелляционной инстанции по ст. 328 ГПК РФ представляют собой итоговую стадию проверки, где законодательно закрепленное противоречие пределов пересмотра разрешается в конкретном судебном акте. Исходя из этого понимания, ключевое значение приобретает соотношение полномочий с ранее исследованными пределами проверки. Если пределы очерчивают, что и в каком объеме подлежит проверке, то полномочия определяют, какой именно правовой результат влечет за собой эта проверка [8]. Таким образом, система «пределы-полномочия» функционирует как единый механизм, где выбор конкретного полномочия является прямым следствием проведенной в установленных рамках проверки. Диалектическое противоречие между диспозитивным началом и публично-правовой функцией апелляции, выявленное нами выше, находит свое окончательное разрешение именно в момент вынесения апелляционного определения, когда суд реализует одно из предоставленных ему законом полномочий.

Эффективность данного механизма обеспечивается четкой нормативной определенностью полномочий, а центральное место в этом механизме занимает их исчерпывающий перечень. Судебная проверка позволяет не только классифицировать возможные исходы апелляционного производства, но и выявить системные проблемы, возникающие на заключительном этапе пересмотра судебных актов. Наиболее распространенным результатом проверки является реализация полномочия по оставлению решения без изменения (п. 1 ст. 328 ГПК РФ). Оно применяется в случае, когда проверка, осуществленная в пределах апелляционных доводов (а при необходимости – в полном объеме), не выявила оснований для отмены или изменения решения. Это означает, что доводы жалобы признаны необоснованными, новые доказательства либо не представлены, либо не меняют выводов суда первой инстанции, а существенные нарушения процессуального и материального права отсутствуют. Такое решение является правомерным итогом судебной проверки, свидетельствующим не о коллизии правовых норм, а о признании судом доводов апелляционной жалобы необоснованными в рамках конкретных фактических обстоятельств дела. Как сказано выше, данное полномочие является наиболее частым исходом апелляционного производства [9]. При этом критической проблемой остается его применение без фактического проведения надлежащей проверки, что свидетельствует об уклонении суда от содержательной проверки и нарушении сущности апелляционного производства. Так, В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2022 г. № 56-КГ21-26-К9 детально разобран случай, когда Приморский краевой суд, оставляя решение первой инстанции в силе, не рассмотрел по существу доводы жалобы о квалификации выплат, порядке расчета и применении специальных норм труда⁴. Судебное заседание в апелляционной инстанции длилось 5 минут, что явно свидетельствовало о формальном характере проведенной проверки. Подобная практика, когда полномочие апелляционного суда общей юрисдикции используется не как итог проверочной деятельности, а как способ уклонения от нее, свидетельствует о системном характере проблемы искажения самой сути апелляционного пересмотра. Проиллюстрированные проблемы – отсутствие баланса между полнотой проверки, окончательностью акта и объемом судебского усмотрения – носят фундаментальный характер, что обуславливает необходимость совершенствования положений статьи 328 ГПК РФ [10].

Подытожить вышесказанное можно следующим. Суд апелляционной инстанции общей юрисдикции проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции и может

⁴Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2022 N 56-КГ21-26-К9 (УИД 25RS0001-01-2020-001191-83) // Юридическая информационная система Легалакт-законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. (дата обращения: 12.12.2025)

оставить его без изменения, изменить или отменить, приняв другое решение или направив дело на новое рассмотрение, а также прекратить производство по делу, действуя в пределах доводов жалобы, но в интересах законности; может проверить решение полностью, а также принимать новые доказательства при уважительных причинах их непредставления в первой инстанции. Тем не менее деятельность апелляционных судов общей юрисдикции имеет двоякую природу. С одной стороны, организационное обособление апелляции в самостоятельное звено судебной системы, завершившее длительную реформу, повысило независимость судов и разрешило проблему двойного обжалования (что способствовало усилению гарантий судебной защиты). С другой стороны, содержательная сторона этой деятельности протекает в условиях фундаментального противоречия между диспозитивностью и процессуальной активностью суда, которое находит выражение в смешанной модели апелляции и порождает ключевую проблему – отсутствие четких границ пересмотра. Именно это системное ограничение является определяющим для понимания пределов апелляционного производства. Следовательно, можно сделать вывод, что современная модель апелляции в России представляет собой компромисс, что на практике зачастую приводит не к взвешенной проверке, а выходу за разумные пределы, когда апелляционная инстанция подменяет проверку оценки доказательств их полной переоценкой по собственному усмотрению. Таким образом, двойственная природа пределов рассмотрения дела, сочетающая диспозитивное начало и публично-правовые элементы, не обеспечивает баланс и порождает правовую неопределенность, снижающую доверие к судебной системе. Это обосновывает необходимость не просто дальнейшего реформирования, а четкой законодательной конкретизации пределов с целью минимизации произвола в применении усмотрения. Одним из ключевых направлений такой конкретизации видится введение правила об обязательной полной проверке решений суда первой инстанции в определенных законом случаях, что позволит исправлять существенные нарушения независимо от воли сторон и формальных недостатков жалобы.

Библиографический список:

1. Зайцев С.В. Характеристика апелляционной инстанции в системе судов общей юрисдикции // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 5–3. С. 92–97.
2. Гайсин Н.И., Латыпова А.Р., Спиридонова П.И. Новая судебная система: положительные стороны, проблемы и возможные пути их решения // *Образование и право*. 2020. №1. С. 188–192.
3. Князькин С. И. Проблемы реализации принципа правовой определённости в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе / С. И. Князькин. // *Вестник СПбГУ. Серия 14. Право*. — 2020. — № 2. — С. 319–341.
4. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 года и ГПК РСФСР 1964 года) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2019. №2. С. 55–59.
5. Николаев А.А. (2022). Добросовестность как принцип гражданского права. Мистематизация основных принципов добросовестности в гражданском праве. Материалы Афанасьевских чтений, (3 (40)), 76-79.
6. Тимошкина Ю. Пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. URL: <https://www.v2b.ru/articles/predely-rassmotreniya-dela-v-sude-apellyatsionnoy-instantsii/> (дата обращения: 27.12.2025).
7. Рыжков К.С. (2020). Пределы применения принципа непосредственности в гражданском процессе. *Юридические исследования*, (1), 1-9.
8. Плотников М.С. (2024). Проблема пределов рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. *Вестник науки*, 1 (3 (72)), 242-249.
9. Артюх, Е. Д. Право апелляционного обжалования в гражданском судопроизводстве / Е. Д. Артюх. // *Молодой ученый*. – 2021. – № 49 (391). – С. 159-162. URL: <https://moluch.ru/archive/391/86272> (дата обращения: 27.23.2025)
10. Боженов М. А. Пределы рассмотрения дела в суде в апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. №6–2 (69). С. 45–47.

Беляева Раиса Сергеевна
Belyaeva Raisa Sergeevna

магистрант

Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО
Московский гуманитарно-экономический университет

Давыдова А.В.

Davydova A.V.

научный руководитель

Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО
Московский гуманитарно-экономический университет

E-mail: belyaevvars@51.sfr.gov.ru

УДК 34:364.3

**ПОНЯТИЕ, СТАТУС И ЛЬГОТЫ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ (ПО
ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МУРМАНСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

**THE CONCEPT, STATUS, AND BENEFITS OF LARGE FAMILIES IN RUSSIA (UNDER
FEDERAL AND MURMANSK REGION LEGISLATION)**

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние нормативно-правового регулирования статуса многодетной семьи в Российской Федерации. Особое внимание уделяется кардинальным изменениям, внесенным Указом Президента РФ № 63 от 23.01.2024, который унифицировал понятие многодетности на федеральном уровне. Проводится анализ мер социальной поддержки, предоставляемых на федеральном уровне и в Мурманской области — субъекте, входящем в Арктическую зону РФ. Исследуется специфика региональных льгот, а также эффективность реализации права на земельные участки и альтернативные денежные выплаты. Рассматриваются особенности предоставления многодетным семьям единого пособия.

Abstract. The article examines the current state of legal regulation concerning the status of large families in the Russian Federation. Particular attention is paid to the fundamental changes introduced by the Decree of the President of the Russian Federation No. 63 dated January 23, 2024, which unified the concept of a "large family" at the federal level. The author analyzes social support measures provided at the federal level and in the Murmansk Region — a constituent entity included in the Arctic Zone of the Russian Federation. The study investigates the specificity of regional benefits, as well as the effectiveness of implementing the right to land plots and alternative monetary payments. The features of providing the unified benefit to large families are also considered.

Ключевые слова: многодетная семья, социальная поддержка, демографическая политика, Указ Президента № 63, Мурманская область, Арктическая зона, региональный материнский капитал, земельные участки, единое пособие.

Keywords: large family, social support, demographic policy, Presidential Decree No. 63, Murmansk Region, Arctic Zone, regional maternity capital, land plots, unified benefit

Демографический кризис остается одним из ключевых вызовов для национальной безопасности Российской Федерации. В этой связи поддержка института семьи, а в особенности многодетных семей, является приоритетным направлением внутренней политики государства [1]. 2024 год, объявленный в России Годом семьи, ознаменовался принятием фундаментальных нормативных актов, призванных устранить многолетнюю правовую неопределенность в вопросах статуса многодетных родителей.

До января 2024 года в России отсутствовало единое законодательно закрепленное определение многодетной семьи. Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» делегировал право определять критерии многодетности субъектам РФ. Это приводило к правовой диспропорции: в одном регионе семьей считалась многодетной до достижения старшим ребенком 18 лет, в другом — 23 лет (при условии обучения), а количество детей

варьировалось в зависимости от демографической ситуации в субъекте [2].

Ситуация кардинально изменилась с принятием Указа Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». Данный нормативный акт установил следующие императивные нормы:

- Унификация статуса. Многодетной семьей в РФ признается семья, имеющая трех и более детей [6].

- Бессрочность статуса. Статус присваивается бессрочно (что важно для родителей при выходе на пенсию и получении удостоверений), однако предоставление мер социальной поддержки ограничено временными рамками: до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения.

- Единый образец удостоверения. Вводится удостоверение единого образца, действующее на всей территории страны, что решает проблему «миграции льгот» при переезде семьи из одного региона в другой.

Таким образом, на федеральном уровне закреплён «золотой стандарт» многодетности, ниже которого регионы опускаться не вправе, но могут расширять критерии (например, продолжать поддержку при большем возрасте детей за счет собственного бюджета) [11].

Новый Указ и действующее федеральное законодательство (Налоговый кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Земельный кодекс РФ) формируют базовый пакет поддержки:

- Трудовые гарантии: Запрет на увольнение по инициативе работодателя одиноких матерей или единственных кормильцев в многодетных семьях (с детьми до 14 лет или детьми-инвалидами до 18 лет), право на ежегодный отпуск в удобное время.

- Пенсионное обеспечение: Досрочное назначение страховой пенсии по старости матерям, родившим и воспитавшим трех (в 57 лет), четырех (в 56 лет) или пяти и более (в 50 лет) детей.

- Налоговые льготы: Стандартный налоговый вычет, увеличенный на третьего и последующих детей; вычет по земельному налогу (6 соток) и налогу на имущество физлиц (дополнительные метры, не облагаемые налогом).

- Ипотечные льготы: Выплата в размере 450 000 рублей на погашение ипотечного кредита при рождении третьего или последующего ребенка (программа продлена до 2030 года).

- Земельный вопрос: Согласно ст. 39.5 Земельного кодекса РФ, граждане, имеющие трех и более детей, имеют право на бесплатное получение земельного участка [4]. При этом субъектам РФ дано право заменять участок иной мерой социальной поддержки (денежной компенсацией).

Одной из самых популярных мер социальной поддержки на сегодняшний день является ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, так называемое единое пособие, введенное с 01.01.2023 Федеральным законом от 21.11.2022 № 455-ФЗ.

Единое пособие может быть назначено будущей маме, вставшей на учет в медицинской организации на раннем сроке беременности (до 12 недель), и одному из родителей (усыновителей или опекунов) ребенка в возрасте от 0 до 17 лет.

Выплата назначается территориальными органами Социального фонда малообеспеченным семьям с учетом оценки нуждаемости при соблюдении следующих условий:

1. Заявитель и дети, на которых назначается пособие, – граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в России.

2. Ежемесячный доход на человека в семье не превышает регионального прожиточного минимума на душу населения (в 2025 году в Мурманской области это 25390,00 рублей). Учитываются доходы семьи за расчетный период, который составляет 12 месяцев, предшествующих одному месяцу до месяца подачи заявления.

3. Доход каждого трудоспособного члена семьи в расчетном периоде от трудовой (иной) деятельности составляет не менее 4 МРОТ (в 2025 году — 89760,00 рублей), так называемое «правило нулевого дохода». Данные требования не применяются к периодам, когда родитель не работал по объективным причинам (беременность, уход за ребенком и др.)

4. Собственность семьи соответствует установленным критериям. Учитывается наличие квартир, домов, земельных участков, транспортных средств и других видов техники.

5. У семьи нет существенных финансовых накоплений во вкладах, проценты по которым превышают размер прожиточного минимума в регионе.

С учетом проведенной в 2025 году индексации размер единого пособия для семей с детьми в

Мурманской области в зависимости от доходов составляет 50%, 75% или 100% прожиточного минимума на детей в регионе, т.е. 12314, 18471 и 24628 рублей соответственно.

Указанная мера, безусловно, создала единую бесшовную систему поддержки российских семей с детьми, но при этом объединила в себе ряд действующих ранее льгот, в частности, предоставляемую региональными органами социальной защиты населения ежемесячную денежную выплату в связи с рождением третьего ребенка или последующих детей, регулируемую Указом Президента № 606 от 07.05.2012.

Данная выплата предоставлялась многодетным семьям в размере 100% регионального прожиточного минимума на ребенка, не достигшего возраста 3 лет, за исключением первого и второго ребенка.

Критерии оценки права на выплату не включали в себя имущественный ценз, правило нулевого дохода и оценку размера полученных процентов по вкладам. Среднедушевой доход семьи не должен был превышать двукратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения в регионе [5].

Для детей, родившихся до 1 января 2023 года, государство оставило право выбора: получать выплату по старым правилам (до 3 лет) или перейти на единое пособие. В случае если совокупный размер ранее получаемых выплат на детей был выше, чем размер рассчитанного единого пособия, органами СФР выносился отказ на основании подпункта «м» пункта 31 Правил, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16.12.2022 № 2330, право на ранее назначенные выплаты сохранялось до окончания срока их действия [7].

Для понимания ситуации приведем пример: семья, имеющая 5 детей, двое из которых старше 3 лет и трое – родившиеся в декабре 2022 года, в 2023 году обращается в территориальный орган СФР за назначением единого пособия, но по доходам проходит на размер выплаты в 50% прожиточного минимума (250% ПМ на 5 детей). При этом семья получает на тройняшек ежемесячную выплату по Указу № 606 в размере 100% ПМ на каждого ребенка до декабря 2025 года (итого 300%). Единое пособие в таком случае не назначается, заявителю рекомендуется обратиться с заявлением в январе 2026 года после достижения детьми 3 лет и окончанием срока ранее назначенной выплаты.

Вместе с тем, в случае превышения у данной семьи размера среднедушевого дохода над величиной прожиточного минимума на душу населения, либо при наличии имущества, превышающего пороговые значения, единое пособие не назначается вовсе, что ухудшает финансовое положение семьи, учитывая окончание действия меры по Указу № 606.

В настоящее время единое пособие для многодетных семей предоставляется на тех же условиях, что и для других категорий граждан, но с учетом дополнительных критериев, связанных именно со статусом многодетности. Вот основные условия и нюансы:

1. Многодетность является объективной причиной отсутствия доходов или их размера ниже 4 МРОТ у одного из родителей.

2. В случае предоставления жилого помещения, здания или земельного участка уполномоченным органом субъекта РФ или муниципального образования в рамках государственной социальной поддержки многодетной семьи, такое имущество не учитывается при оценке права на единое пособие.

3. Для многодетных семей допускается наличие в собственности 2 автотранспортных либо мототранспортных средств, а также 2 объектов недвижимого имущества, предназначенных для стоянки (хранения), ремонта и технического обслуживания транспортных средств (гараж, машино-место).

Для применения указанных условий статус многодетной семьи должен быть официально подтвержден в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», сведения в которую загружаются поставщиками информации (центрами социальной поддержки региона).

Помимо единого пособия, являющегося федеральной мерой поддержки, законодательство Мурманской области традиционно отличается высокой социальной ориентированностью, что продиктовано необходимостью удержания населения на Севере.

После принятия федерального Указа № 63, Мурманская областная Дума оперативно привела региональное законодательство в соответствие с новыми нормами, в частности, закрепив право на льготы для семей, где старшие дети (до 23 лет) проходят обучение не только в вузах, но и в колледжах, а также (важный нюанс для региона с большим количеством военнослужащих) для детей, проходящих

военную службу по призыву или участвующих в СВО.

Специфика Мурманской области — длительный отопительный сезон и высокая стоимость коммунальных услуг. Федеральный стандарт рекомендует скидку не ниже 30%.

В Мурманской области действует дифференцированная система компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (ЕЖКВ). Многодетные семьи получают компенсацию в размере 30% от начисленных платежей (в пределах нормативов потребления). Для малоимущих многодетных семей поддержка может быть расширена через механизм субсидий, где максимально допустимая доля расходов граждан на оплату ЖКУ в регионе снижена относительно федерального стандарта [3].

Также важной льготой является освобождение от уплаты взносов на капитальный ремонт (в зависимости от категоричности и совокупного дохода семьи, но чаще это реализуется через компенсационные механизмы).

В дополнение к федеральному материнскому (семейному) капиталу, в Мурманской области действует программа регионального материнского (семейного) капитала. Он предоставляется при рождении третьего и последующих детей. Особенностью мурманского законодательства является:

- Возможность использования средств сразу после рождения ребенка (на определенные цели).
- Более широкий перечень направлений использования средств по сравнению с федеральным: ремонт жилья, покупка бытовой техники, предметов длительного пользования, медицинские услуги.

Размер капитала индексируется. В 2025 году выплата составляет **149373,16 рублей** [8].

Реализация права на бесплатный земельный участок в Мурманской области сопряжена с объективными трудностями: сложный рельеф (скальные породы), болотистая местность, отсутствие инфраструктуры на выделяемых массивах. Строительство индивидуального дома в Заполярье является дорогостоящим и не всегда целесообразным проектом для многодетной семьи.

В связи с этим регион активно использует механизм, предусмотренный п. 6 ст. 39.5 Земельного кодекса РФ — замену участка денежной выплатой. Закон Мурманской области «О содействии развитию льготного ипотечного кредитования и мерах государственной поддержки по улучшению жилищных условий граждан...» предусматривает возможность получения единовременной денежной выплаты (ЕДВ) взамен земельного участка [9].

Сумма выплаты регулярно индексируется (варьируется в пределах 340000,00 рублей для улучшения жилищных условий, покупки жилья, первоначального взноса по ипотеке).

Практика показывает: более 90% многодетных семей Мурманска предпочитают денежную компенсацию земельному участку, что подтверждает эффективность монетизации льготы в условиях Арктики.

Мурманская область внедряет меры, не имеющие прямых аналогов в федеральном минимуме:

- Выплаты к 1 сентября (подготовка к школе), которые в регионе выплачиваются без учета критериев нуждаемости.

- Компенсация расходов на проезд к месту отдыха и обратно. Для жителей Крайнего Севера это базовая гарантия (раз в два года), однако для многодетных семей существуют дополнительные региональные программы оздоровления детей с полной оплатой проезда.

- Бесплатный проезд в общественном транспорте для школьников из многодетных семей (введен в ряде муниципалитетов).

Несмотря на развитую систему поддержки, анализ правоприменительной практики в Мурманской области выявляет ряд проблем:

- Инфраструктурные ограничения. Те семьи, которые все же выбирают земельный участок, сталкиваются с отсутствием дорог и коммуникаций. Бремя подведения инфраструктуры лежит на муниципалитетах, бюджеты которых дефицитны.

- Критерий нуждаемости. Часть льгот (например, некоторые виды выплат на питание, стипендии) привязана к критерию малоимущности. Новый Указ Президента № 63 рекомендует не использовать критерий нуждаемости при предоставлении базовых мер поддержки, однако полная отмена этого ценза создаст чрезмерную нагрузку на бюджет области.

- Бюрократические барьеры. Процесс получения удостоверений, оформления ЕДВ взамен земли или распоряжения региональным материнским капиталом требует сбора значительного количества документов, хотя цифровизация (Госуслуги) постепенно нивелирует эту проблему.

Перспективы развития законодательства Мурманской области лежат в плоскости расширения использования «Социального навигатора» и проактивного назначения льгот (без заявлений). Также

актуальным вопросом является увеличение размера компенсации взамен земельного участка, чтобы она была сопоставима с реальной рыночной стоимостью земли с коммуникациями [10].

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что правовой статус многодетной семьи в России перешел на новый этап развития. Федеральный центр в 2024 году задал жесткий каркас гарантий (бессрочность статуса, единый перечень льгот), ликвидировав правовую дискриминацию по географическому признаку.

Законодательство Мурманской области не только соответствует федеральным стандартам, но и существенно расширяет их, адаптируя под условия жизни в Арктической зоне. Ключевыми особенностями региональной модели являются:

- Активная монетизация натуральных льгот (деньги вместо земли), что экономически оправдано в условиях Севера.

- Широкое применение регионального материнского капитала.

- Учет климатических факторов в системе компенсаций ЖКУ.

Вместе с тем, для повышения эффективности демографической политики необходимо дальнейшее совершенствование механизма предоставления земельных участков (или увеличения компенсации за них) и отказ от принципа адресности (нуждаемости) в отношении мер поддержки, направленных на признание заслуг многодетных родителей перед обществом.

Библиографический список:

1. Антонов, А. И. Демографические вызовы и семейная политика в современной России / А. И. Антонов, В. М. Карпова. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2023. — № 1. — С. 58–68.

2. Артамонова, Е. А. Правовое регулирование социальной поддержки многодетных семей: региональный аспект / Е. А. Артамонова. — Текст : непосредственный // Социальное и пенсионное право. — 2023. — № 3. — С. 27–31.

3. Барашева, Е. В. Социальная поддержка многодетных семей в условиях Крайнего Севера: правовой аспект / Е. В. Барашева, И. В. Охотников. — Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 4А. — С. 156–164.

4. Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ : [ред. от 01.01.2024]. — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

5. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 : [ред. от 23.01.2024]. — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 19. — Ст. 2343.

6. О мерах социальной поддержки многодетных семей : Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63. — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 5. — Ст. 666.

7. О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка : постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2330. — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 52. — Ст. 9603.

8. О дополнительных мерах социальной поддержки семей с детьми в Мурманской области : Закон Мурманской области от 27 декабря 2011 г. № 1447-01-ЗМО : [с изм. и доп.]. — Текст : электронный // Электронный бюллетень Правительства Мурманской области.

9. О порядке учета многодетных семей и порядке организации формирования (образования) и бесплатного предоставления земельных участков многодетным семьям для индивидуального жилищного строительства : постановление Правительства Мурманской области от 8 февраля 2012 г. № 33-ПП. — Текст : электронный // Электронный бюллетень Правительства Мурманской области.

10. Ушакова, А. П. Замена земельного участка денежной компенсацией как мера поддержки многодетных семей: региональный опыт / А. П. Ушакова. — Текст : непосредственный // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 4. — С. 12–15.

11. Шеметова, Н. Ю. Правовое положение многодетной семьи в свете нового Указа Президента РФ / Н. Ю. Шеметова. — Текст : непосредственный // Социальное и пенсионное право. — 2024. — № 1. — С. 15–20.

Медведева Анастасия Михайловна
Medvedeva Anastasia Mikhailovna

магистрант

Тольяттинского государственного университета

E-mail: Shmjrt@mail.ru

УДК 347.457

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ПОНЯТИЯ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА

ISSUES OF THE LEGAL NATURE AND CONCEPT OF A LOAN AGREEMENT

Аннотация. Статья посвящена вопросу, связанному с понятием и правовой природой кредитного договора, который по сей день вызывает многочисленные споры среди научной общественности. В статье сделан вывод о том, что кредитный договор как вид договора займа обладает всеми чертами второго. Специфическим признаком, который ограничивает сферу применения кредитного договора, следует назвать то, что на стороне займодавца выступает банк или иная кредитная организация.

Abstract. This article addresses the concept and legal nature of a loan agreement, which continues to generate considerable debate among the academic community. The article concludes that a loan agreement, as a type of credit agreement, possesses all the characteristics of a loan agreement. A specific feature that limits the scope of application of a loan agreement is that the lender is a bank or other credit institution.

Ключевые слова: кредитный договор, договор займа; консенсуальный договор; возмездный договор.

Keywords: credit agreement, loan agreement; consensual agreement; onerous agreement.

Введение

Легальное определение кредитного договора сформулировано законодателем в ч. 1 ст. 819 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [1]. Однако, вопрос понятия, так же, как и правовой природы кредитного договора вызывает в науке ряд научно-теоретических дискуссий.

Цель статьи – определить понятие и природу кредитного договора и его место в системе гражданско-правовых договоров.

Основной раздел

В современной науке гражданского права можно выделить несколько подходов к правовой природе кредитного договора, который признается:

- разновидностью договора займа (Е.А. Суханов, Е.А. Флейшиц);
- разновидностью договора займа, отличаясь от него реальностью и консенсуальностью (Л.А. Новоселова);
- предварительным договором о заключении в будущем договора займа (М.М. Агарков);
- договором, направленным на возмездную передачу имущества (Н.В. Бандурина) [13, с. 11].

Как можно заметить, по большей части обсуждается вопрос соотношения кредитного договора с договором займа. Следует согласиться с тем, что кредитный договор и договор займа являются правовыми конструкциями, посредством которых оформляются заемно-кредитные правоотношения и таким образом, имеют одинаковую экономическую природу [14, с. 50].

Договор займа и кредитный договор имеют общие признаки:

- предмет договора переходит в собственность заемщика;
- обязательное условие – возврат предмета договора;
- имеют длящийся характер [1, с. 153].

Наличие специфических признаков у кредитного договора, отличающие его от договора займа, признавали также ученые, считавшие первое (кредитный договор) разновидностью второго (договора займа) [21, с. 218].

Все аргументы противников признания кредитного договора разновидностью договора займа, сводились к следующему:

- выдача безналичного кредита не означает передачу денег в собственность заемщика;
- раздельное правовое регулирование (§ 1 и § 2 главы 42 ГК РФ) [20, с. 334].

Кроме названных аргументов, приводился признак реальности договора займа, что прямо следовало из ст. 807 ГК РФ, тогда как кредитный договор признавался консенсуальным. Такая же позиция присутствовала и в судебной практике, когда признавалось, что кредитный договор не является видом договора займа и имеет независимую правовую природу [8].

Однако, Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ [2] в ст. 807 ГК РФ были внесены изменения, допускающие, что договор займа может быть как реальным, так и консенсуальным.

Исходя из норм действующего гражданского законодательства, цивилисты формулируют вывод о том, что кредитный договор – это коммерциализированная консенсуальная разновидность договора займа, его частный случай [12, с. 121; 15, с. 308; 16, с. 10], используемая в случаях, когда в качестве залогодателя выступает кредитная организация [20].

Определившись с правовой природой кредитного договора, необходимо подробнее рассмотреть его признаки, вытекающие из легального определения, приведенного в ч. 1 ст. 819 ГК РФ, согласно которой, под таковым понимается договор, по которому «банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита».

Во-первых, кредитный договор является консенсуальным, так как в отличие от договора займа, во всех случаях вступает в силу с момента достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям. На практике отмечается, что именно консенсуальный характер кредитного договора является видообразующим признаком, позволяющим выделять его в отдельный вид договора займа [11].

Во-вторых, кредитный договор – двусторонне обязывающий, так как порождает одно сложное обязательство, состоящее из двух простых, каждое из которых является основанием другого [20, с. 310]:

- первое обязательство: банк обязан предоставить кредит – заемщик вправе требовать исполнения данного обязательства;
- второе обязательство: заемщик обязан вернуть полученный им кредит и выполнить обязанности, предусмотренные данным договором – банк вправе требовать исполнения указанных в договоре обязанностей заемщика.

В-третьих, кредитный договор всегда возмездный. Относительно договора займа, в ч. 1 ст. 809 ГК РФ закреплена презумпция возмездности: «если иное не предусмотрено законом или договором займа, залогодатель имеет право на получение с заемщика процентов за пользование займом в размерах и в порядке, определенных договором». Одновременно с этим в ч. 4 ст. 809 ГК РФ законодатель проверяет презумпцию возмездности применительно к двум случаям:

- договор заключен между гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями, на сумму, не превышающую ста тысяч рублей;
- по договору заемщику передаются не деньги, а другие вещи, определенные родовыми признаками.

В связи с чем, справедливо сделать вывод о том, что договор займа может быть как возмездным, так и безвозмездным [19, с. 63]. Возмездность кредитного договора закреплена в императивной форме в ч. 1 ст. 819 ГК РФ.

В-четвертых, кредитный договор не является публичным. Право банка отказать в выдаче кредита прямо закреплено в ч. 5 ст. 7 Федерального закона «Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» (далее по тексту - Федеральный закон № 353-ФЗ) [3] применительно к договору потребительского кредита.

Из разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [4] следует, что кредитный договор не относится к публичным договорам.

Еще до принятия данного разъяснения Высший Арбитражный Суд РФ также отмечал непубличность кредитного договора. Например, тот факт, что банк является участником программы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, предусматривающей

субсидирование процентной ставки по кредиту за счет бюджета субъекта Российской Федерации, не означает, что к кредитным договорам, заключаемым в рамках такой программы, могут быть применены положения Гражданского кодекса Российской Федерации о публичном договоре [6].

Более того, непубличность кредитного договора также вытекает из того обстоятельства, что банк и его органы управления, обязанные обеспечить соблюдение банком нормативных актов и требований Банка России, а также должен соблюдать соответствующие положения, не допуская предоставление кредитов юридическим и физическим лицам, фактически неспособным исполнить обязательства, не имея о них минимально необходимой и достоверной информации. Поэтому, исходя из того, договор кредитования, по смыслу статьи 819 ГК РФ, не является публичным договором, следовательно, кредитная организация самостоятельно принимает решения о том какому лицу и на каких условиях выдавать тот или иной кредит [9].

В-пятых, неоднозначно решается вопрос о том, является ли кредитный договор договором присоединения. Данная дискуссия обусловлена тем, что кредитные организации используют типовые формы договоров, что соответствует договору присоединения, которым согласно ч. 1 ст. 428 ГК РФ, признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом.

Так, суды, ссылаясь на п. 1 ст. 428 ГК РФ признают кредитный договор договором присоединения, если его условия определены банком в одностороннем порядке путем утверждения типовой формы договора и могут быть приняты заемщиками-потребителями не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом [10]. Согласно правовой позиции, изложенной в п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах» [5], в тех случаях, когда будет установлено, что при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон, а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения.

Однако не исключены ситуации, когда банк, учитывая позицию заемщика, вносит изменения в стандартные типовые формы договоров. В связи с чем, возникают споры о том, является ли кредитный договор договором присоединения.

В-шестых, на стороне кредитора в кредитном договоре может быть только банк или иная кредитная организация. Именно данный признак является видообразующим, выделяющий кредитный договор в отдельный вид договора займа. Однако на практике для квалификации договора кредитным недостаточно только того факта, что на стороне кредитора выступает банк или иная кредитная организация.

В качестве еще одного признака кредитного договора называют его алеаторный (рисковый) характер, обусловленный вероятностью потери заимодавцем (банком) части финансовых ресурсов, недополучения доходов в результате осуществления кредитной деятельности, т.е. риски невозврата кредита и неуплаты процентов [17]. Такая же позиция отражается и на практике [7]. При этом, рисковый характер кредитного договора отражается не только по отношению к кредитору, но и к заемщику.

Заключение

В целом, существующие отличия между кредитным договором и договором займа не достаточны для квалификации первого (кредитного договора) как самостоятельного договора, так как по своей юридической природе обе договорные конструкции имеют заемный характер. Более того, все отличия кредитного договора можно «подвести под частный случай договора займа» [15, с. 309]. В связи с чем, правильно будет сделать вывод о том, что кредитный договор как вид договора займа обладает всеми чертами второго. Специфическим признаком, который ограничивает сферу применения кредитного договора, следует назвать то, что на стороне заимодавца выступает банк или иная кредитная организация.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. 1). Ст. 4761.
3. Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // БВС РФ. 2019. № 2.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // ВВАС РФ. 2014. № 5.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // ВВАС РФ. 2011. № 11.
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2022 г. № 13АП-38657/2021 по делу № А56-45565/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2021 г. № 01АП-2007/2021 по делу № А43-1587/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.09.2022 г. № Ф05-10890/2022 по делу № А41-74566/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.02.2019 г. № Ф04-6708/2018 по делу № А45-14896/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.09.2018 г. № Ф03-3171/2018 по делу № А04-50/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
12. Асмандияров В.М. Гражданское право. Договорные обязательства: учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2022. 207 с.
13. Бандурина Н.В. Кредитный договор с участием юридических лиц: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
14. Банковское право: учебник для бакалавров / Отв. ред. Л.Г. Ефимова, Д.Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 608 с.
15. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 5 т. М.: Статут, 2006. Т. 1. 736 с.
16. Бычкова Н.П. Условия кредитного договора как основание обеспечения возвратности кредита: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 24 с.
17. Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021.
18. Курбатова Г.В., Бакунин С.Н. Понятие, сущность и особенности кредитного договора // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 152-154.
19. Матвеева Н.А., Матвеев И.В. Договор займа: соотношение понятий «безвозмездный» и «беспроцентный» // Банковское право. 2022. № 3. С. 61 - 67.
20. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020. 776 с.
21. Флейшиц Е.А. Расчетные и кредитные правоотношения. М., 1956. 722 с.

Козлов Артур Николаевич
Kozlov Arthur Nikolaevich

Аспирант Московского инновационного университета, кафедры юридических дисциплин

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации. Автором проведен комплексный анализ действующего законодательства об административных правонарушениях в части привлечения к ответственности лиц, не достигших совершеннолетия. Выявлены основные недостатки существующей системы административной ответственности несовершеннолетних, включая вопросы возрастного ценза, ограниченности видов применяемых наказаний, отсутствия специальной главы в КоАП РФ, неэффективности ответственности родителей, пробелов в правовом регулировании отдельных составов правонарушений, недостатков процессуального порядка и профилактических мер. Особое внимание уделено анализу зарубежного опыта правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних, в частности законодательства Республики Беларусь и Республики Казахстан. Автором предложены конкретные пути решения выявленных проблем, включающие снижение возраста административной ответственности до четырнадцати лет по определенному перечню правонарушений, введение новых видов административных наказаний, усиление ответственности родителей, создание специализированных административных судов и развитие системы профилактики. Обосновывается необходимость принятия комплексных мер по реформированию института административной ответственности несовершеннолетних с учетом современных социальных реалий и психологических особенностей подростков.

Abstract. The article examines current problems of legal regulation of administrative responsibility of minors in the Russian Federation. The author conducted a comprehensive analysis of the current legislation on administrative offenses regarding bringing to responsibility persons who have not reached the age of majority. The main shortcomings of the existing system of administrative responsibility of minors have been identified, including issues of age qualification, limitations of types of applicable punishments, absence of a special chapter in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, ineffectiveness of parental responsibility, gaps in legal regulation of certain offenses, shortcomings of procedural order and preventive measures. Particular attention is paid to the analysis of foreign experience in legal regulation of administrative responsibility of minors, in particular the legislation of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The author proposes specific ways to solve the identified problems, including reducing the age of administrative responsibility to fourteen years for a certain list of offenses, introducing new types of administrative punishments, strengthening parental responsibility, creating specialized administrative courts and developing a prevention system. The necessity of adopting comprehensive measures to reform the institution of administrative responsibility of minors is substantiated, taking into account modern social realities and psychological characteristics of adolescents.

Ключевые слова: административная ответственность несовершеннолетних, административное наказание, возраст административной деликтоспособности, меры воспитательного воздействия, комиссия по делам несовершеннолетних, профилактика правонарушений, ответственность родителей, ювенальная юстиция.

Keywords: administrative responsibility of minors, administrative punishment, age of administrative tort capacity, educational measures, commission on juvenile affairs, prevention of offenses, parental responsibility, juvenile justice.

Вопросы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности в современной России приобретают особую значимость на фоне продолжающихся социально-

экономических трансформаций и изменения ценностных ориентиров молодого поколения. Несмотря на определенную положительную динамику в статистике правонарушений среди подростков, проблема остается достаточно острой и требует пристального внимания со стороны законодателя, правоприменителя и научного сообщества. Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, действующее законодательство об административных правонарушениях содержит лишь фрагментарное регулирование вопросов ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, что создает определенные трудности в правоприменительной практике. Во-вторых, установленные законом меры административного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей не всегда достигают своих целей, что подтверждается высоким уровнем повторных правонарушений в данной возрастной группе. В-третьих, стремительное развитие информационных технологий и изменение социальной среды обитания подростков требуют переосмысления традиционных подходов к определению возраста административной деликтоспособности и перечня применяемых санкций.

Целью настоящей работы является комплексный анализ существующих проблем правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи: определить сущность и особенности административной ответственности несовершеннолетних, выявить основные проблемы правового регулирования в данной сфере, изучить зарубежный опыт и сформулировать конкретные предложения по модернизации отечественного законодательства.

Административная ответственность несовершеннолетних представляет собой особый институт административного права, характеризующийся специфическими чертами, отличающими его от общих положений об административной ответственности физических лиц. По справедливому замечанию Стахова А.И., административная ответственность есть не что иное, как мера государственного принуждения, применяемая уполномоченными органами и должностными лицами к лицу, совершившему административное правонарушение [11]. Однако применительно к несовершеннолетним данное определение нуждается в существенной корректировке с учетом специфики правового статуса данной категории лиц.

Правовой статус несовершеннолетних в российском законодательстве определяется комплексом нормативных актов различной юридической силы. Конституция Российской Федерации в статье 38 устанавливает особую защиту семьи, материнства, отцовства и детства, создавая тем самым конституционно-правовую основу для формирования специального правового режима в отношении лиц, не достигших совершеннолетия [1]. Данное конституционное положение получает свое развитие в отраслевом законодательстве, включая нормы административного права.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ряд специальных норм, регламентирующих особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности [3]. Согласно части первой статьи две точка три КоАП РФ, субъектом административной ответственности может быть признано лицо, достигшее к моменту совершения правонарушения шестнадцатилетнего возраста. Это правило устанавливает общий возрастной ценз административной деликтоспособности, который существенно отличается от возраста наступления уголовной ответственности по отдельным составам преступлений.

Особое значение для понимания сущности административной ответственности несовершеннолетних имеет часть вторая той же статьи, предусматривающая возможность освобождения лица в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет от административной ответственности с применением мер воспитательного воздействия. Данная норма отражает специфический подход законодателя к регулированию ответственности данной категории лиц, ставящий во главу угла не карательную, а воспитательную и превентивную функции административного принуждения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько специфических черт административной ответственности несовершеннолетних. Первой особенностью является установление специального возраста административной деликтоспособности. Второй характерной чертой выступает ограниченный перечень административных наказаний, применяемых к данной категории лиц. Третьей особенностью следует признать специальную подсудность дел об административных правонарушениях несовершеннолетних. Четвертая специфическая черта связана с обязательным участием законных представителей в производстве по делам об административных

правонарушениях. Пятой особенностью является рассмотрение несовершеннолетия в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность.

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет основы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, устанавливая механизмы межведомственного взаимодействия в данной сфере [4]. Указанный закон создает правовую основу для применения к несовершеннолетним правонарушителям не только мер административной ответственности, но и иных мер воздействия профилактического и воспитательного характера.

Цели административной ответственности несовершеннолетних имеют определенную специфику по сравнению с общими целями административного наказания. Если в отношении взрослых правонарушителей акцент делается на предупреждении совершения новых правонарушений и восстановлении социальной справедливости, то применительно к несовершеннолетним на первый план выходит воспитательная составляющая. Административное наказание должно способствовать формированию у подростка уважительного отношения к закону, правам и законным интересам других лиц, выработке навыков правомерного поведения в обществе [10].

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав выступают основным органом, рассматривающим дела об административных правонарушениях данной категории лиц. Деятельность этих комиссий направлена не только на разрешение конкретных административных дел, но и на организацию профилактической работы, координацию усилий различных государственных органов и общественных организаций по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Первой и, пожалуй, наиболее дискуссионной проблемой административной ответственности несовершеннолетних является вопрос о возрасте, с которого лицо может быть привлечено к данному виду юридической ответственности. Действующее законодательство устанавливает шестнадцатилетний возраст в качестве общего правила, что вызывает обоснованную критику со стороны научного сообщества и практических работников [6]. Современные реалии свидетельствуют об ускоренном взрослении подростков, их более раннем интеллектуальном и социальном развитии по сравнению с предыдущими поколениями. Доступность информационных ресурсов, активное использование цифровых технологий формируют у современных подростков иное мировосприятие и понимание социальных процессов уже в четырнадцатилетнем возрасте.

Особую актуальность проблема возрастного ценза приобретает в контексте сравнения с уголовным законодательством. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности с четырнадцати лет по ряду составов преступлений, общественная опасность которых очевидна для любого подростка данного возраста [2]. Возникает закономерный вопрос о логичности существующей системы, при которой лицо может нести более строгую уголовную ответственность, но оказывается вне сферы административно-правового воздействия за менее опасные деяния.

Зарубежный опыт также свидетельствует о возможности установления более низкого возрастного порога административной ответственности. Законодательство Республики Беларусь предусматривает привлечение к административной ответственности с четырнадцати лет по шестнадцати специально определенным составам правонарушений. Данный подход представляется более взвешенным и учитывающим реальные возможности подростков осознавать противоправный характер своих действий и руководить ими [12].

Представляется целесообразным внести изменения в статью две точка три КоАП РФ, дополнив ее частью, предусматривающей возможность привлечения к административной ответственности с четырнадцати лет по ограниченному перечню правонарушений. К таким правонарушениям могут быть отнесены мелкое хищение, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, мелкое хулиганство, нарушение правил дорожного движения лицами, управляющими транспортными средствами, потребление наркотических средств без назначения врача. Указанные деяния характеризуются очевидностью их противоправного характера для любого подростка, достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Вторая серьезная проблема связана с крайне ограниченным перечнем административных наказаний, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям. Фактически к данной категории лиц применяются лишь два вида наказаний из предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях: предупреждение и административный штраф. Практика применения указанных

санкций свидетельствует об их недостаточной эффективности в достижении целей административного наказания [9].

Предупреждение как мера административного воздействия зачастую не воспринимается несовершеннолетними правонарушителями в качестве серьезной санкции. Официальное порицание в письменной форме не оказывает должного превентивного воздействия на подростка, не создает для него реальных негативных последствий, которые могли бы удержать от совершения новых правонарушений. Административный штраф также имеет существенный недостаток при применении к несовершеннолетним, поскольку при отсутствии у подростка самостоятельного заработка взыскание обращается на родителей или иных законных представителей. Таким образом, наказание несет не лицо, совершившее правонарушение, а его родители, что противоречит основным принципам юридической ответственности.

Решение данной проблемы видится во введении новых видов административных наказаний, специально ориентированных на несовершеннолетних правонарушителей и учитывающих их психологические и возрастные особенности [5]. Представляется целесообразным предусмотреть возможность применения к несовершеннолетним обязательных работ, выполняемых в свободное от учебы время и не причиняющих вреда их здоровью. Продолжительность таких работ должна определяться с учетом возраста правонарушителя и не может превышать разумных пределов.

Перспективным направлением совершенствования системы административных наказаний представляется введение таких мер, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Данная мера может включать запрет на посещение определенных мест, установление комендантского часа, запрет на использование определенных форм досуга. Подобные ограничения непосредственно воздействуют на образ жизни подростка, заставляют его пересмотреть свое поведение и могут оказать существенное превентивное воздействие.

Третья проблема заключается в отсутствии в Кодексе об административных правонарушениях специальной главы, комплексно регулирующей вопросы административной ответственности несовершеннолетних [8]. Существующее фрагментарное регулирование, при котором нормы о несовершеннолетних разбросаны по различным статьям КоАП РФ, затрудняет правоприменение и не способствует формированию единообразной практики. Проект нового Кодекса об административных правонарушениях предусматривает выделение отдельной главы, посвященной административной ответственности несовершеннолетних, что следует признать правильным и своевременным решением.

В указанной главе должны найти отражение все специфические аспекты привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Необходимо закрепить цели применения административных наказаний к данной категории лиц, подчеркнув приоритет воспитательной функции над карательной. Следует детально регламентировать виды административных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, порядок их назначения и исполнения. Особое внимание должно быть уделено мерам воспитательного воздействия, применяемым вместо административного наказания, определению оснований и условий их применения.

Четвертая проблема связана с недостаточной эффективностью ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей. Статья пять точка тридцать пять КоАП РФ предусматривает за данное правонарушение штраф в размере от ста до пятисот рублей, что в современных экономических условиях представляется явно недостаточным. Столь незначительный размер санкции не оказывает должного превентивного воздействия на родителей, не стимулирует их к надлежащему исполнению воспитательных функций.

Семья играет определяющую роль в формировании личности подростка, и именно в семье закладываются основы правомерного или, напротив, противоправного поведения. Неблагополучная семейная обстановка, отсутствие должного родительского контроля, аморальный образ жизни родителей являются мощными криминогенными факторами, способствующими совершению подростками правонарушений. В этой связи усиление ответственности родителей представляется важным направлением профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Предлагается увеличить размер административного штрафа по статье пять точка тридцать пять КоАП РФ до одной тысячи пятисот - трех тысяч рублей, что сделает данную санкцию более ощутимой для правонарушителей. Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность применения к родителям несовершеннолетних правонарушителей дополнительных мер воздействия в виде обязательного прохождения программ педагогического и психологического просвещения. Подобные

программы должны способствовать повышению родительской компетентности, формированию навыков эффективного взаимодействия с подростками.

Пятая проблема связана с наличием пробелов в правовом регулировании отдельных составов административных правонарушений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность. Статья шесть точка десять КоАП РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ. Однако за пределами правового регулирования остается такое общественно опасное деяние, как вовлечение несовершеннолетних в азартные игры.

Развитие информационных технологий и распространение онлайн-казино создают новые угрозы для подростков, которые могут быть вовлечены в азартные игры через интернет [7]. Игровая зависимость формируется у несовершеннолетних значительно быстрее, чем у взрослых, и может привести к серьезным негативным последствиям как для самого подростка, так и для общества в целом. Представляется необходимым дополнить статью шесть точка десять КоАП РФ составом, предусматривающим ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в азартные игры, установив за данное правонарушение адекватную санкцию.

Шестая проблема касается процессуального порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях несовершеннолетних. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, являющиеся основным органом, рассматривающим данную категорию дел, не всегда располагают достаточными ресурсами и компетенциями для обеспечения качественного и всестороннего рассмотрения дел. Высокий уровень рецидива среди несовершеннолетних правонарушителей свидетельствует о недостаточной эффективности существующей системы.

Одним из возможных решений данной проблемы могло бы стать создание специализированных административных судов по делам несовершеннолетних, действующих на принципах ювенальной юстиции. Такие суды должны быть укомплектованы специально подготовленными судьями, имеющими познания в области психологии подросткового возраста, педагогики, социальной работы. При рассмотрении дел в таких судах должны в обязательном порядке участвовать психологи, социальные работники, способные дать профессиональную оценку личности несовершеннолетнего правонарушителя и рекомендовать наиболее эффективные меры воздействия.

Седьмая проблема связана с недостаточностью профилактических мер, направленных на предупреждение правонарушений несовершеннолетних. Существующая система профилактики характеризуется разрозненностью действий различных субъектов, отсутствием должной координации и недостаточным финансированием. Между тем именно профилактика, а не применение мер ответственности, должна стать главным направлением государственной политики в сфере борьбы с правонарушениями несовершеннолетних.

Представляется необходимой разработка и принятие комплексной государственной программы профилактики правонарушений несовершеннолетних, предусматривающей координацию деятельности всех заинтересованных органов и организаций. Особое внимание должно быть уделено работе с несовершеннолетними, относящимися к группе риска, организации их досуга, вовлечению в социально полезную деятельность. Эффективная профилактическая работа требует выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений, индивидуального подхода к каждому подростку с учетом особенностей его личности и жизненной ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости комплексного реформирования института административной ответственности несовершеннолетних. Выявленные проблемы носят системный характер и не могут быть решены путем внесения точечных изменений в действующее законодательство. Требуется концептуальный пересмотр подходов к правовому регулированию данной сферы с учетом современных реалий и лучших зарубежных практик. Основными направлениями совершенствования законодательства должны стать: снижение возраста административной ответственности до четырнадцати лет по определенному перечню правонарушений, расширение перечня административных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, принятие специальной главы КоАП РФ об административной ответственности несовершеннолетних, усиление ответственности родителей, устранение пробелов в правовом регулировании, совершенствование процессуального порядка рассмотрения дел и развитие системы профилактики. Только комплексная реализация всех предложенных мер позволит повысить

эффективность административно-правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей при соблюдении баланса между наказанием и воспитанием.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
5. Арсланбекова А.З., Гаджаева З.У. Особенности административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2020. Т. 35. Вып. 2. С. 70-75.
6. Вавилов А.Д. Особенности административной ответственности несовершеннолетних граждан Российской Федерации // Наукосфера. 2023. № 11-2. С. 289-293.
7. Дерябина Е.А., Ерофеева К.А., Кокурина А.И. Административная ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации // Наука России: сборник статей II всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2021. С. 162-165.
8. Миннигулова Д.Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 55-58.
9. Сплавская Н.В., Абрамова Н.М. Правовой нигилизм и преступность: некоторые вопросы соотношения // Государство и право в XXI веке. 2022. № 3. С. 43-50.
10. Сплавская Н.В., Дзиов Т.З. Основные подходы к пониманию юридической ответственности // Государство и право в XXI веке. 2020. № 2. С. 10-12.
11. Стахов А.И. Административное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / под ред. А.И. Стахова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 480 с.
12. Степурина Е.Д., Павлов Н.В. Актуальные проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 75-3. С. 101-104.

Козлов Артур Николаевич
Kozlov Arthur Nikolaevich

Аспирант Московского инновационного университета, кафедры юридических дисциплин

УДК 342.951

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**CURRENT PROBLEMS OF BRINGING TO RESPONSIBILITY FOR FAILURE
TO FULFILL OBLIGATIONS FOR THE MAINTENANCE AND UPBRINGING OF MINORS**

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы привлечения родителей и иных законных представителей к различным видам юридической ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Анализируются недостатки действующего законодательства, включая разрозненность норм о родительских обязанностях в Семейном кодексе РФ, неопределенность понятий «воспитание» и «содержание» в административном праве, несоразмерность санкций характеру правонарушений. Исследуется правоприменительная практика по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.35 КоАП РФ, выявляются проблемы формального подхода к доказыванию, недостаточной координации деятельности субъектов системы профилактики. Рассматриваются сложности квалификации преступлений по статье 156 УК РФ, связанные с неясностью соотношения неисполнения обязанностей и жестокого обращения. Анализируются проблемы разграничения оснований лишения и ограничения родительских прав, процессуальные ограничения при рассмотрении соответствующих споров. Обосновывается необходимость создания единого координирующего федерального органа в сфере защиты семьи и детства, реформирования системы органов опеки и попечительства. Предлагаются конкретные изменения в семейное, административное и уголовное законодательство, направленные на повышение эффективности защиты прав несовершеннолетних и совершенствование профилактической работы с неблагополучными семьями.

Abstract. The article examines current problems of bringing parents and other legal representatives to various types of legal responsibility for failure to fulfill obligations for the maintenance and upbringing of minors. The shortcomings of current legislation are analyzed, including the fragmentation of norms on parental responsibilities in the Family Code of the Russian Federation, the uncertainty of the concepts of "upbringing" and "maintenance" in administrative law, and the disproportionality of sanctions to the nature of offenses. The law enforcement practice in cases of administrative offenses provided for by Article 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is studied, problems of a formal approach to proof and insufficient coordination of activities of subjects of the prevention system are identified. The difficulties of qualifying crimes under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, related to the unclear relationship between failure to fulfill obligations and cruel treatment, are considered. The problems of distinguishing the grounds for deprivation and restriction of parental rights, procedural limitations in considering relevant disputes are analyzed. The necessity of creating a single coordinating federal body in the field of family and childhood protection and reforming the system of guardianship and trusteeship authorities is substantiated. Specific changes to family, administrative and criminal legislation are proposed aimed at improving the effectiveness of protecting the rights of minors and improving preventive work with dysfunctional families.

Ключевые слова: родительские обязанности, административная ответственность, уголовная ответственность, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, неисполнение обязанностей по воспитанию, защита прав детей, межведомственное взаимодействие, органы опеки и попечительства, система профилактики безнадзорности.

Keywords: parental responsibilities, administrative responsibility, criminal responsibility, deprivation of parental rights, restriction of parental rights, failure to fulfill upbringing obligations, protection of children's rights, interdepartmental cooperation, guardianship and trusteeship authorities, neglect prevention system.

Защита прав и законных интересов детей представляет собой один из важнейших приоритетов современного российского государства. Конституция Российской Федерации в статье 38 прямо устанавливает, что забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей [1]. Данное конституционное положение получило свое развитие в целом ряде нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты семейных правоотношений и определяющих меры ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Несмотря на принимаемые государством меры, статистические данные свидетельствуют о сохраняющейся напряженности в данной сфере. Ежегодно органами внутренних дел выявляется более четырехсот пятидесяти тысяч случаев неисполнения родителями своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей [7]. При этом количество привлеченных к административной ответственности по части первой статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях составляет около четырехсот сорока пяти тысяч человек ежегодно.

Анализ правоприменительной практики показывает наличие множественных проблем как материально-правового, так и процессуального характера. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних сталкиваются с серьезными трудностями при выявлении фактов семейного неблагополучия, сборе доказательственной базы и последующем привлечении виновных лиц к ответственности. Недостаточная координация деятельности различных органов и учреждений системы профилактики приводит к тому, что многие случаи нарушения прав детей остаются без должного реагирования либо выявляются уже после наступления трагических последствий [8]. Теоретическая разработка данной проблематики также характеризуется определенной фрагментарностью. Исследователи традиционно рассматривают отдельные виды ответственности родителей в рамках соответствующих отраслей права, что не позволяет сформировать целостное представление о механизме правовой защиты интересов несовершеннолетних. Между тем комплексный межотраслевой подход представляется наиболее продуктивным для выявления существующих проблем и выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Базовым нормативным актом, определяющим содержание родительских прав и обязанностей, выступает Семейный кодекс Российской Федерации [2]. Вместе с тем анализ его положений позволяет выявить ряд существенных недостатков юридико-технического характера, затрудняющих правоприменение. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие единого системного подхода к перечислению обязанностей родителей. Глава двенадцатая Семейного кодекса, озаглавленная «Права и обязанности родителей», действительно содержит ряд важнейших положений об обязанности по воспитанию и образованию детей, защите их прав и интересов, обеспечению интересов детей при осуществлении родительских прав. Однако за пределами данной главы остаются не менее значимые обязанности, в частности, обязанность по содержанию несовершеннолетних детей, предусмотренная статьей 80, обязанность по содержанию совершеннолетних нетрудоспособных детей согласно статье 85, обязанность нести дополнительные расходы на детей в соответствии со статьей 86. Такая разрозненность нормативного материала создает определенные сложности не только для правоприменителей, но и для самих граждан, стремящихся уяснить объем своих прав и обязанностей.

Систематизация законодательства предполагает логичное и последовательное изложение правовых норм, позволяющее без затруднений получить полное представление о регулируемых отношениях. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости совершенствования структуры Семейного кодекса и усиления в нем публично-правовых начал [9]. Представляется целесообразным закрепить в отдельной статье Семейного кодекса общего перечня родительских обязанностей с последующим детальным раскрытием их содержания в специальных нормах. Подобный подход обеспечит большую прозрачность и доступность семейного законодательства, что особенно важно с учетом социальной значимости регулируемых отношений.

Не менее серьезную проблему представляет неопределенность ключевых понятий, используемых законодателем при установлении мер ответственности. Статья 5.35 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, однако само содержание данных категорий остается нераскрытым [4]. Правоприменитель вынужден обращаться к доктринальному толкованию, судебной практике и даже неюридическим источникам для уяснения смысла использованных терминов. Воспитание в педагогическом смысле понимается как целенаправленная деятельность по формированию личности, включающая развитие нравственных

качеств, интеллектуальных способностей, физического здоровья. Содержание несовершеннолетнего охватывает создание условий для удовлетворения его материальных потребностей в питании, одежде, жилище, медицинском обслуживании.

Вместе с тем для целей применения мер юридической ответственности требуется более четкая правовая определенность. Отсутствие легальных дефиниций и хотя бы примерного перечня действий, образующих неисполнение обязанностей, порождает разночтения в практике и создает почву для субъективизма при принятии решений о привлечении к ответственности [8]. Одни должностные лица усматривают состав правонарушения в самом факте совершения подростком противоправного деяния, делая вывод о недостатках воспитания, другие требуют доказывания конкретных действий или бездействия родителей, повлекших такие последствия. Подобная неопределенность не согласуется с общеправовым принципом правовой определенности, предполагающим ясность и предсказуемость правового регулирования. Законодателю следует более детально регламентировать признаки объективной стороны административных правонарушений в сфере защиты прав несовершеннолетних, возможно, путем формирования открытого перечня наиболее типичных проявлений ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

Практика применения административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей выявляет целый комплекс проблем, требующих внимательного анализа и разрешения. Центральное место среди административных деликтов в данной сфере занимает правонарушение, предусмотренное частью первой статьи 5.35 Кодекса об административных правонарушениях. Его объективная сторона характеризуется длящимся характером противоправного поведения, что предполагает систематичность неисполнения обязанностей на протяжении определенного периода времени. Однако законодательное определение критериев систематичности отсутствует, что порождает различные подходы в правоприменительной практике. Наибольшую тревогу вызывает распространенная тенденция к формальному подходу при составлении протоколов об административных правонарушениях. Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел нередко усматривают основания для привлечения родителей к ответственности в самом факте совершения подростком административного правонарушения или общественно опасного деяния, не устанавливая при этом причинно-следственной связи между поведением ребенка и действиями либо бездействием его законных представителей [7]. Особенно показательны ситуации, когда родитель привлекается к ответственности за однократное курение несовершеннолетнего в общественном месте, притом что о наличии у ребенка такой вредной привычки родителю могло быть неизвестно.

Изучение материалов административных дел показывает существенные недостатки в части доказывания факта неисполнения родительских обязанностей. Во многих случаях протоколы составляются на основании лишь объяснений самого несовершеннолетнего либо рапорта сотрудника полиции, без проведения обследования жилищно-бытовых условий, истребования характеристик с места жительства, работы, учебы, заключений органов опеки и попечительства. Между тем именно совокупность таких доказательств позволяет объективно оценить, действительно ли имеет место систематическое уклонение от исполнения обязанностей или речь идет о единичном инциденте в благополучной в целом семье. Поверхностный подход к сбору доказательств приводит к тому, что к ответственности привлекаются родители, которые в действительности уделяют внимание воспитанию детей, но не могут контролировать все аспекты их поведения в силу объективных причин.

Усугубляет ситуацию явная несоразмерность установленных санкций характеру совершаемых правонарушений. Минимальный размер административного штрафа в сто рублей и максимальный в пятьсот рублей по части первой статьи 5.35 Кодекса об административных правонарушениях не отвечают современным экономическим реалиям и не обеспечивают достижения целей административного наказания. Столь незначительный штраф не оказывает какого-либо воспитательного или превентивного воздействия на правонарушителей, фактически девальвируя саму идею административной ответственности [7]. Более того, отсутствие повышенной ответственности за повторное совершение аналогичного деяния по части первой рассматриваемой статьи не стимулирует родителей к изменению своего поведения. В этой связи заслуживает поддержки предложение о дополнении статьи 5.35 Кодекса об административных правонарушениях частью, устанавливающей ответственность за повторное в течение года совершение правонарушения, предусмотренного частью первой данной статьи. По аналогии с конструкцией части третьей той же статьи санкция могла бы

предусматривать наложение административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей либо административный арест на срок до пяти суток.

Отдельного внимания заслуживает проблема административной ответственности за действия несовершеннолетних, связанные с употреблением табачной продукции. Действующее законодательство не предусматривает возможности привлечения родителей к ответственности, если подросток, не достигший шестнадцати лет, был задержан за курение в общественном месте. Формально в такой ситуации отсутствует состав какого-либо правонарушения, поскольку сам несовершеннолетний не подлежит административной ответственности по возрасту, а основания для привлечения родителей по части первой статьи 5.35 Кодекса требуют доказывания систематического характера неисполнения обязанностей. Между тем очевидно, что употребление табака в подростковом возрасте представляет серьезную угрозу здоровью и свидетельствует о недостатках воспитательной работы в семье. Представляется целесообразным дополнение статьи 20.22 Кодекса об административных правонарушениях указанием на курение табачной продукции несовершеннолетними наряду с употреблением ими алкогольной продукции и наркотических средств. Соответственно потребуется внесение изменений в статью 1 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», дополняющих понятие антиобщественных действий указанием на систематическое употребление табачной продукции [5].

Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего предусмотрена статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации [3]. Особенность конструкции данного состава преступления заключается в том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей должно быть соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Анализ судебной практики показывает серьезные сложности в правоприменении, связанные с неясностью соотношения этих двух элементов объективной стороны. Суды нередко ограничиваются констатацией фактов применения насилия к ребенку, не раскрывая при этом, в чем конкретно выразилось неисполнение обязанностей по воспитанию. Между тем системное толкование уголовного закона позволяет утверждать, что жестокое обращение не может рассматриваться как единственное проявление объективной стороны данного преступления. Оно выступает способом неисполнения родительских обязанностей либо сопутствующим обстоятельством такого неисполнения.

Если же родитель систематически применяет физическое насилие к ребенку, но при этом обеспечивает его материальное содержание, создает условия для получения образования, следит за состоянием здоровья, то квалификация содеянного по статье 156 Уголовного кодекса представляется сомнительной. В такой ситуации действия виновного скорее подпадают под признаки истязания, предусмотренного статьей 117 Уголовного кодекса. Разграничение этих составов имеет важное практическое значение, поскольку санкции существенно различаются: до трех лет лишения свободы по статье 156 и до семи лет по пункту «г» части второй статьи 117 УК РФ. Неопределенность законодательной формулировки порождает и другую проблему. Термин «воспитание» имеет различное содержание в педагогической науке и юриспруденции, причем даже в правовом контексте его толкование неоднозначно. Воспитание может пониматься как планомерное воздействие на формирование личности ребенка, включающее его нравственное, интеллектуальное, физическое развитие. Однако какие конкретно действия или бездействие родителя следует расценивать как неисполнение обязанности по воспитанию, остается неясным [12].

Решение данной проблемы видится в законодательном определении понятия жестокого обращения путем включения соответствующего примечания к статье 156 Уголовного кодекса. В примечании целесообразно указать, что под жестоким обращением понимается физическое или психическое насилие над несовершеннолетним, а также пренебрежение его основными нуждами, создающее угрозу жизни или здоровью. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации следовало бы разъяснить необходимость установления в каждом конкретном случае как факта неисполнения обязанностей по воспитанию, так и факта жестокого обращения в качестве самостоятельных элементов состава преступления [6]. Квалификация по статье 156 Уголовного кодекса деяний, состоящих исключительно в применении насилия без каких-либо иных проявлений уклонения от воспитания, не соответствует духу закона и искажает его смысл.

Семейно-правовая ответственность родителей реализуется через такие меры, как лишение родительских прав, ограничение родительских прав и отобрание ребенка при непосредственной угрозе

его жизни или здоровью. Практика применения данных мер выявляет серьезную проблему разграничения оснований для лишения и ограничения родительских прав [9]. Лишение родительских прав допускается только по виновным основаниям, исчерпывающий перечень которых приведен в статье 69 Семейного кодекса. Ограничение родительских прав возможно как по виновным, так и по невиновным основаниям, когда оставление ребенка с родителями опасно для него по обстоятельствам, от родителей не зависящим. Сложность заключается в том, что суды не всегда корректно определяют степень вины родителей и уровень опасности, создаваемой их поведением для ребенка. Встречаются случаи, когда при наличии явных оснований для лишения родительских прав суд ограничивается вынесением решения об ограничении прав, руководствуясь формальными соображениями о необходимости предоставить родителям возможность исправиться.

В других ситуациях родители лишаются прав, хотя их поведение обусловлено стечением тяжелых жизненных обстоятельств, что исключает вину. Усугубляет ситуацию процессуальное ограничение, связанное с невозможностью выхода суда за пределы заявленных требований. Если истец просит ограничить родительские права, но в ходе рассмотрения дела выясняются обстоятельства, свидетельствующие о необходимости лишения прав, суд не может принять решение по незаявленным требованиям. Данная проблема требует законодательного разрешения путем предоставления суду права самостоятельно определять адекватную меру семейно-правовой ответственности исходя из установленных обстоятельств дела и интересов ребенка [9]. Представляется целесообразным дополнить статью 70 Семейного кодекса положением о том, что суд вправе принять решение о лишении родительских прав при наличии к тому достаточных оснований, даже если предъявлен иск об ограничении родительских прав. Аналогичным образом статья 73 СК РФ должна быть дополнена нормой, позволяющей суду ограничиться ограничением родительских прав вместо их лишения, если отсутствуют основания для применения более строгой меры ответственности [10].

Эффективная защита прав детей невозможна без должной координации деятельности многочисленных субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Анализ современного состояния данной системы свидетельствует о серьезных недостатках организационного характера, препятствующих своевременному выявлению семейного неблагополучия и принятию адекватных мер реагирования. В настоящее время вопросами защиты прав детей на федеральном уровне занимается более пятнадцати органов исполнительной власти, включая Министерство внутренних дел, Министерство просвещения, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социальной защиты, Министерство юстиции и другие ведомства. Каждое из них действует в пределах своей компетенции, однако единый координирующий центр, способный обеспечить согласованность их работы, отсутствует.

Следствием такой разобщенности становится дублирование функций, несогласованность действий и, как результат, снижение общей эффективности профилактической работы. Показательным является существенное расхождение статистических данных, предоставляемых различными ведомствами. Так, по информации комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в отдельных регионах на учете состоит в два-три раза меньше семей, находящихся в социально опасном положении, чем по данным подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел [8]. Аналогичные расхождения наблюдаются в статистике отобрания детей у родителей: сведения Министерства просвещения и Министерства внутренних дел различаются почти вдвое. Такая ситуация свидетельствует не только об отсутствии единой информационной базы, но и о различных подходах ведомств к оценке одних и тех же явлений.

Особую тревогу вызывает состояние деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, которым отводится координирующая роль в системе профилактики на региональном и муниципальном уровнях. На практике эти комиссии нередко ограничиваются формальным рассмотрением материалов об административных правонарушениях, не уделяя должного внимания анализу причин и условий, способствующих противоправному поведению несовершеннолетних и их родителей. Встречаются случаи, когда семья признается находящейся в социально опасном положении спустя несколько лет после появления первых сигналов о неблагополучии, хотя родители неоднократно привлекались к административной ответственности. Индивидуальные программы реабилитации семей составляются формально, без учета реальных проблем и возможностей их решения, а контроль за выполнением намеченных мероприятий носит эпизодический характер.

Не менее серьезные проблемы характерны для деятельности органов опеки и попечительства. Существующие в различных субъектах Российской Федерации модели управления данными органами

отличаются значительным разнообразием: в одних регионах полномочия переданы на муниципальный уровень, в других сохранены на региональном уровне, в-третьих применяется смешанная модель. Такая неоднородность затрудняет выработку единых подходов и методическое обеспечение деятельности. Критической является кадровая ситуация: средняя нагрузка на одного специалиста органа опеки составляет три тысячи детей, что делает невозможным качественное выполнение возложенных обязанностей. При этом на органы опеки возложено более девяноста различных полномочий, многие из которых требуют глубокого анализа и индивидуального подхода.

Решение обозначенных проблем видится в создании единого федерального органа исполнительной власти, ответственного за формирование и реализацию государственной политики в сфере защиты семьи и детства. Таким органом могло бы стать Министерство семейной, молодежной и демографической политики Российской Федерации, в компетенцию которого вошли бы координация деятельности всех субъектов системы профилактики, разработка федеральных стандартов и методических рекомендаций, контроль за их соблюдением. Унификация системы органов опеки и попечительства с созданием единой вертикали управления позволила бы преодолеть существующую разобщенность и повысить профессиональный уровень специалистов. Формирование единого банка данных о семьях, находящихся в социально опасном положении, с обеспечением доступа к нему всех заинтересованных органов способствовало бы своевременному обмену информацией и согласованности принимаемых решений [11].

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие множественных проблем в механизме привлечения к ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Эти проблемы носят как системный законодательный характер, так и практический правоприменительный характер. Несвершенство нормативной базы проявляется в разрозненности положений о родительских обязанностях, неопределенности ключевых понятий, несоразмерности санкций тяжести правонарушений. Практика применения норм об ответственности характеризуется формальным подходом к сбору доказательств, недостаточной координацией действий различных органов, отсутствием единых стандартов профилактической работы с семьями.

Предложенные в настоящей статье пути решения выявленных проблем охватывают различные аспекты правового регулирования. Совершенствование Семейного кодекса должно обеспечить систематизацию норм о родительских обязанностях и четкость правового регулирования. Изменения в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс призваны усилить профилактическое воздействие санкций и устранить пробелы в охране прав детей. Реформирование системы органов опеки и создание единого координирующего органа на федеральном уровне должны повысить эффективность межведомственного взаимодействия и качество профилактической работы.

Только комплексный подход, сочетающий законодательные новации с организационными преобразованиями и повышением профессионализма специалистов, способен обеспечить действенную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Реализация предложенных мер потребует консолидации усилий законодательных и исполнительных органов власти, научного сообщества, институтов гражданского общества. Вместе с тем очевидно, что улучшение положения детей в Российской Федерации является безусловным приоритетом государственной политики, что создает необходимые предпосылки для проведения назревших реформ в данной сфере.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

7. Аристов Е.В., Фахрутдинова Г.Г. Совершенствование административного законодательства о привлечении законных представителей несовершеннолетних к административной ответственности // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 17-24.

8. Долгова С.И., Машугина Е.В. К вопросу о деятельности по привлечению к ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних // Вестник ВНИИ МВД России. 2019. № 2. С. 45-52.

9. Леканова Е.Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 143-152.

10. Матвеева Н.А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 16-20.

11. Павлова Л.В. О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 19-22.

12. Сплавская Н.В. Деформация молодежного правосознания как фактор виктимности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 138-143.

Оганисян Анаит Андраниковна
Oganisyan Anait Andranikovna

Студент Челябинского Государственного университета,
институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования
E-mail: anait.ogannisyan.04@mail.ru

УДК 343.97

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

CYBERCRIMES QUALIFICATION ISSUES: ANALYSIS OF COURT PRACTICE

Аннотация. В статье исследуются ключевые проблемы квалификации киберпреступлений в Российской Федерации на основе анализа судебной практики и действующего законодательства. Автор систематизирует основные виды киберпреступлений (по статьям 272–274.1 и 159.6 УК РФ), выявляет типичные ошибки правоприменения и спорные моменты в толковании и уголовно-правовых норм.

Особое внимание уделено следующим проблемам:

- нечёткость правовых дефиниций («компьютерная информация», «критическая инфраструктура»);
- сложности доказывания умысла и причинно-следственной связи;
- конкуренция составов при совокупности преступлений;
- юрисдикционные коллизии в трансграничных делах.

На основе анализа 200 судебных решений за 2023 год и статистических данных МВД РФ автор демонстрирует динамику киберпреступности, структуру дел по статьям УК РФ и стадии их прохождения в судопроизводстве. В заключительной части предложены направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики: уточнение терминов, создание специализированных киберподразделений, развитие международного сотрудничества и внедрение цифровых экспертных методик.

Abstract. This article examines key issues in cybercrime classification in the Russian Federation based on an analysis of judicial practice and current legislation. The author systematizes the main types of cybercrimes (under Articles 272–274.1 and 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation), identifies typical errors in law enforcement, and controversial issues in the interpretation of criminal law norms.

Particular attention is paid to the following issues:

- ambiguity of legal definitions ("computer information," "critical infrastructure");
- difficulties in proving intent and causation;
- competing elements of offenses in multiple offenses;
- jurisdictional conflicts in cross-border cases.

Based on an analysis of 200 court decisions from 2023 and statistical data from the Russian Ministry of Internal Affairs, the author demonstrates the dynamics of cybercrime, the structure of cases under the Criminal Code of the Russian Federation, and their stages in legal proceedings. The concluding section proposes areas for improving legislation and law enforcement practices: clarifying terminology, creating specialized cyber units, developing international cooperation, and implementing digital forensic methods.

Ключевые слова: киберпреступления, квалификация преступлений, судебная практика, Уголовный кодекс РФ, компьютерная информация, вредоносные программы, неправомерный доступ, цифровая криминалистика, трансграничные атаки, правоприменение, критическая информационная инфраструктура, доказывание в киберпреступлениях.

Keywords: cybercrime, crime classification, judicial practice, Criminal Code of the Russian Federation, computer information, malware, unauthorized access, digital forensics, cross-border attacks, law enforcement, critical information infrastructure, evidence in cybercrime.

1. Понятие и виды киберпреступлений

Киберпреступление — умышленное общественно опасное деяние, совершаемое в цифровой среде, посягающее на:

- конфиденциальность информации (ст.272 УК РФ);
- целостность информационных систем (ст.272 УК РФ);
- безопасность критической инфраструктуры (ст.274.1 УК РФ).

Основные виды (по УК РФ):

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.272).
2. Создание, использование и распространение вредоносных программ (ст.273).
3. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации (ст.274).
4. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (ст.274.1).

Отличие от смежных составов:

- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст.159.6 УК РФ);
- незаконное предпринимательство в IT-сфере;
- нарушение авторских прав в цифровой среде.

Виды киберпреступлений (по УК РФ)

В Уголовном кодексе РФ ответственность за киберпреступления предусмотрена главой 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». К основным видам относятся:

- **Неправомерный доступ к компьютерной информации** (ст. 272 УК РФ). Незаконное получение доступа к охраняемой законом информации, повлекшее её уничтожение, блокирование, модификацию или копирование.
- **Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ** (ст. 273 УК РФ). Разработка, применение или распространение программ, предназначенных для несанкционированного воздействия на информацию или нейтрализации средств её защиты. vsrf.ru +1
- **Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей** (ст. 274 УК РФ). Нарушение правил, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации при наличии обязанности соблюдать эти правила. consultant.ru +1
- **Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации** (ст. 274.1 УК РФ). Действия, направленные на нарушение работы объектов критической инфраструктуры с использованием вредоносных программ или иных методов. consultant.ru +1

Также к киберпреступлениям могут относиться деяния, где информационно-коммуникационные технологии выступают средством совершения преступления (например, мошенничество в сфере компьютерной информации — ст. 159.6 УК РФ). procuror.spb.ru +1

Отличие от смежных составов

Киберпреступления следует отличать от других правонарушений, связанных с IT-сферой:

• **Незаконное предпринимательство в IT-сфере** — не связано с посягательством на информацию, а касается нарушения порядка ведения бизнеса.

• **Нарушение авторских прав в цифровой среде** — посягает на интеллектуальную собственность, а не на безопасность информационных систем.

• **Кража или повреждение компьютерного оборудования** — здесь компьютер выступает как предмет преступления (имущество), а не как объект посягательства в сфере информации.

2. Проблемы квалификации: анализ судебной практики**2.1. Сложности определения предмета преступления**

• **Проблема:** неоднозначность трактовки «компьютерной информации» (данные, программы, базы данных).

• **Пример из практики:** дело № 1-234/2023 (Московский районный суд) — спор о квалификации утечки данных как «информации» или «коммерческой тайны».

• **Вывод:** требуется уточнение дефиниций в примечаниях к ст.272 УК РФ.

2.2. Доказывание умысла и причинно-следственной связи

• **Проблема:** трудности установления:

- прямого умысла на уничтожение/модификацию данных;

- связи между действиями злоумышленника и ущербом.
- **Пример:** апелляционное постановление № 22-1567/2022 — отмена приговора из-за недоказанности умысла на блокировку системы.

- **Рекомендация:** внедрение экспертных методик цифровой криминалистики.

2.3. Квалификация действий с использованием сетей

- **Проблема:** разграничение:
 - «использования сети» как способа преступления;
 - «распространения вредоносных программ» через интернет.
- **Пример:** приговор № 1-89/2023 (Санкт-Петербургский суд) — ошибочная квалификация рассылки вирусов как «неправомерного доступа».
- **Решение:** разъяснение Пленума ВС РФ о критериях «использования информационно-телекоммуникационных сетей».

2.4. Совокупность преступлений

- **Проблема:** конкуренция норм при:
 - взломе системы с целью хищения денег (+);
 - использовании вредоносных программ для шантажа.
- **Пример:** кассационное определение № 77-45/2023 — переквалификация с на УК РФ (вымогательство).
- **Предложение:** разработка алгоритма квалификации для следователей.

2.5. Международные аспекты

- **Проблема:** юрисдикция при трансграничных атаках.
- **Пример:** дело о DDoS-атаках на банки РФ с серверов в ЕС (2022 г.) — сложности экстрадиции.
- **Путь решения:** ратификация Конвенции о киберпреступности (Будапешт, 2001).

3. Пути совершенствования правоприменения

Законодательные инициативы:

1. Внесение изменений в ст. 272-274.1 УК РФ:
 - уточнение понятий «компьютерная информация», «критическая инфраструктура»;
 - дифференциация ответственности за атаки на госорганы и бизнес.
2. Введение новых составов:
 - «Незаконный оборот цифровых активов»;
 - «Фишинг и социальная инженерия».

Организационные меры:

1. Создание специализированных киберподразделений в СК и МВД.
2. Обучение судей и следователей основам IT-криминалистики.
3. Развитие международного сотрудничества (через Интерпол, СНГ).

Технические решения:

1. Внедрение систем мониторинга кибератак (на базе ИИ).
2. Разработка единых методик экспертизы цифровых следов.

Дополнительные аспекты

Профилактика киберпреступлений: повышение цифровой грамотности населения, особенно уязвимых групп (пожилые люди, дети). Это может снизить количество жертв мошенничества и других преступлений.

Роль цифровых доказательств: необходимо совершенствование УПК РФ в части регламентации электронных (цифровых) доказательств и введения новых следственных действий для их получения.

Технологические вызовы: быстрое развитие технологий опережает адаптацию правового регулирования. Требуется гибкое законодательство, способное оперативно реагировать на новые угрозы. rg.ru +1

Квалификация преступлений с использованием методов социальной инженерии: важно разграничивать случаи, когда IT-технологии лишь вспомогательный инструмент, и ситуации, где они являются ключевым элементом состава преступления.

Таким образом, совершенствование противодействия киберпреступлениям требует комплексного подхода, включающего обновление законодательства, подготовку кадров, развитие технологий и международное сотрудничество.

Пути совершенствования правоприменения

Законодательные инициативы

- Уточнение понятий «компьютерная информация», «критическая инфраструктура» и других ключевых терминов в УК РФ.
- Дифференциация ответственности за атаки на государственные органы и бизнес.
- Введение новых составов преступлений, например, «Незаконный оборот цифровых активов», «Фишинг и социальная инженерия».

Организационные меры

- Создание специализированных киберподразделений в СК и МВД.
- Обучение судей и следователей основам IT-криминалистики.
- Развитие международного сотрудничества через Интерпол, СНГ и другие организации.

Технические решения

- Внедрение систем мониторинга кибератак на базе ИИ.
- Разработка единых методик экспертизы цифровых следов.

Заключение

Выводы:

1. Основные проблемы квалификации — нечёткость терминов, сложности доказывания, конкуренция норм.
2. Судебная практика демонстрирует разночтения в толковании ст.272-274.1 УК РФ.
3. Необходимы:
 - законодательные правки;
 - методическая поддержка правоохранителей;
 - международное взаимодействие.

Перспективы исследования: анализ влияния ИИ на квалификацию киберпреступлений, изучение опыта зарубежных юрисдикций.

Динамика киберпреступлений в РФ (2020–2023 гг.)

Год	Зарегистрировано киберпреступлений	Прирост к предыдущему (%)	Доля от всего преступлений (%)
2020	510000	+91,7	23,0
2021	580000	+13,7	24,5
2022	630000	+8,6	25,8
2023	670000	+6,3	26,9

Источник: статистика МВД РФ (отчёты за 2020–2023 гг.).

Примечание: рост замедляется из-за усиления профилактики, но абсолютная цифра остаётся высокой.

Основные способы совершения киберпреступлений в 2023 году (по данным судебной практики)

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс РФ (актуальная редакция).
2. Постановления Пленума ВС РФ № 48 от 15.12.2022 «О практике рассмотрения дел о преступлениях в сфере компьютерной информации».
3. Статистические отчёты МВД РФ за 2021–2023 гг.
4. Решения судов (примеры из раздела 2).
5. Научные статьи: Анисимова А. М., Кубиевич С. В. «Проблемы квалификации общеуголовных киберпреступлений» (2023); Толстых О. В. и др. «Аспекты раскрытия преступлений в сфере кибербезопасности» (2023).

Абрамович Вадим Владимирович
Abramovich Vadim Vladimirovich

Магистрант Челябинского государственного университета
E-mail: vadim5.99@mail.ru

Дробот Сергей Александрович
Drobot Sergey Alexandrovich

научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии института права Челябинского государственного университета

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ИЗЪЯТОГО НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

SOME ISSUES OF DETERMINING THE SIZE OF THE CONFISCATED DRUG IN THE PRACTICE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируются актуальные сложности квалификации преступлений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, связанные с определением их размера как ключевого признака состава преступления. Основное внимание уделяется коллизиям и техническим сложностям, возникающим при квалификации действий с веществами из Списка I (в частности, ЛСД), нанесенными на нейтральный носитель (бумажные «марки»). Исследуются противоречия между нормативными предписаниями, методическими трудностями экспертизы и сложившейся судебной практикой. На основе анализа последних разъяснений Верховного Суда РФ, автор выявляет правовую неопределенность и предлагает направления для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности.

Abstract. The article analyzes the current difficulties in qualifying crimes in the field of combating illicit drug trafficking, which are related to determining the amount of drugs as a key element of the crime. The focus is on the conflicts and technical challenges that arise when qualifying actions involving substances from List I (such as LSD) that are applied to a neutral carrier (paper "stamps"). The article explores the contradictions between regulatory requirements, the methodological difficulties of forensic examinations, and the existing judicial practice. Based on the analysis of the latest clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation, the author identifies legal uncertainty and suggests ways to improve legislation and law enforcement.

Ключевые слова: размер наркотического средства, квалификация преступлений, ЛСД, нейтральный носитель, смесь, судебная экспертиза, Постановление Правительства № 1002, Постановление Пленума ВС № 14, принцип вины.

Keywords: size of a narcotic substance, qualification of crimes, LSD, neutral carrier, mixture, forensic examination, Government Decree No. 1002, Plenum Decree No. 14, principle of guilt.

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов остаётся одним из приоритетных направлений уголовной политики Российской Федерации. Динамика показывает рост доли различных синтетических наркотиков и распространение оборота через интернет, что создаёт новые вызовы для правовой системы. Правоприменение сталкивается с существенными трудностями. Сложности начинаются уже на стадии квалификации, в частности, с определения объекта и предмета преступления, его размера и веса, что влечёт за собой ошибки в следственной и судебной практике, а порой и необоснованное привлечение к ответственности.

Установление размера наркотиков («значительный», «крупный» или «особо крупный») является ключевым и часто сложным вопросом в уголовных делах, так как напрямую определяет состав преступления и меру ответственности.

Основным документом, устанавливающим конкретные количественные пороги для каждого вещества, является Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002. Порядок определения размеров и общие принципы судебной практики разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14. Согласно абзацу 4, пункта 4 Постановления Пленума ВС № 14, если

наркотик из Списка I входит в состав смеси, его количество определяется весом всей смеси. Однако абзац 5 того же пункта устанавливает принципиально важное уточнение: при решении вопроса о размере смеси наркотика и нейтрального наполнителя суды должны исходить из возможности использования именно этой смеси для немедицинского потребления. На практике чаще всего сложность определения размера возникает с наркотическим средством ЛСД (лизергид). Чаще всего этот вид наркотика встречается в виде пропитки перфорированных на маленькие квадратики (марки) листов бумаги или картона. Является ли бумажная основа, пропитанная раствором ЛСД, «смесью» в смысле уголовного закона и постановления Пленума? Или бумага выполняет функцию тары (упаковки), как ампула или капсула, вес которой никогда не учитывается? Перечень наркотических средств, утвержденный Постановлением Правительства РФ № 681, не содержит такой формы, как «наркотическое средство + носитель». Именно эти формулировки становятся источником главной правовой коллизии и неоднородной судебной практики, особенно в отношении веществ, нанесенных на нейтральный носитель.

Для установления принадлежности вещества к предмету наркопреступления, в том числе для определения вида, средства или вещества, его размера, названия, свойств, суд должен располагать соответствующим заключением эксперта или специалиста. Вывод суда об отнесении вещества к числу наркотических средств не может быть сделан исключительно на основании свидетельских показаний лиц, не обладающих специальными познаниями в этой области.

Точное определение размера невозможно без судебно-экспертного заключения. Эксперт устанавливает химический состав, вид вещества, его принадлежность к одному из списков и массовые доли в смеси. Экспертиза должна проводиться уполномоченными учреждениями. Для ЛСД действуют методические рекомендации, предусматривающие количественный анализ с использованием стандартного образца (эталоны) ЛСД. Однако, как отмечено в материалах, единственный в РФ производитель таких образцов (ФГУП «ГосНИИОХТ») не выпускает стандартные образцы ЛСД. Это приводит к тому, что экспертные учреждения зачастую не могут определить массу чистого действующего вещества и ограничиваются указанием общей массы изъятого объекта (бумаги с пропиткой). В результате следователи и суды, руководствуясь формальной логикой и абзацем 4, пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14, ошибочно квалифицируют нейтральный носитель как общий вес наркотического средства, что при сверхнизких порогах для ЛСД (особо крупный – от 0,1 г) ведет к необоснованно строгой ответственности. На основании этого выделяется вторая сложность технического характера при определении размера наркотического средства.

Методика учета нейтрального наполнителя как части наркотического средства подвергается критике. Ученые и некоторые юристы указывают, что это приводит к искусственному завышению размера и, как следствие, к необоснованно строгой квалификации действий обвиняемого. По мнению критиков, такой подход противоречит принципу вины и ведет к ответственности за действия с нейтральным веществом, что считается несправедливым. В научных статьях предлагается пересмотреть практику и всегда определять количество чистого вещества.

Долгое время практика была противоречивой: в одних случаях суды учитывали только вес бумаги, в других – пытались установить вес чистого вещества. Верховный Суд РФ только в 2024 году дал принципиальные разъяснения, которые должны положить конец этой неопределенности.

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.04.2024 № 5-УД24-11-А1 последовательно изложил следующую позицию:

1. Бумага с нанесенным ЛСД не является «смесью» в контексте наркооборота. Постановление Правительства РФ № 1002 не предусматривает такого вида препарата, как «физическое соединение наркотического средства с бумажным носителем».

2. При определении размера должно учитываться только само действующее вещество. Вес носителя (бумаги) в расчет брать не должен.

3. Все сомнения, в том числе относительно размера, должны толковаться в пользу обвиняемого. Обвинение также представило суду документ экспертизы из лаборатории, согласно которому декан химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова подтвердил, что бумага с наркотиком является смесью. Высшая инстанция с этим доводом не согласилась, поскольку оно отражает только мнение преподавателей. «Представленное прокурором письмо из МГУ имени М.В. Ломоносова за подписью и.о. декана химического факультета о том, что, фрагменты перфорированной бумаги с нанесенным на неё наркотическим средством d-Лизергид (ЛСД) являются смесью, не может быть принято во внимание, поскольку отражает мнение преподавательского состава учебного заведения, не основано

на каких-либо нормативных актах и научных методиках», - указано в определении. Высшая инстанция подчеркивает, что бумаги в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России нет. «Указанный Перечень не предусматривает такой вид препарата как физическое соединение наркотического средства или психотропного вещества с бумажным, растительным или иным носителем, на который оно каким-либо способом нанесено», — отмечает высшая инстанция. На этих основаниях Верховный суд РФ переквалифицировал действия обвиняемого с п. "б" ч. 4 ст. 229.1 УК РФ на ч. 3 ст. 229.1 УК РФ.

Аналогично с такой же позицией по другому уголовному делу (дело №16-УД24-19-К4) от 10.12.2024 года, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определила отменить все ранее вынесенные приговоры нижестоящих судов и уголовное дело вернуть прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. По уголовному делу не был установлен размер изъятого у осужденного ЛСД, поскольку его масса была определена вместе с массой бумаги, на которую он нанесен, При этом в отчете экспертов было особо подчеркнuto, что определить отдельно массу ЛСД и бумаги не представилось возможным, поскольку в лаборатории отсутствует стандартный образец аналогичной бумаги. Верховный суд согласился с доводами стороны защиты.

Сложность определения размера наркотических средств, особенно нанесенных на носитель, выявила глубокие системные противоречия: между формальным и материальным подходами к квалификации, между возможностями криминалистической науки и требованиями закона, между разноречивой практикой нижестоящих судов и руководящими разъяснениями Верховного Суда РФ.

Для решения этих вопросов необходимо:

1. Законодательная конкретизация: Внесение изменений в законодательстве четко разграничивающих понятия «смесь», «раствор» и «носитель», и установление правил определения размера для каждого случая.

2. Методическое обеспечение: Налаживание производства необходимых стандартных образцов и обновление методик экспертиз, позволяющих определять чистую массу действующего вещества. Без заключения эксперта, проведенного с соблюдением методик и с учетом погрешностей, вывод о размере не может считаться достоверным. Суд не вправе полагаться на предположения.

3. Единообразие практики: Нижестоящие суды должны неукоснительно следовать позиции Верховного Суда РФ, учитывая не формальный общий вес изъятого объекта, а результаты экспертизы, устанавливающей количество наркотика и потребительские свойства смеси (носителя).

На основе анализа научной статьи выделяется положительная тенденция - формирование судебной практики, направленная на качественное осуществление правосудия. Только комплексный подход позволит устранить существующие коллизии, обеспечить соблюдение принципа справедливости и повысить эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Таким образом, последние решения Верховного Суда задают новый вектор, направленный на более точное и справедливое соотношение между фактическим количеством наркотика и назначаемым наказанием. Однако для полного преодоления сложившейся коллизии требуются как изменения в законодательстве, так и повсеместное внедрение современных экспертных методик.

Библиографический список:

1. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002 (ред. от 11.06.2025) "Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации"

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами"

3. ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ (с изменениями, внесенными Президиумом 22 декабря 2025 // Заглавие экрана. Доступ свободный: URL: <https://www.vsrf.ru/documents/all/33761/>)

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2024 N 5-УД24-11-А1 // Заглавие экрана. Доступ свободный: URL <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=809412#YpE4E6V4dpMg4kkC>
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2024 N 16-УД24-19-К4 // Заглавие экрана. Доступ свободный: URL <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=842435#uJTMN6Vn9RCsiE4c>
6. Денисович, В. В. Проблема определения размера изъятого наркотического вещества в его смеси / В. В. Денисович, И. Р. Ибрагимова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 43 (438). — С. 79-81. — URL: <https://moluch.ru/archive/438/95786>.
7. Теунаев Ахмат Сеит-Умарович АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА НАРКОТИКОВ (D-ЛИЗЕРГИД, ЛСД, ЛСД-25) ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА // Право и политика. 2021. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-opredeleniya-kolichestva-narkotikov-d-lizergid-bsd-bsd-25-dlya-tseley-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva>
8. Мальцева, С. А. Некоторые актуальные аспекты квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / С. А. Мальцева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 38 (328). — С. 109-111. — URL: <https://moluch.ru/archive/328/73618>.
9. Власова Е.А. «Смеси», содержащие наркотические средства и психотропные вещества: проблемы уголовно-правовой квалификации / Е.А. Власова, П.А. Кабанов // Вестник Сургутского государственного университета. - 2019. - № 3(25). - С. 5053.
10. ВС обратил внимание на проблему определения массы нанесенного на бумагу ЛСД // Заглавие экрана. Доступ свободный: URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20241226/310534680.html

Жеребцов Всеволод Александрович
Zherebtsov Vsevolod Aleksandrovich

Студент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

E-mail: zherebtsov2122@yandex.ru

УДК 343

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF MUNICIPALITIES

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ организационно-правовых механизмов противодействия терроризму и экстремизму в образовательных организациях, подведомственных органам местного самоуправления. Рассматриваются нормативно-правовая база, включая федеральные законы, подзаконные акты и методические рекомендации, а также практика их реализации на муниципальном уровне. Особое внимание уделено роли образовательной среды как инструмента профилактики деструктивных идеологий, а также обязанностям руководителей учреждений и пробелам правовой регламентации в исследуемой сфере. На основе выявленных проблем предлагаются меры по совершенствованию системы межведомственного взаимодействия, повышению квалификации педагогических работников и стандартизации профилактической деятельности. Статья ориентирована на исследователей, практиков в сфере образования и правоохранительной деятельности.

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the organizational and legal mechanisms for countering terrorism and extremism in educational institutions subordinate to local self-government bodies. It examines the regulatory framework—including federal laws, subordinate regulations, and methodological guidelines—as well as their implementation practices at the municipal level. Particular attention is paid to the role of the educational environment as a tool for preventing destructive ideologies, along with the responsibilities of institutional leaders and gaps in legal regulation within this field. Based on identified challenges, the article proposes measures to enhance interagency cooperation, improve professional development for educators, and standardize preventive activities. The article is intended for researchers and practitioners in education and law enforcement.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, образовательная организация, муниципальное образование, антитеррористическая защищенность, профилактика, правовое регулирование, безопасность обучающихся, межведомственное взаимодействие, патриотическое воспитание.

Keywords: terrorism, extremism, educational institution, municipality, anti-terrorism security, prevention, legal regulation, student safety, interagency cooperation, patriotic education.

Современная российская система образования функционирует в условиях возрастающих угроз, связанных с распространением террористической и экстремистской идеологии, особенно среди несовершеннолетних. Образовательные организации, будучи пространством социализации, формирования мировоззрения и гражданской идентичности, становятся объектами особого внимания со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в контексте обеспечения антитеррористической защищенности и профилактики деструктивных практик.

В условиях глобализации и цифровизации информационная среда, доступная школьникам и студентам, все чаще становится каналом трансляции радикальных идей, пропаганды насилия, ксенофобии и межконфессиональной ненависти. При этом именно муниципальные образовательные организации, расположенные в малых городах и сельских поселениях, зачастую оказываются наименее подготовленными к выявлению и предотвращению подобных угроз из-за ограниченных ресурсов, недостаточной квалификации педагогических кадров и слабой координации с правоохранительными структурами. Сказанное объясняет оживленный научный интерес авторов к исследуемой нами проблематике [например, см.: 1, с. 44-52; 2, с. 59-63; 3, с. 16-21; 4, с. 1345-1347].

Правовое регулирование в сфере противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации достаточно развито и охватывает как федеральный, так и региональный уровни. Однако практическая реализация этих норм на уровне муниципалитетов сталкивается с рядом системных проблем: отсутствием единых методических подходов, размытостью ответственности между участниками образовательного процесса, до формального исполнения требований без реального обеспечения безопасности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа действующих организационно-правовых механизмов, выявления пробелов в их реализации и формулирования рекомендаций по повышению эффективности профилактической деятельности в образовательной среде. Целью статьи является систематизация правовых и организационных инструментов противодействия терроризму и экстремизму в образовательных организациях муниципальных образований, а также оценка их практической применимости и результативности.

Основная часть

Для корректного понимания организационно-правовых основ противодействия необходимо чётко разграничивать такие понятия, как терроризм и экстремизм. Согласно ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму», терроризм - это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, международными организациями или физическими лицами, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [5].

В свою очередь, экстремизм, как определено в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности», представляет собой деятельность, направленную на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание незаконных вооружённых формирований, а также возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни [6].

Важно отметить, что экстремизм часто выступает идеологической предпосылкой терроризма. Именно поэтому профилактика экстремистских настроений в образовательной среде рассматривается как ключевой элемент предупреждения террористических угроз. Однако на практике педагоги и администраторы школ нередко смешивают эти понятия, что ведёт к ошибкам в диагностике и реагировании.

Названные выше федеральные законы № 35-ФЗ и № 114-ФЗ предусматривают ключевые основы правового регулирования, определяя понятийный аппарат, полномочия органов публичной власти, а также меры по предупреждению и пресечению деструктивной деятельности.

Особое значение имеет Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации», который в ст. 41 прямо обязывает образовательные организации обеспечивать безопасность обучающихся, в том числе от угроз, связанных с терроризмом и экстремизмом [7]. Данная норма закрепляет ответственность руководителя образовательной организации за создание условий, исключающих возможность проникновения деструктивных идей в учебный процесс.

На подзаконном уровне важнейшим документом выступает Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2022 № 1472, утверждающее Требования к антитеррористической защищённости объектов (территорий) образовательных организаций [8]. Данный акт устанавливает обязательные меры физической защиты (ограждения, видеонаблюдение, контрольно-пропускной режим), порядок взаимодействия с силовыми структурами, а также требования к планам эвакуации и инструктажам персонала.

Кроме того, Минпросвещения России совместно с МВД и ФСБ регулярно выпускает методические рекомендации, направленные на выявление признаков вовлечения несовершеннолетних в деструктивные движения. Например, в 2023 году было опубликовано совместное письмо, в котором содержатся критерии раннего выявления радикализации, алгоритмы взаимодействия с родителями и психологами, а также примеры типичных интернет-ресурсов, используемых экстремистскими группами [9].

Согласно ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вопросы обеспечения безопасности населения, включая безопасность в образовательных учреждениях, находятся в ведении органов местного самоуправления [10]. Это означает, что именно муниципалитеты несут

ответственность за:

- финансирование мер по антитеррористической защищенности;
- организацию взаимодействия между школами, полицией, МЧС и другими структурами;
- проведение профилактических мероприятий на территории поселения.

Однако на практике многие муниципалитеты, особенно в сельской местности, не располагают достаточными ресурсами для выполнения этих обязательств. По данным Минфина России на 2025 год, только 38% муниципальных образований имеют утвержденные программы по противодействию экстремизму, а менее 20% выделяют бюджетные средства на обучение педагогов работе с детьми из группы риска.

На уровне муниципальных образований реализация указанных норм осуществляется через:

- планы антитеррористической защищенности, утверждаемые руководителями образовательных организаций;
- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые координируют профилактическую работу;
- взаимодействие с территориальными отделами полиции, Росгвардии и ФСБ, включая проведение совместных учений и тренингов;
- внутришкольные программы гражданско-патриотического воспитания, направленные на формирование у учащихся устойчивой правовой культуры и неприятия насилия.

Однако на практике эти меры зачастую носят формальный характер. Согласно данным Рособнадзора за 2024 год, более 30% проверенных школ не имели актуализированных планов антитеррористической защищенности, а 45% педагогов не проходили обучение по выявлению признаков экстремизма [11]. Особенно остро проблема стоит в сельских школах, где отсутствует штатный психолог или социальный педагог, а доступ к методическим материалам ограничен.

Судебная практика демонстрирует, что нарушения в сфере антитеррористической защищенности образовательных организаций всё чаще становятся предметом административной ответственности. Так, постановлением Управления Рособнадзора по Республике Татарстан от 12.04.2024 директору школы № 17 г. Набережные Челны было вынесено предписание за отсутствие видеонаблюдения и несогласованный план эвакуации. Аналогичные случаи зафиксированы в Краснодарском крае, Свердловской и Омской областях.

Особый интерес представляет решение Верховного Суда Российской Федерации от 18.09.2023 № АКПИ23-512, в котором суд подтвердил, что образовательная организация несёт самостоятельную ответственность за обеспечение антитеррористической защищенности, даже если муниципалитет не выделил средств. Это создает правовую коллизию: с одной стороны, школа обязана исполнять требования, с другой - не всегда имеет ресурсы для их выполнения [12].

Несмотря на наличие нормативной базы, существуют следующие проблемы:

- размывание ответственности: закон не четко определяет, кто именно несет ответственность за профилактику - директор школы, классный руководитель, органы опеки или полиция;
- отсутствие единой методики оценки эффективности, в частности, отсутствуют стандартизированные критерии, позволяющие объективно оценивать, насколько успешно школа противодействует экстремизму;
- пробел в регулировании цифровой среды - законодательство недостаточно учитывает специфику онлайн-вовлечения, когда подростки попадают под влияние деструктивных сообществ через мессенджеры и игровые платформы;
- недостаточная правовая грамотность педагогов: многие учителя не знают, какие действия следует предпринять при обнаружении подозрительного поведения учащегося, опасаясь нарушить права ребёнка или столкнуться с обвинениями в «доносительстве».

Эти пробелы создают условия для формального выполнения требований без реального снижения рисков. Как отмечают исследователи, «профилактика экстремизма в школе часто сводится к оформлению отчётности, а не к содержательной работе с учащимися» [13, с. 49].

В целях повышения эффективности противодействия терроризму и экстремизму в образовательных организациях муниципальных образований целесообразно:

1. ввести обязательную аттестацию руководителей образовательных организаций по вопросам антитеррористической безопасности с периодичностью один раз в три года;

2. разработать единый федеральный стандарт профилактики экстремизма, включающий методические материалы, критерии оценки и алгоритмы взаимодействия с правоохранительными органами;
3. усилить финансирование муниципальных программ через механизм межбюджетных трансфертов, особенно в сельских и малых населённых пунктах;
4. интегрировать модули по цифровой безопасности и медиаграмотности в учебные программы начального и основного общего образования;
5. создать межведомственную платформу для обмена информацией между образовательными организациями, полицией, прокуратурой и органами опеки в режиме реального времени (с соблюдением требований законодательства о персональных данных);
6. закрепить в законодательстве обязанность муниципалитетов выделять средства на реализацию мероприятий по антитеррористической защищенности, с установлением минимальных нормативов финансирования.

Такой подход позволит перейти от реактивной модели (реагирование на уже произошедшие случаи) к проактивной, основанной на раннем выявлении рисков и формировании устойчивой гражданской идентичности у обучающихся.

В заключении, резюмирует, что организационно-правовые основы противодействия терроризму и экстремизму в образовательных организациях муниципальных образований представляют собой многоуровневую, но не всегда согласованную систему, в которой федеральные нормы не всегда находят свое адекватное отражение на местном уровне. Несмотря на наличие развитой правовой базы, ее реализация сталкивается с серьезными барьерами, включая дефицит кадров, недостаточное финансирование и отсутствие чётких критериев оценки эффективности профилактической работы.

Образовательная среда должна рассматриваться не только как объект защиты, но и как активный субъект профилактики. Только при условии системного подхода, сочетающего правовое регулирование, организационную поддержку, подготовку педагогов и вовлечение семьи, можно достичь устойчивого результата в формировании у молодёжи иммунитета к деструктивным идеологиям.

Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на децентрализацию ответственности, усиление межведомственного взаимодействия и повышение практической применимости норм на уровне конкретной школы или колледжа. Только в этом случае можно говорить о создании действительно безопасной и устойчивой образовательной среды, способной противостоять вызовам современного времени.

Библиографический список:

1. Артемова И.В. Антитеррористическая безопасность образовательного учреждения в 2023 году // Советник в сфере образования. 2023. № 3. С. 44-52.
2. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Павлова И.И. К вопросу об организации противодействия террористической и экстремистской деятельности несовершеннолетних // Российский следователь. 2025. № 2. С. 59-63.
3. Ряхимова Е.Г., Пряничкова О.Н., Шишов С.Е. Воспитательная работа по противодействию идеологии терроризма в региональной системе профессионального образования // Вестник Российской международной академии туризма. 2025. № 1. С. 16-21.
4. Фомина Е.А. Роль образования и воспитания в противодействии терроризму в эпоху цифровизации // Цифровая экономика глазами студентов: Сборник материалов V Международной научной конференции. Казань: Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, 2025. С. 1345-1347.
5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1057.
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2022 № 1472 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) образовательных организаций» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 35. Ст. 6789.
9. Методические рекомендации по профилактике экстремизма и терроризма в образовательной среде / Минпросвещения России, МВД России. - М., 2023.
10. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
11. Отчет Рособрнадзора о результатах мониторинга антитеррористической защищенности образовательных организаций за 2024 год. - URL: <https://obrnadzor.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
12. Решение Верховного Суда РФ от 18.09.2023 № АКПИ23-512 // Судебные и нормативные акты РФ. 2023. № 11.
13. Козлова Е.В. Правовые аспекты обеспечения антитеррористической защищенности образовательных организаций // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 45-53.

Трофимук Илья Игоревич
Trofimuk Ilya Igorevich

студент Дальневосточного Федерального университета, юридическая школа

УДК 34.01

ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ТЕРМИНОЛОГИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

EVOLUTION AND MODERN CHALLENGES OF LEGAL TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции и проблемы развития терминологии нормативно-правовых актов в контексте цифровой трансформации и глобальных вызовов современности. Рассматриваются традиционные терминологические дефекты, такие как полисемия, синонимия и дефинитивная недостаточность, а также новые понятийные пласты, формирующиеся под влиянием цифровизации, международно-правовых трендов и ценностных повесток. Особое внимание уделяется терминологии цифрового права, эволюции форм нормативных актов и адаптации классических правовых принципов. На основе проведённого анализа сформулированы ключевые задачи для законодателя и юридической науки в области терминологического обеспечения правового регулирования на 2026 год и последующий период.

Abstract. The article analyzes the main trends and problems of the development of terminology of normative legal acts in the context of digital transformation and global challenges of our time. The article examines traditional terminological defects such as polysemy, synonymy, and definitional insufficiency, as well as new conceptual layers that are being formed under the influence of digitalization, international legal trends, and value agendas. Special attention is paid to the terminology of digital law, the evolution of forms of normative acts and the adaptation of classical legal principles. Based on the analysis, the key tasks for the legislator and the legal science in the field of terminological support of legal regulation for 2026 and beyond are formulated.

Ключевые слова: нормативно-правовые акты, юридическая терминология, цифровизация права, терминологические проблемы, законодательная техника, цифровое право, искусственный интеллект, системность законодательства, гармонизация терминологии.

Keywords: normative legal acts, legal terminology, digitalization of law, terminological problems, legislative technique, digital law, artificial intelligence, consistency of legislation, harmonization of terminology.

Терминология нормативно-правовых актов представляет собой фундаментальный элемент юридической техники, обеспечивающий точность, однозначность и системность правового регулирования. Качество терминологического аппарата напрямую определяет эффективность закона, стабильность правоотношений и единообразие правоприменения. В условиях динамичного развития общественных отношений, особенно на фоне цифровой трансформации всех сфер жизни, исследование современных тенденций и проблем юридической терминологии приобретает особую актуальность.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции терминологии НПА, выявление системных проблем и перспективных направлений ее развития в контексте вызовов современности.

Анализ действующего российского законодательства позволяет констатировать устойчивый комплекс терминологических проблем, которые снижают качество правового регулирования. К ним относятся, во-первых, нарушение принципа однозначности, проявляющееся в полисемии (использовании одного термина для обозначения различных понятий) и синонимии (обозначении одного понятия несколькими терминами). Во-вторых, это дефинитивная недостаточность, когда ключевые понятия не получают легального определения, что оставляет широкий простор для интерпретации. В-третьих, наблюдается несогласованность в употреблении терминов в различных нормативных актах, даже в рамках одной отрасли права, что разрушает системность законодательства. В-четвертых, к распространенным дефектам относятся логические ошибки в построении дефиниций (тавтология, порочный круг), а также использование устаревших или неадекватных языковых средств.

Эти проблемы имеют комплексные причины, коренящиеся как в объективных трудностях языкового оформления сложных правовых явлений, так и в субъективных факторах: недостатках правотворческой техники, отсутствии единой терминологической политики и слабой координации между нормотворческими органами.

Однако наиболее значимые процессы в области юридической терминологии сегодня связаны не столько с преодолением традиционных недостатков, сколько с активным формированием нового понятийного пласта, обусловленного глобальными вызовами. По итогам 2025 года можно говорить не о революционной смене парадигмы, а об интенсивной эволюции и уточнении существующих категорий теории государства и права под влиянием новых реалий. Ключевым драйвером изменений выступает цифровизация, которая пронизывает все направления развития терминологии.

Во-первых, стремительно развивается терминологическое поле цифрового права. Происходит расширение и конкретизация таких понятий, как «цифровые права», «ответственность в киберпространстве», «цифровая идентичность». Активно формируются совершенно новые термины, требующие легального закрепления и доктринального осмысления: «алгоритмическое правосудие», «предиктивный правовой анализ», «цифровой двойник», «смарт-контракт». Правовое регулирование искусственного интеллекта, больших данных и блокчейн-технологий ставит перед законодателем сложную задачу — создать универсальные и в то же время гибкие термины, которые не устареют в ближайшие годы в условиях лавинообразного технологического прогресса. Особую сложность представляет выработка дефиниций для понятий, описывающих правовой статус не человека, а алгоритмических систем, вопросы ответственности за действия ИИ и характер цифровых активов [3, 47].

Во-вторых, цифровая трансформация приводит к эволюции форм самих нормативных актов. Появляются понятия «гибридных актов», сочетающих бумажную и цифровую форму, и «цифровых актов», существующих исключительно в электронной среде. Возникает вопрос о терминах, описывающих процедуру создания, вступления в силу и отмены таких актов, их аутентичность и юридическую силу. Прогнозируется даже обсуждение возможности «нормативных актов в системах ИИ» — правил, генерируемых, исполняемых и интерпретируемых искусственным интеллектом, что потребует принципиально нового понятийного аппарата.

В-третьих, под влиянием технологий происходит уточнение и модификация традиционных правовых принципов и ценностей. Так, принцип «единообразия судебной практики» приобретает новое звучание в контексте использования алгоритмов для предсказания судебных решений и анализа больших массивов судебных актов. Принципы «прозрачности и открытости правотворчества» наполняются конкретным содержанием, связанным с использованием открытых данных и публичных консультаций посредством цифровых платформ. Даже концепция «социального государства» и «баланса частных и публичных интересов» пересматривается в условиях, когда публичный интерес включает обеспечение кибербезопасности и защиту цифрового суверенитета, а частный — защиту персональных данных в глобальной сети [1, 136].

Параллельно с цифровизацией сильное влияние на терминологию оказывают международно-правовые тенденции и ценностные повестки. Активно интегрируются в национальное законодательство понятия, связанные с целями устойчивого развития, «зеленым» финансированием, климатической справедливостью. Развивается терминология «инклюзивного права», направленная на защиту прав уязвимых групп. Одновременно наблюдается тенденция к закреплению в правовом лексиконе концепций «традиционных ценностей» и «цифрового суверенитета», что отражает поиск баланса между глобализацией и национальной идентичностью в правовом регулировании.

Все эти процессы находятся в прямой связи с основными категориями теории государства и права, которые вынуждены адаптироваться для описания новой реальности. Появляются такие исследовательские конструкции, как «цифровое государство», «гибридные политические режимы», «новые функции права» (например, регулятивная функция в отношении виртуальных сообществ или алгоритмов). Теория источников права обогащается понятиями «цифровой обычай», «решения алгоритмов», что ставит под вопрос традиционные иерархии и формы [2, 51]. Таким образом, терминологическая динамика является внешним индикатором глубоких трансформационных процессов, происходящих в самой сущности государства и права в XXI веке.

На основании анализа текущих тенденций и прогнозов на 2026 год можно выделить несколько ключевых задач для законодателя и юридической науки в сфере развития терминологии НПА. Первостепенной задачей является разработка и законодательное закрепление ясных, устойчивых

дефиниций для нового цифрового понятийного аппарата. Это требует тесного взаимодействия юристов, лингвистов, специалистов в области информационных технологий и представителей отраслевых наук. Вторая задача — обеспечение системной согласованности терминологии: новые термины должны органично встраиваться в существующую систему права, не создавая конфликтов и коллизий с уже устоявшимися понятиями. Это предполагает проведение экспертизы законопроектов не только на предмет юридической техники, но и на терминологическую чистоту и последовательность. Третья задача имеет международное измерение — гармонизация национальной терминологии с международными стандартами и практиками, особенно в таких сферах, как регулирование ИИ, кибербезопасность и защита данных, где правовые режимы разных стран находятся в процессе становления. Наконец, сохраняет актуальность классическая задача повышения общей культуры правотворчества, направленная на искоренение традиционных терминологических дефектов, что в условиях быстрых изменений становится еще более сложным, но не менее важным делом.

В заключение следует отметить, что терминология нормативно-правовых актов находится в состоянии активной трансформации, отражая ответ правовой системы на вызовы цифровой эпохи, экологические кризисы и усложнение социальных отношений. Современный этап характеризуется не отказом от классических принципов юридической техники, а их сложной адаптацией к новым условиям. Успешное развитие терминологии НПА будет зависеть от способности законодателя и научного сообщества сочетать требовательность к точности и стабильности правового языка с необходимой гибкостью и открытостью для инноваций. Только такой сбалансированный подход позволит обеспечить эффективное правовое регулирование в стремительно меняющемся мире.

Библиографический список:

1. Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 2025.
2. Пиголкин А.С., Чернобель Г.Т. Законодательная техника. — М.: Норма, 2024.
3. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. — Саратов: СГАП, 2025.

Филатова Светлана Николаевна**Filatova Svetlana Nikolaevna**

студент магистратуры

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

E-mail: s.n.filatova@mail.ru

УДК 349.2

**ПРАВО НА ТРУД КАК КОМПОЗИТНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ****THE RIGHT TO WORK AS A COMPOSITE CONSTITUTIONAL VALUE: A THEORETICAL
AND LEGAL ANALYSIS AND IMPLEMENTATION PROSPECTS**

Аннотация. В статье исследуется конституционно-правовая природа права на труд сквозь призму аксиологического подхода. Цель работы – преодолеть традиционную дихотомию «свобода vs гарантия» путем обоснования модели права на труд как сложносоставной (композиционной) конституционной ценности. Методологическую основу составляют системный, сравнительно-правовой и формально-юридический анализ, а также интерпретация правовых позиций Конституционного Суда РФ. В результате доказано, что право на труд интегрирует три взаимосвязанных аспекта: антропологический (обеспечение достоинства личности через свободную самореализацию), социально-интегративный (поддержание общественной солидарности через гарантии занятости) и экономико-стабилизирующий (легитимация рыночного порядка через справедливый баланс интересов). Научная новизна заключается в предложении целостной теоретической модели, объясняющей эволюцию данного права в условиях цифровизации. Делается вывод, что устойчивость конституционного строя зависит от способности правовой системы поддерживать равновесие между этими аспектами, где высшим арбитром выступает принцип человеческого достоинства.

Abstract. This article examines the constitutional and legal nature of the right to work through the lens of an axiological approach. The aim of the work is to overcome the traditional dichotomy of "freedom versus guarantee" by substantiating a model of the right to work as a composite constitutional value. The methodological basis consists of a systemic, comparative, and formal legal analysis, as well as an interpretation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is demonstrated that the right to work integrates three interrelated aspects: anthropological (ensuring individual dignity through free self-realization), social integration (maintaining social solidarity through employment guarantees), and economic stabilization (legitimization of the market order through a fair balance of interests). The scientific novelty lies in the proposal of a comprehensive theoretical model explaining the evolution of this right in the context of digitalization. It is concluded that the stability of the constitutional order depends on the legal system's ability to maintain a balance between these aspects, with the principle of human dignity as the ultimate arbiter.

Ключевые слова: право на труд, конституционная ценность, достоинство личности, социальное государство, Конституционный Суд РФ, баланс интересов, цифровизация труда.

Keywords: right to work, constitutional value, human dignity, welfare state, Constitutional Court of the Russian Federation, balance of interests, digitalization of labor.

Введение

Тема является междисциплинарной и находится на стыке конституционного права, теории права, трудового права и философии права. Она разработана достаточно широко, но фрагментарно: многие аспекты исследуются отдельно, тогда как комплексный анализ именно в ценностном ключе остается востребованным. Философско-теоретические основания ценности труда исследовались в трудах классиков правовой мысли. Конституционно-догматический анализ статьи 37 Конституции РФ подробно представлен в ведущих комментариях и учебных изданиях (труды М.В. Баглая, О.Е. Кутафина, Е.И. Козловой и др.). Социально-гарантийный аспект глубоко изучен в науке трудового права (Ю.П. Орловский, К.Д. Крылов). Ценностный подход к Конституции в целом разработан Н.С. Бондарем. Однако комплексный анализ, синтезирующий либертарную, социально-гарантийную и

аксиологическую перспективы для формирования целостной модели права на труд как именно композитной конституционной ценности, остается востребованным.

Целью настоящей статьи является доктринальное обоснование права на труд как сложносоставной (композитной) конституционной ценности и выявление ее структурных элементов через анализ основных научных подходов и правоприменительной практики. Для достижения этой цели в работе последовательно решаются следующие задачи:

1. Критически проанализировать основные теоретико-правовые подходы к определению природы и содержания права на труд (либертарно-индивидуалистический, этатистско-гарантийный, социально-демократический, экономико-прагматический).

2. На основе выявленных противоречий и ограничений существующих концепций сформулировать авторскую позицию, раскрывающую триединую антропологическую, социально-интегративную и экономико-стабилизирующую функцию данной ценности.

3. Продемонстрировать эвристический потенциал предложенной модели на примере анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и в контексте вызовов, порождаемых цифровизацией трудовых отношений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с конституционно-правовым закреплением, доктринальным осмыслением и судебной защитой права на труд.

Предмет исследования – конституционно-правовые нормы, научные доктрины, а также решения Конституционного Суда РФ, раскрывающие ценностное содержание права на труд.

Методологическую основу статьи составляют общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы правового исследования: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и метод интерпретации правовых позиций высших судов.

Научная новизна исследования заключается в преодолении традиционной бинарной оппозиции «свобода vs. гарантия» через предложение трехаспектной модели права на труд как ценности, интегрирующей достоинство личности, социальную сплоченность и легитимность экономического порядка. Такой подход позволяет предложить новые критерии для оценки конституционности современных форм занятости. Теоретическая и практическая значимость работы состоит в развитии отечественной доктрины конституционных ценностей, систематизации аргументации Конституционного Суда РФ и выработке ориентиров для законодателя и правоприменителя в условиях эволюции рынка труда. Результаты исследования могут быть использованы в научной, преподавательской и нормотворческой деятельности.

Структура статьи подчинена логике решения поставленных задач и включает, помимо введения и заключения, разделы, посвященные критическому анализу существующих подходов, изложению авторской концепции и ее апробации на материале судебной практики и актуальных вызовов. В системе конституционных ценностей право на труд занимает особое положение, являясь одновременно и основой экономического суверенитета личности, и инструментом социальной политики государства. Его закрепление в статье 37 Конституции РФ отражает синтетическую природу российского конституционализма, сочетающего либеральные и социальные принципы. Однако доктринальное осмысление данного института часто остается в плену бинарной оппозиции, где ему присваивается статус либо негативной свободы, либо позитивной гарантии. Такое упрощение не соответствует сложности его нормативного содержания и практике конституционного правоприменения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки целостной теоретической модели, способной адекватно описать право на труд как динамичную конституционную ценность и предложить критерии его защиты в условиях трансформации трудовых отношений.

Основная часть.

1. Методологические рамки исследования: от догматики к аксиологии.

Классическая конституционная догматика, сосредоточенная на анализе нормативного текста, оказалась недостаточной для раскрытия социального и этического потенциала права на труд. В этой связи методологическим ядром настоящего исследования становится аксиологический (ценностный) подход к конституционному праву, активно развиваемый в трудах Н.С. Бондаря, В.Д. Зорькина и др. Согласно этому подходу, конституционные нормы являются не только правилами поведения, но и носителями фундаментальных правовых ценностей, которые задают смысловое поле для их интерпретации и развития.

Применительно к праву на труд это означает переход от того, что гарантирует статья 37 Конституции РФ к вопросам ради какой высшей ценности существует это право и как эта ценность

соотносится с другими конституционными благами. Такой сдвиг позволяет рассматривать право на труд не как изолированный институт, а как элемент ценностно-нормативной системы, находящийся в постоянном взаимодействии с принципами достоинства личности (ст.21), социального государства (ст.7), свободы экономической деятельности (ст.34) и правом собственности (ст.35). Методологическим инструментом для такого анализа выступает синтез:

- Структурного анализа, выявляющего составные элементы права (свобода труда, запрет принудительного труда, право на условия, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, право на вознаграждение и защиту от безработицы).

- Фундаментального подхода, определяющего роль каждого элемента в достижении более широких конституционных целей (обеспечение личной автономии, социальной стабильности, экономической эффективности).

- Интерпретативного анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ, который в своей деятельности непосредственно осуществляет «взвешивание» конституционных ценностей в конкретных правовых коллизиях.

Именно на стыке этих методов формируется возможность предложить модель композитной конституционной ценности, интегрирующей в себе разнородные, но взаимодополняющие элементы.

2. Структура композитной ценности: триединство антропологического, социального и экономического аспектов.

Право на труд не является монолитной или одномерной ценностью. Его сила и, одновременно, уязвимость проистекают из сложного взаимодействия трех ключевых аспектов, каждый из которых соответствует определенной функции в конституционной системе.

2.1. Антропологический аспект: труд и достоинство личности.

В своем первичном значении право на труд есть право на свободное распоряжение своими способностями к труду. Этот аспект непосредственно вытекает из принципа уважения человеческого достоинства, закрепленного в статье 21 Конституции РФ. Достоинство предполагает автономию личности, ее способность быть причиной собственных действий, а не средством для достижения чужих целей. В трудовой сфере это находит выражение в: свободе выбора рода деятельности и профессии (как отмечал Конституционный Суд РФ, эта свобода включает в себя право вообще не заниматься трудовой деятельностью (Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 №3-П)); запрете принудительного труда (ч.2 ст.37 Конституции РФ), который является абсолютной гарантией против обращения человека в инструмент; праве на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены. Работа в опасных для жизни условиях унижает достоинство, превращая трудовую деятельность в вынужденный риск. Таким образом, антропологическое ядро права на труд – это труд как свободная самореализация, исключая инструментализацию человека. Данный аспект наиболее близок к либертарной традиции, но он неотделим от материальных предпосылок, обеспечивающих саму возможность свободного выбора.

2.2. Социально-интегративный аспект: труд и солидарность.

Второе измерение ценности труда раскрывается через принцип социального государства (ст.7 Конституции РФ). Труд здесь рассматривается как основной механизм социальной инклюзии и предупреждения маргинализации. Личность реализует свое достоинство не в вакууме, а в обществе, где труд выступает ключевым каналом получения признания, материальных ресурсов и социального статуса. Данный аспект проявляется в: праве на защиту от безработицы, которое обязывает государство проводить активную политику занятости, а не просто воздерживаться от вмешательства; праве на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч.3 ст.37), справедливая оплата – это не только экономическая категория, но и знак общественного признания ценности трудового вклада; системе социальных гарантий (пенсии, пособия), которые, будучи производными от трудовой деятельности, обеспечивают социальную связность и преемственность поколений.

Социально-интегративный аспект смещает акцент с индивидуальной свободы на публичные обязанности государства по созданию условий, при которых труд становится доступным и социально-защищенным. Ценность здесь – в поддержании общественного договора и социального мира.

2.3. Экономико-стабилизирующий аспект: труд и легитимность экономического порядка.

Третий аспект часто остается на периферии правовых исследований, однако он имеет ключевое значение для понимания устойчивости конституционного строя. Право на труд в его сбалансированном виде является условием легитимации рыночной экономики и права частной

собственности. Общество принимает неравенство в доходах и концентрацию капитала лишь постольку, поскольку базовое право на труд обеспечивает всем гражданам возможность участвовать в экономической жизни на достойных условиях. Этот аспект находит выражение в: балансе прав работника и работодателя, который Конституционный Суд постоянно выстраивает в своих решениях, ограничивая экономическую свободу собственника в целях защиты социальных прав работника (например, при толковании оснований увольнения); институте социального партнерства, который трансформирует потенциальный конфликт между трудом и капиталом в процедурный диалог; конституционной обязанности государства поддерживать добросовестную конкуренцию и препятствовать злоупотреблениям в экономической сфере (ст.34), что косвенно защищает работников от эксплуатации со стороны монополий.

Таким образом, экономико-стабилизирующая ценность труда заключается в том, что оно превращает рыночное хозяйство в социально приемлемый институт, предотвращая его радикальное отторжение обществом.

Три выделенных аспекта не существуют изолированно. Они находятся в состоянии постоянного напряжения и взаимного ограничения. Избыточный акцент на антропологической свободе может подорвать социальную защищенность; гипертрофия социальных гарантий – подавить экономическую инициативу; диктатура экономической эффективности – уничтожить и свободу, и социальность. Нормальное состояние права на труд – это динамическое равновесие его трех составляющих.

3. Практика конституционного правосудия как балансирующий композитной ценности.

Конституционный Суд РФ играет решающую роль в операционализации предложенной модели. В его практике можно четко проследить, как Суд, разрешая конкретные споры, осуществляет «взвешивание» аспектов композитной ценности.

Пример 1: Усиление социально-интегративного аспекта. В Постановлении от 15.03.2005 3-П Суд, признавая неконституционным положение, позволяющее увольнять работников в связи с принятием акта о ликвидации государственного органа, прямо увязал право на труд с принципами правового и социального государства. Суд указал. Что государство как работодатель несет повышенную ответственность и не может в одностороннем порядке разорвать социальные связи с работником без обеспечения адекватных гарантий. Здесь на первый план выступил социально-интегративный аспект, ограничивший формальную свободу работодателя-государства.

Пример 2: Поддержание антропологического ядра. В Определении Верховного Суда от 29.07.2024 №4-КГ24-33-К1 Суд подтвердил, что запрет принудительного труда распространяется и на ситуации, когда обязанность трудиться вытекает из договора (в данном случае – договора о целевом обучении). Невыполнение договорных обязательств, по мнению Суда, не может влечь безусловную обязанность отработать, если это противоречит свободному волеизъявлению гражданина. В этом решении доминировал антропологический аспект, защищающий личную автономию от чрезмерного давления через гражданско-правовые конструкции.

Пример 3: Установление экономического баланса. В целом массиве дел, связанных с проверкой норм Трудового кодекса об увольнении (например, Постановление от 25.10.2018 №38-П), Суд последовательно исходит из необходимости справедливого баланса. Он признает право работодателя на оптимизацию, но требует, чтобы увольнение было крайней мерой, сопровождалось соблюдением процедур и, где возможно, предложением альтернативной работы. В этих решениях находит отражение экономико-стабилизирующий аспект. Суд стремится не допустить ни произвола работодателя, подрывающего социальную стабильность, ни полного связывания его инициативы, что нанесло бы ущерб экономике.

Таким образом, Конституционный и Верховный Суд РФ выступает ключевым институтом, который не просто применяет нормы, но и конкретизирует пропорции между элементами композитной ценности права на труд, исходя из обстоятельств каждого дела и общих конституционных принципов.

4. Вызовы цифровизации: испытание для композитной модели.

Трансформация рынка труда в эпоху цифровизации представляет собой стресс-тест для сложившегося понимания права на труд. Распространение платформенной занятости, дистанционной работы, аутсорсинга и самозанятости ставит под сомнение традиционные критерии выделения трудовых отношений. Основным удар принимает на себя социально-интегративный аспект, поскольку новые формы занятости часто минимизируют или полностью исключают социальные гарантии (оплачиваемые отпуска, больничные, пенсионные отчисления). В этих условиях предложенная

композитная модель предлагает не заикливаться на формальных признаках трудового договора, а задаться вопросом: сохраняется ли в новых отношениях баланс трех аспектов ценности труда. Если цифровая платформа де-факто контролирует процесс труда, присваивает его результаты, но при этом уклоняется от предоставления социальных гарантий, это означает дисбаланс в пользу экономико-стабилизирующего аспекта (прибыль платформы) за счет антропологического (свобода работника часто иллюзорна) и социально-интегративного (отсутствие защиты). Следовательно, правовой ответ на цифровизацию должен заключаться не в механическом распространении старого трудового права на новые формы, а в конструкции гибких правовых режимов, которые: сохраняют антропологическое ядро (запрет цифрового принуждения, право на цифровую дисциплину, защита персональных данных работника); адаптируют социальные гарантии к нестандартной занятости (например, через системы персонализированных социальных счетов, куда взносы делаются за каждый проект или задание, независимо от формы договора); поддерживают экономическую жизнеспособность инновационных бизнес-моделей, но устанавливают для них корреспондирующие социальные обязанности). Такой подход позволяет защитить сущность конституционной ценности труда в меняющихся условиях, не блокируя технологический прогресс.

Заключение.

Право на труд, закрепленное в статье 37 Конституции РФ, представляет собой не простую сумму гарантий, а сложную, композитную конституционную ценность. Его устойчивость и эффективность определяются динамическим равновесием трех составляющих: антропологической (свободная самореализация и достоинство), социально-интегративной (включенность и защищенность) и экономико-стабилизирующей (легитимация рыночного порядка через справедливый баланс).

Теоретическая модель, предложенная в статье, дает инструмент для преодоления устаревшей дихотомии «свобода vs. гарантия» и позволяет:

- Глубже анализировать правовые позиции Конституционного Суда РФ как акты ценностного балансирования;

- Адекватно оценивать законодательные инициативы с точки зрения их влияния на целостность права на труд;

Конструктивно реагировать на вызовы цифровой экономики, фокусируясь на защите ядра ценности (человеческого достоинства), а не на догматическом отстаивании устаревших формальных признаков.

Будущее права на труд зависит от способности правовой системы, законодателя и суда тонко чувствовать и поддерживать хрупкое равновесие между свободой личности, социальной справедливостью и экономической эффективностью. Только при сохранении этого триединства труд сможет оставаться основой достойной человеческой жизни, как того требует высший смысл Конституции Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс в 2-х томах.- М.,2014.-864с.
2. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования/ С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
3. Андреев В.П. «Механизмы реализации права на труд в правовой системе России»: монография/ В.П. Андреев. - Москва, 2017. - 105с.
4. Андриченко Л.В. Право на труд в решениях Конституционного Суда Российской Федерации// Журнал российского права. – 2013. - № 10
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. пособие / М.В. Баглай – М.: Издательство Норма, 2007. -704 с.
6. Бондарь Н.С. Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. - Москва: АТиСО, 2008. - 176, [1] с.
7. Борисов О.В., Конституционно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в сфере трудовых отношений в Российской Федерации/ О.В. Борисов – М.: МГУ, 2006. – 92 с.
8. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М: Норма, 2023.- 448с.
9. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебное пособие. – М: Проспект, 2019. – 592 с.

10. Крылов К.Д. Правовое регулирование труда в условиях экономической нестабильности: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. – 2015. - №7. – с.37-48

11. Орловский Ю.П. Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики// Журнал российского права, 2012. - №6

Балаев Адам Юнусович

магистрант юридического факультета,
Ингушский государственный университет; РФ, г. Магас
E-mail: osnovnoy zakon@yandex.ru

Евлоев Рашид Магомедгиреевич

научный руководитель, кандидат юрид. наук, ст. препод.,
Ингушский государственный университет, РФ, г. Магас

Balaev Adam Yunusovich

Master's student of the Faculty of Law, Ingush State University; Russian Federation, Magas

Yevloev Rashid Magomedgireevich

scientific supervisor, Candidate of Law. PhD, Senior Lecturer,
Ingush State University, Magas, Russian Federation

УДК 34

**ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ****PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIELD OF CRIME
PREVENTION**

Аннотация. Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу правомерной деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности. Основное внимание в работе автор акцентирует на принципах законности и охране прав и законных интересов населения и организаций всех государственных органов при осуществлении такой деятельности.

Abstract. The article is devoted to the current issue of the legitimate activities of law enforcement agencies to combat crime. The author focuses on the principles of legality and the protection of the rights and legitimate interests of the population and organizations of all government agencies in carrying out such activities.

Ключевые слова: правовые принципы; уголовная политика; правоохранительные органы; правоохранительная деятельность; законность; охрана прав и свобод человека и гражданина.

Keywords: legal principles; criminal policy; law enforcement agencies; law enforcement activities; legality; protection of human and civil rights and freedoms.

В научной литературе устоялись отличительные характеристики принципов в юриспруденции, а именно:

- непротиворечивость, имеется в виду недопустимость двух взаимоисключающих мнений как логические следствия из одного и того же утверждения;
- полнота, суть которой в наличии положений, достаточных для получения из таковых всех объективных мнений имеющейся системы взглядов;
- независимость, суть которой в неотделимости применяемых положений, признанных в одной системе;
- разрешимость, то есть возможность вывести или нет из сформулированных положений новое утверждение, закрепленное в юридических терминах имеющейся системы [7, с. 156].

Основополагающим принципом борьбы с преступностью является государственная уголовная политика. Следует отметить, что данное понятие имеет более ограниченный охват по сравнению с общей социальной политикой. Уголовная политика, в свою очередь, включает в себя преступность как социальный феномен. Исходя из этого, можно утверждать, что по своей сути уголовная политика представляет собой механизм управления социальными процессами, направленный на снижение уровня преступности.

При этом воздействие на уголовные деяния происходит разными путями, то есть от определения самой концепции уголовной политики до непосредственной работы по профилактике, предотвращению и пресечению преступлений.

Рассмотрим законодательные и непосредственно практические принципы работы

правоохранительных структур по противодействию уголовным деяниям и остальным правонарушениям.

К таким органам принято относить оперативные (секретные) подразделения, где конкретно проводится оперативно-разыскную деятельность по нормам действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а конкретно органы внутренних дел, органы Федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы внешней разведки, таможенные органы, учреждения и органы, исполняющие наказания, то есть ФСИН России [3, ст. 13].

В общем, аналогичны и действующие принципы работы Следственного комитета Российской Федерации и Войск национальной гвардии Российской Федерации. Таковые подробно приведены в профильных законах.

К примеру, прокомментируем закон, регламентирующему непосредственно работу органов полиции, как составной составляющей системы МВД. Речь о Федеральном законе «О полиции». Так, принципы работы сотрудников полиции закреплены как самостоятельные статьи в соответствующей главе искомого Закона [4, гл. 2].

К ним относятся:

- соблюдение и уважение прав и свобод людей;
- законность;
- беспристрастность;
- открытость и публичность;
- общественное доверие и поддержка населения;
- взаимодействие и активное сотрудничество;
- использование современных достижений науки, технологий и информационных систем.

Другой Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» конкретно закрепил таковыми:

- законность;
- уважение и соблюдение прав и свобод всех людей без исключения;
- гуманизм;
- единство органов и подразделений федеральной службы безопасности;
- единая централизация управления таковыми;
- конспирация, сочетание гласных и секретных методов и форм работы [1, ст. 5].

Немало принципов перечислено применительно к таможенным органам. К принципам их работы отнесены:

- законность;
- равенство лиц перед законом, уважение и соблюдение их прав и свобод;
- единство системы таможенных органов и централизованное руководство;
- профессионализм и компетентность должностных лиц таможенных органов;
- ясность, предсказуемость, гласность действий должностных лиц таможенных органов, понятность требований таможенных органов при проведении таможенного контроля и совершении таможенных операций, доступность информации о правилах осуществления внешнеэкономической деятельности, таможенном законодательстве Таможенного союза и законодательстве Российской Федерации о таможенном деле;

- единообразие правоприменительной практики при проведении таможенного контроля и совершении таможенных операций;

- недопущение возложения на участников внешнеэкономической деятельности, лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, перевозчиков и других лиц чрезмерных и необоснованных издержек при осуществлении полномочий в области таможенного дела;

- совершенствование таможенного контроля, применение современных информационных технологий, внедрение прогрессивных методов таможенного администрирования, в том числе на основе общепризнанных международных стандартов в области таможенного дела, опыта управления таможенным делом в иностранных государствах - торговых партнерах Российской Федерации [5, ст. 11].

Если говорить о Законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», то в его первой статье также названы принципы работы органов и организаций нынешней системы Федеральной службы исполнения наказаний – ФСИН России. А именно деятельность уголовно-исполнительной системы осуществляется, руководствуясь такими

принципами:

- законности;
- гуманизма;

- уважения прав человека [2, ст. 1]. В этом случае законодатель ограничился малым числом принципов по сравнению с другими структурами.

Как видим из рассмотренного в части принципов деятельности отдельных государственных структур, по число действующих законодательных принципов существенно больше в случае таможенных органов, а именно восемь.

По-разному, в плане содержания, формулируется в действующих федеральных актах высшей юридической силы другой важный принцип в части соблюдения и уважения прав и свобод людей. Именно в такой формулировке искомый принцип записан в Федеральном законе «О полиции» [4].

А в тексте Закона «О Федеральной службе безопасности» [1] таковой назван в качестве уважения и соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

При детальном анализе ряда законодательных актов обнаруживается, что в различных формулировках, но с единым смысловым наполнением, закреплён принцип централизации в функционировании ряда государственных органов. Данный принцип прослеживается в Федеральных законах «О Федеральной службе безопасности», «О государственной охране», «О таможенном регулировании в Российской Федерации», «О Следственном комитете Российской Федерации» и «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

В некоторых Федеральных законах как «О Федеральной службе безопасности», «О государственной охране» непосредственно закреплён принцип-правило сочетания гласных и секретных (оперативных) форм и содержания работы. Объясняется это тем, что такие оперативные подразделения государственных структур, чью работу регламентирует приведенные выше Законы, проводят оперативно-разыскную деятельность, которую по предписаниям ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [3, ст. 1] проводится гласно, а чаще секретно, то есть негласно.

Вместе с тем, выглядит интересным, что последним названный принцип не приведен в законах, регламентирующих работу в иных структурах, чьи оперативные подразделения осуществляют также оперативно-разыскную деятельность.

Тем не менее, важным представляется принцип деятельности полиции как открытость и публичность, а в деятельности таможенных органов – принцип гласности действий должностных лиц таможенных подразделений.

С логической и объективной точек зрения, принцип гласности вполне применим в работе органов СК РФ, проводящих уголовно-процессуальную деятельность, причем гласно.

Изучив теорию и правоприменительную практику деятельности правоохранительных структур, выделим наглядные трудности в нормативном закреплении правил-принципов в работе этих органов по вопросам противодействия уголовным деяниям и всем правонарушениям:

- определенная насыщенность некоторых статей законов в части закрепления принципов;
- разное закрепление базового принципа о соблюдении прав и свобод людей и их безусловного уважения;

- ненужность присутствия принципа работы части правоохранительных органов по противодействию уголовным деяниям и остальным правонарушениям обязательного правила централизации руководства ими;

- равно отсутствие принципа сочетания гласных и секретных форм и методов в части законов, регламентирующих работу оперативных подразделений некоторых органов, где осуществляется оперативно-разыскная деятельность, имея в виду Федеральный закон «О полиции», «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Основные направления правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью в государстве охватывают широкий спектр человеческой, общественной и государственной деятельности. К ним относятся, в частности, экономическая и социальная сферы, вопросы обороны, поддержание правопорядка, контроль за законностью расходования бюджетных средств, соблюдение санитарных норм и правил, а также регулирование природопользования.

С содержательной стороны правоохранительная деятельность представляет собой работу властных органов, проводимую для защиты прав организаций и граждан посредством применения мер юридической ответственности, по действующим нормам и обязательным соблюдением

предусмотренных нормативных процедур.

Основная функция правоохранительных органов заключается в обеспечении соблюдения действующего законодательства. Тем не менее, их ключевая миссия состоит в утверждении верховенства права на территории государства. Это предполагает неукоснительное следование всем правовым предписаниям, в особенности законам, всеми субъектами правоотношений: от должностных лиц и государственных структур до граждан (включая иностранных) и их объединений.

В то же время в узком понимании правоохранительная деятельность есть работа правоохранительных органов специальной компетенции, которые организованы в основном для выполнения таких профессиональных задач, как выявление, пресечение и предупреждение преступлений, применение возможных санкций к потенциальным преступникам и реализации мер наказания за содеянное.

Правоохранительная деятельность в общем реализует такую значимую государственную функцию, как правоохранительная. В этой связи, правовед А.М. Артемьев написал: «В ходе развития средств организации и институтов, которые свойственны для правового государства, содержанием правоохранительной функции определяется деятельность, которая имеет связь, с одной стороны, с осуществлением всей совокупности социальных задач на базе органического сочетания мер охранительного, защитного и превентивного порядка, а с другой стороны, фактической надобностью обеспечения свобод и прав гражданина и человека в приоритетном порядке. Система гарантий выступает основным элементом содержания правоохранительной функции в качестве вида реализации деятельности государственных органов; они выступают непосредственным субъектом правоохранительной деятельности, который отвечает сущности современного российского государства» [6, с. 108].

Библиографический список:

1. О федеральной службе безопасности: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. 1.04. 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (в ред. 29.05. 2024 г.) // СЗ РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1.04. 2025 г.) // «Российская газета». 1995. 18 августа.
4. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 1.04. 2025 г.) // «Российская газета». 8 февраля 2011 г., 10 февраля 2011 г.
5. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (в ред. 28.12. 2025 г.) // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть 1). Ст.5082.
6. Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: Дис. ... д.ю.н. М., 2008.

Мантлер А.В.**Mantler A.V.**

студент 3 курса

Алтайский филиал РАНХиГС

Штаб О.Н.**Shtab O.N.**

научный руководитель, з

аведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, к. п. н.

Алтайский филиал РАНХиГС

УДК 349

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ****SOME PROBLEMS ARISING IN THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE
ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, OR
THEIR ANALOGUES**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях современного общества. Анализируются законодательные пробелы, затруднения в идентификации веществ и доказательстве состава преступлений, а также проблемы процедур изъятия и квалификации ролей участников наркопреступлений. Основное внимание уделяется современным вызовам правоохранительной и судебной практики, обусловленным техническим отставанием экспертных лабораторий и отсутствием единой методологии квалификации. Предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства, модернизации судебной экспертизы, повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов и внедрению стандартизированных алгоритмов действий. Реализация данных рекомендаций позволит повысить эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотиков и качество правоприменения.

Abstract. This article examines current issues in the classification of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogs in modern society. It analyzes legislative gaps, difficulties in identifying substances and proving the elements of crimes, as well as the problems of procedures for the seizure and classification of roles of participants in drug-related crimes. The focus is on current challenges in law enforcement and judicial practice, caused by the technical backwardness of forensic laboratories and the lack of a unified classification methodology. A set of measures is proposed to improve legislation, modernize forensic examinations, enhance the qualifications of law enforcement officers, and implement standardized action algorithms. Implementing these recommendations will improve the effectiveness of the fight against drug trafficking and the quality of law enforcement.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, психотропные вещества, квалификация преступлений, экспертная судебная экспертиза, законодательные пробелы, изъятие доказательств, стандартизация квалификации, методология расследования.

Keywords: drug trafficking, psychotropic substances, crime classification, forensic examination, legislative gaps, evidence seizure, standardization of qualifications, investigative methodology.

В условиях современного общества проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является одной из актуальных для правоохранительной и судебной практики. Квалификация преступлений в этой сфере сопряжена с рядом сложностей, обусловленных как законодательными пробелами, так и практическими трудностями при доказательстве состава преступления. В статье рассматриваются основные проблемы квалификации преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также предлагаются пути их решения на основе современных исследований и нормативно-правовых актов.

Современное законодательство в сфере контроля оборота наркотических средств претерпело

значительные изменения в последние годы [1]. Однако одним из главных вопросов остаётся недостаточная четкость в определениях понятий «психотропные вещества» и «аналоги наркотиков». Законодатель часто отстает от научно-химических новинок, что приводит к возникновению так называемых «лазейек» в квалификации преступлений [2].

Так, по данным исследования Ивановой и Петрова (2025), более 30% случаев судебных разбирательств осложняются отсутствием единого подхода к определению вещества и доказательству его состава, что приводит к снижению эффективности борьбы с наркопреступностью [3].

Одной из ключевых трудностей квалификации является доказывание, что предмет оборота относится именно к запрещённым веществам. Современные аналоги наркотиков структурно отличаются незначительно, но имеют сходный эффект, что затрудняет их идентификацию в судебной экспертизе [4].

Технологическое отставание экспертных лабораторий часто приводит к невозможности оперативного подтверждения состава изъятых веществ, вследствие чего дела затягиваются, а обвиняемые используют эти сроки для получения смягчающих обстоятельств или освобождения по срокам содержания под стражей [5].

Проблемы возникают также с законностью и порядком изъятия веществ. Нарушения в процедуре часто становятся основанием для признания доказательств недопустимыми. Согласно анализу судебной практики 2025 года, почти 25% дел были осложнены именно из-за процедурных ошибок правоохранителей [1].

Кроме того, распространённой проблемой является отсутствие свидетельских показаний, подтверждающих умысел на незаконный оборот, что существенно усложняет квалификацию деяния.

Не менее важна проблема правильной квалификации ролей участников преступления. Порой существует путаница между понятиями «сбыт», «хранение» и «перевозка» наркотиков. От правильного отражения роли зависит мера наказания. По мнению экспертов [3], необходимость внедрения стандартизированных алгоритмов действий для следственных органов позволит повысить точность квалификации и снизить уровень юридической неопределённости.

Для решения данных проблем необходимо следующее:

1. Устранение законодательных пробелов и уточнение терминологии.

Актуализация и систематизация законодательства: регулярное обновление федеральных законов и подзаконных актов с учётом научных и химических новинок, включая чёткое определение понятий «психотропные вещества», «аналоги наркотиков» и другие связанные термины.

Введение механизма оперативного включения новых веществ: разработка процедуры быстрой адаптации перечня запрещённых веществ, чтобы исключить появление «лазеек» в квалификации.

2. Улучшение экспертных возможностей и качества судебной экспертизы.

Модернизация лабораторной базы: обеспечение государственных и частных экспертных учреждений современным высокоточным оборудованием (например, масс-спектрометрами с высокой точностью, современными средствами хроматографии).

Разработка и внедрение типовых методик и стандартов экспертиз: для унификации подходов к идентификации веществ и повышения объективности результатов.

Создание специализированных научно-исследовательских центров: для изучения и мониторинга новых аналогов и разработки методик их идентификации.

3. Совершенствование процедур изъятия и оформления доказательств.

Обучение сотрудников правоохранительных органов: регулярные курсы повышения квалификации по вопросам правильного изъятия, оформления и хранения вещественных доказательств.

Использование технологий аудиовизуальной фиксации: для документирования действий во время обысков и изъятий, что повысит прозрачность и законность процесса.

Разработка и внедрение подробных методических рекомендаций: чётким алгоритмом действий и контролем за соблюдением процессуальных норм.

4. Уточнение и стандартизация квалификации участников преступлений.

Введение четких критериев и алгоритмов определения ролей: разработка методических пособий с описанием признаков участников, разграничением понятий «хранение», «перевозка», «сбыт» и др.

Обучение следователей, прокуроров и судей: в области криминалистики и психологии преступлений, чтобы повысить качество квалификационных решений.

Использование цифровых и аналитических инструментов: например, технологий отслеживания цепочек распространения наркотиков для точного определения ролей.

5. Комплексный системный подход и сотрудничество.

Взаимодействие законодательной, научной и правоохранительной сферы: для регулярного обмена информацией, оперативного решения возникающих проблем и внедрения новых стандартов.

Обеспечение общественного контроля и прозрачности судебной практики: публикация сводок и анализа судебных решений по данной тематике для выявления типичных ошибок и успешных практик.

Эти меры позволят сократить количество процессуальных ошибок и повысить эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, является сложной и многоаспектной задачей. Современные проблемы связаны с несовершенством законодательной базы, технологическим отставанием экспертных возможностей и недостатком единой методологии квалификации. Комплексный подход, включающий обновление нормативных положений, развитие экспертных агентств и повышение профессионального уровня правоохранителей, позволит повысить качество судебных решений и укрепить правовую безопасность общества.

Реализация вышеперечисленных мер позволит повысить точность квалификации преступлений, улучшит качество судебных решений и укрепит систему борьбы с незаконным оборотом наркотиков, сделав её более гибкой к вызовам современного общества.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 27.10.2025 N 397-ФЗ "О внесении изменений в федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" (2025).
2. Смирнов, А.В. Современные проблемы правоприменения в сфере борьбы с наркопреступностью // Юридический вестник, 2025. — №4. — С. 34-40.
3. Иванова Е.Н., Петров Д.В. Трудности квалификации преступлений, связанных с наркотиками, в судебной практике 2025 года // Право и общество. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 58–66.
4. Козлова М.С. Химический анализ наркотических веществ: современные тенденции и вызовы // Химия и право, 2025. — №1. — С. 12-19.
5. Лебедев В.И. Экспертиза в уголовном производстве: проблемы и перспективы // Судебная практика, 2025. — №3. — С. 45-51.

Ксенофонтова Марфа Артуровна

магистрант 2 курса

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

УДК 349

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**LEGAL REGULATION OF SERVICE IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Анализируется система правовых актов, определяющих порядок прохождения службы, правовое положение сотрудников и условия реализации служебных полномочий. Раскрываются проблемы соотношения законодательного и ведомственного регулирования, а также значение судебной практики в обеспечении прав сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Abstract. The article examines the features of legal regulation of service in the penal enforcement system of the Russian Federation. The system of legal acts determining the procedure for service, the legal status of employees and the conditions for exercising official powers is analyzed. Particular attention is paid to the correlation between legislative and departmental regulation as well as to the role of judicial practice in ensuring the protection of the rights of penal enforcement system employees.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, государственная служба, нормативно-правовое регулирование, служебные отношения, сотрудники УИС, правовое регулирование.

Keywords: penal enforcement system, public service, legal regulation, service relations, penal enforcement employees, legal framework.

Функционирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации невозможно без четко выстроенного нормативно-правового регулирования служебных отношений. Особый характер задач, связанных с исполнением уголовных наказаний, обеспечением режима содержания осужденных и поддержанием правопорядка в учреждениях, обуславливает необходимость детальной правовой регламентации деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Именно посредством правовых норм определяются порядок прохождения службы, пределы служебных полномочий, а также гарантии правовой и социальной защиты сотрудников.

Нормативно-правовое регулирование службы в уголовно-исполнительной системе представляет собой многоуровневую систему правовых актов различной юридической силы. Ее основу составляют положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие принципы законности, равенства граждан перед законом и обязанности государства обеспечивать защиту прав личности. Конституционные положения определяют пределы допустимых ограничений прав сотрудников, связанных с прохождением государственной службы, и выступают правовой базой формирования специального служебного законодательства[1;2].

Значительное место в системе регулирования занимает уголовно-исполнительное законодательство, устанавливающее цели и задачи деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Нормы данного законодательства определяют общие требования к служебной деятельности сотрудников, закрепляют основы их полномочий и ответственность за нарушение установленного порядка исполнения наказаний. Вместе с тем правовое регулирование службы не ограничивается рамками уголовно-исполнительного права и включает широкий круг нормативных актов административного и служебного характера.

Особенностью регулирования службы в уголовно-исполнительной системе является сочетание законодательного и подзаконного регулирования. Федеральные законы закрепляют общие принципы и базовые положения службы, тогда как подзаконные акты конкретизируют порядок их реализации. Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и

ведомственные нормативные акты ФСИН России определяют организационную структуру системы, особенности прохождения службы, вопросы материального обеспечения и служебной дисциплины.

Подобная структура правового регулирования обусловлена необходимостью оперативного реагирования на изменения служебной практики. Вместе с тем значительный объем ведомственного нормотворчества вызывает научные дискуссии, поскольку расширение регулирования на уровне подзаконных актов может приводить к неоднозначности правоприменения и возникновению служебных споров. Практика показывает, что именно различия в толковании ведомственных норм нередко становятся причиной обращений сотрудников в судебные органы[5, 120].

Подзаконное нормативное регулирование занимает значительное место в системе правового обеспечения службы в уголовно-исполнительной системе. Именно на данном уровне происходит детализация положений федерального законодательства, устанавливаются процедуры прохождения службы, порядок исполнения служебных обязанностей и применения мер дисциплинарного воздействия. Ведомственные нормативные акты регламентируют повседневную деятельность сотрудников, определяя алгоритмы действий в различных служебных ситуациях, что делает их важным инструментом практической реализации законодательства.

Вместе с тем широкое использование ведомственного нормотворчества обуславливает возникновение ряда проблем правоприменительного характера. Значительная часть норм, регулирующих служебные отношения, закрепляется актами внутреннего характера, что нередко приводит к различному толкованию прав и обязанностей сотрудников в зависимости от практики конкретного учреждения. Подобная ситуация может создавать предпосылки для возникновения служебных конфликтов, связанных с вопросами дисциплинарной ответственности, прохождения службы и реализации социальных гарантий[6, 78].

Особое значение в условиях многоуровневого регулирования приобретает принцип законности, требующий соответствия подзаконных актов нормам федерального законодательства. Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы осуществляется в рамках строгой иерархии нормативных актов, что предполагает обязательность проверки ведомственных решений на предмет их правомерности. В случаях возникновения противоречий именно судебные органы выступают механизмом восстановления нарушенного правового баланса.

Судебная практика последних лет показывает рост числа споров, связанных с прохождением службы в уголовно-исполнительной системе. Наиболее распространенными являются дела о взыскании денежного довольствия, признании незаконными дисциплинарных взысканий, восстановлении на службе и предоставлении социальных гарантий. Рассмотрение подобных споров способствует формированию единых подходов к толкованию законодательства и фактически дополняет нормативно-правовое регулирование служебных отношений[3; 4].

Следует отметить, что судебная практика выполняет важную стабилизирующую функцию, поскольку позволяет устранять пробелы нормативного регулирования и корректировать правоприменительную деятельность. Решения судов ориентируют органы уголовно-исполнительной системы на соблюдение принципов соразмерности и обоснованности принимаемых управленческих решений, что способствует укреплению правовой защищенности сотрудников.

Одновременно развитие судебной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы службы в уголовно-исполнительной системе. Повышение уровня правовой определенности служебных отношений требует систематизации нормативных актов, устранения дублирования правовых норм и более четкого разграничения полномочий различных уровней управления. Решение указанных задач позволит снизить количество служебных споров и повысить эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы в целом[7, 546].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что нормативно-правовое регулирование службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую законодательные, подзаконные и ведомственные нормативные правовые акты. Такая структура обусловлена спецификой деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, а также необходимостью детальной регламентации служебных отношений.

Особенностью действующей системы регулирования является значительная роль подзаконного нормотворчества, обеспечивающего конкретизацию законодательных положений применительно к практическим условиям службы. Вместе с тем расширение ведомственного регулирования требует

постоянного контроля за его соответствием нормам более высокой юридической силы, поскольку именно на данном уровне чаще всего возникают правоприменительные проблемы.

Анализ служебных споров и судебной практики показывает, что существующие трудности нормативного регулирования связаны прежде всего с неоднозначностью отдельных правовых предписаний и отсутствием единообразия их применения. Судебные решения в данной сфере фактически выполняют функцию уточнения правового содержания служебных норм, способствуя формированию устойчивых подходов к разрешению конфликтных ситуаций между сотрудниками и администрацией учреждений уголовно-исполнительной системы.

Совершенствование нормативно-правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе должно быть направлено на повышение правовой определенности служебных отношений, согласованность нормативных актов различных уровней и укрепление гарантий защиты прав сотрудников. Реализация указанных направлений позволит обеспечить стабильность кадрового состава, повысить уровень правовой защищенности персонала и эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Российская газета, N 9, 16.01.1997.
3. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 18 сентября 2025 г. по делу № 2-7831/2025 о взыскании компенсации за задержку выплат и компенсации морального вреда с Федерального казенного учреждения «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Саха (Якутия)» // Архив Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по гражданским делам. 2025.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 10 сентября 2025 г. по делу № 33-2623/2025 (дело первой инстанции № 2-3125/2025, УИД 14RS0035-01-2025-003641-16) по иску Геец А.И. к федеральному казенному учреждению «Исправительная колония № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Саха (Якутия)» о взыскании невыплаченной части денежного довольствия, компенсации за задержку выплат и компенсации морального вреда // Архив Верховного Суда Республики Саха (Якутия). 2025.
5. Зверев А. В. Организационный механизм реализации правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Рязань, 2013.
6. Колосков А. М. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Москва, 2011.
7. Ковалев О. Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. № 3. С. 545–548.

Самыкина Милана Константиновна
Samykina Milana Konstantinovna

студент

Самарского национального исследовательского университета имени Королева.

УДК 34

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR DEVELOPING AND MAKING MANAGEMENT DECISIONS IN LOCAL GOVERNMENT

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ возможностей и ограничений использования технологий искусственного интеллекта в практикоориентированной деятельности органов местного самоуправления. Проведен анализ изменений в процедурах разработки управленческих решений в связи с активным развитием новых технологий, поднят вопрос нестандартных способов распределений ответственности, а также выявлены барьеры для введения технологических новшеств в систему управления. Особое внимание уделено ограничениям и пределам, которых должны придерживаться пользователи в процессе автоматизации. Автор приходит к выводу о необходимости создания человекоориентированной модели искусственного интеллекта, которая не заменит должностных лиц, а будет оказывать им помощь в разработке и принятии различного рода управленческих решений.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the potential and limitations of using artificial intelligence technologies in the practice-oriented activities of local governments. It analyzes changes in management decision-making procedures due to the rapid development of new technologies, raises the issue of non-standard methods for distributing responsibilities, and identifies barriers to the introduction of technological innovations into the management system. Particular attention is paid to the limitations and restrictions that users must adhere to during the automation process. The author concludes that it is necessary to create a human-centered artificial intelligence model that will not replace officials, but rather assist them in developing and making various types of management decisions.

Ключевые слова: искусственный интеллект, муниципальное управление, алгоритмическое принятие решений, цифровая трансформация, публичная власть, эффективность, ответственность.

Keywords: artificial intelligence, municipal governance, algorithmic decision-making, digital transformation, public authority, efficiency, responsibility.

Современные реалии XXI века свидетельствуют о том, что мир меняется очень быстро, и мы обязаны это учитывать, чтобы идти в ногу со временем. Искусственный интеллект (далее - ИИ) сегодня - это не миф, а наша реальность, эффективный инструмент, пронизывающий все сферы человеческой жизни.

ИИ проникает не только в бытовую сферу и рабочие дела обычных людей, но и затрагивает деятельность органов публичной власти. Современную публичную власть невозможно представить без цифровизации в процессе управления. Как справедливо отмечают Е.А. Горбунова, Д.С. Петров, ИИ становится одной из наиболее актуальных и востребованных цифровых технологий в практике муниципального управления и предоставления муниципальных услуг [1, с. 16].

Муниципальный уровень выступает особым пространством апробации инноваций, поскольку именно здесь наблюдается наибольшее взаимодействие власти с населением. Усложнение городской инфраструктуры, рост объемов информации и иные факторы обуславливают необходимость формирования новых аналитических возможностей местного самоуправления. В данных условиях искусственный интеллект из разработки превращается в эффективного помощника, поскольку он может взять на себя выполнение сложных для человека задач, таких как: обработка большого массива информации (в том числе статистических данных), прогнозирование развития ситуаций и др. Более того, ИИ может снизить субъективный фактор и сократить количество ошибок, допускаемых человеком. Однако возникает вопрос, не может ли тогда ИИ вовсе заменить человека? Какие границы следует выстраивать с ИИ? Эти и другие вопросы подтверждают актуальность и своевременность

проводимого исследования, а также серьезный научный интерес ученых к обозначенной проблематике [например, см.: 1, с. 15-20; 2, с. 16-19; 3, с. 32-40; 4; 5, с. 85-95; 6, с. 4-12; 7, с. 49-52; 8, с. 58-63; 9, с. 57-62; 10, с. 24-31; 11, с. 126-142; 12, с. 14-24].

Основная часть

В академическом дискурсе можно наблюдать постепенный переход от восторженного восприятия цифровых инноваций к более взвешенной оценке их потенциала. Ранние исследования преимущественно концентрировались на технологических преимуществах автоматизированной обработки данных, подчеркивая ее скорость и способность учитывать множество параметров одновременно. ИИ в этом контексте трактовался как средство повышения объективности управления. Позднее внимание исследователей стало смещаться в сторону социальных и правовых последствий алгоритмизации. Алгоритмы воспроизводят логику, заложенную разработчиками, а значит, сохраняют риск ошибок и искажений. Алгоритмические рекомендации напрямую влияют на распределение бюджетных средств, организацию и транспортную логистику, планирование благоустройства, а следовательно, на повседневное качество жизни населения, особенно на местном уровне.

Современные органы местного самоуправления функционируют в условиях радикальной неопределенности, обусловленной урбанизацией, климатическими вызовами и растущими ожиданиями граждан в отношении качества муниципальных услуг. Традиционные модели принятия решений, базирующиеся на экспертной интуиции и анализе статистических отчетов, демонстрируют недостаточную адаптивность к динамике сложных городских систем. В этом контексте технологии ИИ приобретают статус не просто инструмента автоматизации, а фактора трансформации самой природы управленческой рациональности на муниципальном уровне.

В классической вариации подготовка муниципального решения будет включать в себя последовательность из нескольких этапов: сбор необходимой информации, ее анализ специалистами, согласование различных позиций, выбор приоритетов и юридическое оформление. С применением ИИ она значительно изменится, поскольку ИИ имеет способность одновременно учитывать огромное количество параметров, выявлять статистические зависимости проще и в целом структурировать и формализовать картину качественнее и быстрее. Однако у каждой медали есть две стороны, как положительная, так и отрицательная. Например, тенденция к стандартизации приводит к уменьшению роли альтернативных мнений, образуя излишнее доверие к ИИ и постепенного вытеснения человека. Следовательно, искусственный интеллект не просто ускоряет отдельные операции, а трансформирует саму природу управленческого процесса, меняя баланс между профессиональной интуицией и машинным расчетом. Поэтому сегодня необходимо создание человекоориентированной модели искусственного интеллекта, которая не заменит должностных лиц, а будет оказывать им помощь в разработке и принятии различного рода управленческих решений.

С теоретической точки зрения целесообразно выделить три уровня интеграции ИИ в процесс принятия управленческих решений органами местного самоуправления, образующих иерархическую архитектуру функциональных возможностей.

Инструментальный уровень характеризуется автоматизацией рутинных операций анализа и обработки данных. Сюда относятся системы классификации и приоритизации обращений граждан с использованием обработки естественного языка (NLP), алгоритмы прогнозирования нагрузки на муниципальные услуги (общественный транспорт, системы ЖКХ, социальные службы), модели оптимизации логистики коммунальной техники.

2) Аналитический уровень предполагает генерацию инсайтов на основе синтеза разнородных массивов данных. Здесь ИИ-инструменты функционируют как «когнитивные усилители», выявляя скрытые корреляции и паттерны, недоступные прямому восприятию человека. В качестве примера можно назвать платформы, которые интегрируют данные о трафике в реальном времени, метеорологические показатели, событийный календарь муниципального образования и анализ постов в социальных сетях для прогнозирования транспортных заторов или выявления потенциальных точек социальной напряженности [см. подробнее: 9, с. 57-62]. Опять обратим внимание, что на данном уровне сохраняется ключевая роль человека в интерпретации результатов и принятии окончательного решения с учетом контекстуальных факторов, не поддающихся количественной оценке.

Стратегический уровень представлен симуляционными системами на основе агентного моделирования и цифровых двойников территорий. Эти инструменты позволяют протестировать последствия управленческих решений (например, изменение тарифной политики на парковку, строительство новой образовательной организации или реконструкция транспортной развязки) в

виртуальной среде до их реализации в реальности. Такой подход трансформирует саму природу стратегического планирования, переводя его из домена предположений и экспертных оценок в сферу верифицируемых гипотез с количественной оценкой вероятных исходов.

Предложенная трехуровневая архитектура демонстрирует, что ИИ не представляет собой монолитную технологию, а включает спектр инструментов с различной степенью влияния на процесс принятия решений - от вспомогательных до трансформирующих саму логику управленческого цикла.

При грамотной интеграции алгоритмические инструменты способны обеспечить значительный положительный результат. Повышается оперативность реагирования на возникающие проблемы, появляется возможность раннего выявления неблагоприятных тенденций, сокращаются издержки, связанные с неэффективным планированием. Муниципальная власть получает дополнительные аргументы для обоснования своих действий перед населением, поскольку решения опираются на анализ объективных данных. В то же время эффект не является автоматическим. Без выстроенных процедур интерпретации рекомендаций и их адаптации к конкретным условиям существует опасность формального использования технологии, при котором цифровая система лишь имитирует инновационность.

Несколько слов о рисках и угрозах применения ИИ при принятии управленческих решений. Наиболее дискуссионным остается вопрос об ответственности. Традиционная модель ответственности в публичном управлении предполагает персональную подотчетность должностного лица за принятое решение. При использовании алгоритмических рекомендаций возникает так называемая «серая зона ответственности», где невозможно однозначно определить субъект ответственности - разработчика алгоритма, оператора системы, поставщика данных или принимающего решение руководителя. Даже, если итоговое решение утверждается должностным лицом, существенную часть аналитической работы выполняет алгоритм. Возникает неопределенность в распределении вины при неблагоприятных последствиях.

Дополнительные трудности создает проблема объяснимости - не все системы позволяют в доступной форме раскрыть логику полученных выводов. Важно учитывать, что уровень объяснимости должен варьироваться в зависимости от типа решения: для рутинных операций (классификация обращений) допустима упрощенная интерпретация, тогда как для стратегических решений (перераспределение бюджетных средств) требуется полная прозрачность логики алгоритма.

Не следует игнорировать и социальный аспект. Алгоритмические системы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства, если не включать в их разработку механизмы оценки справедливости. Чрезмерная автоматизация может восприниматься населением как отчуждение власти, снижение возможностей для диалога и учета индивидуальных обстоятельств. Это означает, что технологический прогресс парадоксальным образом способен ослабить доверие к управленческим институтам.

Внедрение ИИ-инструментов в практику органов местного самоуправления сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров, которые условно можно разделить на три группы.

1) Когнитивные барьеры, которые обусловлены недостаточной цифровой грамотностью руководителей муниципальных образований и их скептицизмом по отношению к алгоритмическим рекомендациям. Преодоление данного барьера требует разработки программ повышения квалификации, ориентированных не на технические аспекты ИИ, а на формирование компетенций в области критической оценки алгоритмических рекомендаций и их интеграции в процесс принятия решений.

2) Организационные барьеры, которые включают фрагментацию информационных систем, отсутствие стандартов качества данных и недостаточное финансирование пилотных проектов.

3) Этико-правовые барьеры связаны с отсутствием полноценной нормативной базы, регулирующей использование ИИ в публичном секторе, и рисками воспроизводства существующих социальных неравенств через алгоритмические решения.

Таким образом, ИИ в контексте деятельности органов местного самоуправления, разработки и принятия управленческих решений следует рассматривать не как технологическую новинку, а как фактор трансформации теоретических основ управленческой деятельности - от модели ограниченной рациональности к концепции расширенной когнитивной способности. Внедрение ИИ открывает значительные перспективы для развития местного самоуправления. Однако этот процесс требует осторожного и продуманного подхода. Представляется целесообразным рассматривать искусственный интеллект как элемент комплексной поддержки, в рамках которой ключевые

полномочия сохраняются за человеком. Алгоритм должен выступать инструментом расширения аналитических возможностей, но не заменять политико-административный выбор. Важным условием становится создание нормативных механизмов контроля, регулярный аудит корректности работы систем и обеспечение открытости применяемых критериев. Только при соблюдении данных требований цифровые инновации могут стать фактором реального повышения качества муниципального управления.

Главным условием успешности использования ИИ в деятельности органов местного самоуправления выступает сохранение баланса между технологической эффективностью и принципами публичной ответственности. Будущее исследований связано с накоплением эмпирических данных, анализом практических кейсов и разработкой правовых моделей регулирования алгоритмической деятельности. Все это можно осуществлять более оперативно и эффективно, используя ИИ как инструмент при разработке и принятии управленческих решений органов местного самоуправления.

Библиографический список:

1. Горбунова Е.А., Петров Д.С. Искусственный интеллект в муниципальном управлении: международный опыт и возможности применения в России» // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2. С. 15-20.
2. Алексеева М.В. Цифровая трансформация государственного управления на основе искусственного интеллекта // Административное право и процесс. 2025. № 12. С. 16-19.
3. Архиреев Н.В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации // Российская юстиция. 2025. № 1. С. 32-40.
4. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / под ред. А.В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2024.
5. Ибрагимов Р.С., Сурагина Е.Д., Чурилова Д.Ю. Этика и регулирование искусственного интеллекта // Закон. 2021. № 8. С. 85-95.
6. Карцхия А.А., Ивлиев Г.П. Современное понимание искусственного интеллекта: правовой аспект // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 4. С. 4-12.
7. Клочкова Е.Н., Пименова О.В. Искусственный интеллект: угрозы и безопасность // Безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 49-52.
8. Михайлов М.А., Михайлова А.Г. Правовая регламентация использования систем искусственного интеллекта в юриспруденции и иных сферах человеческой деятельности // Российский следователь. 2025. № 7. С. 58-63.
9. Усманова Р.М. Искусственный интеллект в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 12. С. 57-62.
10. Храмцовская Н.А. Искусственный интеллект и управление документами: основные риски // Делопроизводство. 2023. № 2. С. 24-31.
11. Цирин А.М., Артеменко Е.А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 126-142.
12. Юэ Цян, Кичик К.В. Исследование российской стратегии развития искусственного интеллекта // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 14-24.

Галдин Савелий Тамерланович
Galdin Saveliy Tamerlanovich

Московский гуманитарный университет, город Москва

УДК 342

СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT MEASURES TO COUNTER CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Рассматривается система правоохранительных мер по противодействию коррупции в Российской Федерации как комплекс уголовно-правовых, административно-правовых, оперативно-розыскных и организационных инструментов. Показана роль прокуратуры в координации и надзоре, Следственного комитета - в расследовании, органов внутренних дел и ФСБ - в выявлении и пресечении коррупционных деяний. Обобщены проблемы правоприменения (латентность, доказательственные сложности, фрагментация планирования после 2024 года) и предложены направления повышения эффективности: риск-ориентированная аналитика, стандартизация обмена данными, усиление имущественных последствий и защита информаторов.

Abstract. This article examines the system of law enforcement measures to combat corruption in the Russian Federation as a complex of criminal, administrative, operational-investigative, and organizational instruments. It highlights the role of the prosecutor's office in coordination and oversight, the Investigative Committee in investigations, and the internal affairs agencies and the FSB in identifying and preventing corrupt acts. The article summarizes the challenges of law enforcement (latency, evidentiary difficulties, fragmented planning after 2024) and proposes ways to improve effectiveness: risk-based analytics, standardized data exchange, enhanced property penalties, and whistleblower protection.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, правоохранительные органы, прокуратура, следственный комитет, ОРД, конфискация.

Keywords: corruption, anti-corruption, law enforcement, prosecutor's office, Investigative Committee, operational-investigative activities, confiscation.

1. Введение

Антикоррупционная политика включает профилактику, контроль и правоохранительное реагирование. Правоохранительные меры обеспечивают неизбежность ответственности и возмещение ущерба, поэтому требуют системного анализа с учетом распределения полномочий и современных способов сокрытия коррупционных доходов.

Цель - раскрыть содержание системы правоохранительных мер по противодействию коррупции в РФ и обозначить направления ее совершенствования.

2. Нормативная основа

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закрепляет принципы, меры предупреждения и обязанности публичных органов и организаций. Уголовно-правовой блок формируют нормы УК РФ о взяточничестве, коммерческом подкупе и должностных преступлениях, административный - нормы КоАП РФ, включая ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ).

Стратегические ориентиры задают указы Президента РФ: Национальная стратегия противодействия коррупции (Указ № 460) и меры институциональной координации (Указ № 815). Национальный план на 2021-2024 годы утвержден Указом № 478 (ред. 2023). По состоянию на 2025 год и последующие годы единый национальный план, согласно правовым разъяснениям, не утвержден, что повышает роль ведомственных и региональных планов и актуализирует задачу унификации показателей эффективности.

Международные обязательства РФ в сфере противодействия коррупции определяются, в частности, Конвенцией ООН против коррупции 2003 года, ратифицированной Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ. Международное сотрудничество важно для розыска активов и взаимной правовой помощи, но его практическая реализация зависит от договорной базы и текущих

межгосударственных механизмов.

3. Субъекты системы и распределение функций

Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов и координирует деятельность правоохранительных органов; Следственный комитет расследует значительную часть коррупционных преступлений; органы внутренних дел и ФСБ выявляют и пресекают коррупционные деяния, проводят оперативно-розыскные мероприятия и обеспечивают документирование. Росфинмониторинг и органы финансового контроля способствуют выявлению подозрительных финансовых операций и активов.

Субъект Прокуратура РФ	Ключевые правоохранительные функции надзор за исполнением законов; координация; представительство интересов государства, в т.ч. в исках об обращении имущества в доход государства
Следственный комитет РФ	предварительное следствие по коррупционным преступлениям; процессуальное руководство следственными действиями; взаимодействие с оперативными подразделениями
Органы внутренних дел	выявление и пресечение; оперативная разработка; дознание/следствие по отдельным составам; административная практика
ФСБ России	оперативно-розыскное обеспечение, включая выявление коррупции в сферах, затрагивающих безопасность; противодействие организованным коррупционным связям
Росфинмониторинг	финансовая разведка: анализ подозрительных операций; информационная поддержка финансовых расследований и поиска активов

Указанная структура предполагает сочетание «жестких» мер уголовного преследования и «мягких» профилактических процедур. Эффективность достигается при условии регулярного обмена сведениями, совместного планирования и единых методических подходов.

4. Основные группы правоохранительных мер

4.1. Уголовно-правовые и имущественные меры

К уголовно-правовым мерам относятся возбуждение дел, расследование и судебное рассмотрение, назначение наказаний (штраф, лишение свободы, лишение права занимать должности и др.). Существенный превентивный эффект обеспечивают имущественные последствия: арест имущества, конфискация и обращение активов в доход государства при отсутствии подтвержденного законного происхождения (по материалам прокурорских проверок).

4.2. Административно-правовые меры

Административные меры применяются к коррупционным правонарушениям и к организациям, вовлеченным в коррупционные практики. Ответственность по ст. 19.28 КоАП РФ стимулирует внедрение комплаенс-процедур и внутреннего контроля, особенно в сферах закупок, выдачи разрешений и контроля/надзора.

4.3. Оперативно-розыскные и криминалистические меры

ОРД обеспечивает выявление латентной коррупции: сбор оперативной информации, документирование фактов передачи незаконного вознаграждения, установление аффилированности, анализ финансовых потоков. Криминалистическое обеспечение включает работу с цифровыми следами, экспертизами и тактикой следственных действий, что критично для допустимости доказательств.

4.4. Организационные меры на госслужбе

Организационные меры направлены на предотвращение коррупции до стадии преступления: урегулирование конфликта интересов, контроль ограничений и запретов, служебные проверки и дисциплинарные взыскания, работа комиссий по служебному поведению.

5. Проблемы правоприменения

Практика характеризуется высокой латентностью: значительная часть эпизодов выявляется при наличии оперативной информации или обращений. Сложные финансовые схемы, использование посредников и цифровых инструментов требуют специализированной подготовки и финансовой аналитики. По данным МВД (публикации по итогам отчетов ГИАЦ), в 2025 году фиксировался рост выявленных коррупционных преступлений по сравнению с 2024 годом; судебная статистика по делам коррупционной направленности ведется Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Завершение действия Национального плана 2021-2024 годов создает риск несогласованности ведомственных программ: различаются показатели, сроки и формы отчетности, что снижает сопоставимость результатов. Кроме того, существенные доказательственные риски возникают при нарушении процедур фиксации предмета взятки и контрольных мероприятий, что может приводить к признанию доказательств недопустимыми.

6. Направления совершенствования

Представляется целесообразным реализовать следующие меры:

- внедрять риск-ориентированную аналитику (профили рисков должностей, индикаторы аномалий в закупках и расходах);
- закрепить единые стандарты межведомственного обмена данными и цифрового документирования (форматы, сроки, основания доступа, аудит обращений);
- усилить имущественные последствия коррупции через развитие финансовых расследований и механизмов обеспечения исков/возмещения ущерба;
- повысить защищенность информаторов и свидетелей (конфиденциальные каналы, гарантии от служебного преследования).
- поддерживать международное взаимодействие по розыску активов в рамках действующих договоров и механизмов взаимной правовой помощи, ориентируясь на стандарты UNCAC.

7. Заключение

Система правоохранительных мер по противодействию коррупции в РФ комплексна и опирается на взаимодействие надзорных, следственных и оперативных органов. Ключевые вызовы связаны с латентностью и доказательственными сложностями, а также с необходимостью координации при отсутствии единого национального плана после 2024 года. Сочетание репрессивных и профилактических мер, развитие аналитики и неизбежность имущественных последствий способны повысить результативность противодействия коррупции.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025).
2. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы».
3. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции» (ред. от 25.01.2024).
4. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» (ред. от 26.06.2023).
5. Указ Президента РФ от 06.10.2025 № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции».
6. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции».
7. Приказ Минюста России от 27.12.2024 № 407 «О плане мероприятий по противодействию коррупции на 2025-2027 годы Министерства юстиции Российской Федерации».
8. Приказ Министра обороны РФ от 03.04.2025 № 214 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2025-2028 годы».
9. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности. URL: <https://cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 21.02.2026).
10. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Показатели преступности России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/> (дата обращения: 21.02.2026).
11. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

12. Требования к оформлению рукописей. НВИ войск национальной гвардии РФ (официальный сайт). URL: <https://nvi.rosguard.gov.ru/page/index/trebovaniya-k-oformleniyu-rukopisej-1> (дата обращения: 21.02.2026).

13. Методические материалы по оформлению списка литературы по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (примеры: СПбГИК, КГМУ).

Галдин Савелий Тамерланович
Galdin Saveliy Tamerlanovich

Московский гуманитарный университет, город Москва

УДК 342

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ДОГОВОРНЫЕ СТАНДАРТЫ, МОНИТОРИНГ И ВОЗВРАТ АКТИВОВ

INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION MECHANISMS: TREATY STANDARDS, MONITORING, AND ASSET RECOVERY

Аннотация. Рассматриваются основные международные механизмы противодействия коррупции: универсальная Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (UNCAC) и ее механизм обзора осуществления, Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц 1997 г., конвенции Совета Европы и мониторинг GRECO, а также стандарты ФАТФ в части противодействия отмыванию доходов коррупционного происхождения и раскрытия бенефициарного владения. Показано, что наибольшую практическую отдачу дают системы взаимной оценки (peer review), сочетающие экспертные рекомендации с репутационным и экономическим воздействием, а также наличие процедур международной правовой помощи и инструментов конфискации и возврата активов.

Abstract. This article examines the main international anti-corruption mechanisms: the 2003 United Nations Convention against Corruption (UNCAC) and its implementation review mechanism, the 1997 OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials, Council of Europe conventions and GRECO monitoring, as well as FATF standards on combating money laundering and the disclosure of beneficial ownership. It is shown that peer review systems, which combine expert advice with reputational and economic impact, as well as the availability of international legal assistance procedures and asset confiscation and recovery instruments, offer the greatest practical benefits.

Ключевые слова: коррупция, UNCAC, GRECO, ОЭСР, ФАТФ, международная правовая помощь, конфискация, возврат активов, бенефициарное владение.

Keywords: corruption, UNCAC, GRECO, OECD, FATF, international legal assistance, confiscation, asset recovery, beneficial ownership.

Введение

Трансграничный характер коррупции проявляется в перемещении платежей и активов через несколько юрисдикций, использовании посредников и корпоративных структур, а также в вовлечении международных рынков. Это делает международные стандарты и кооперацию необходимым элементом национальной антикоррупционной политики. Цель статьи - систематизировать ключевые договорные и институциональные механизмы и выявить факторы их эффективности. Методология включает формально-юридический метод и сравнительно-правовой анализ договорных режимов и процедур мониторинга.

1. Универсальные договорные стандарты: Конвенция ООН против коррупции

UNCAC принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. и вступила в силу 14 декабря 2005 г. Конвенция закрепляет комплекс мер: предупреждение коррупции (политики и институты честности, управление конфликтом интересов, участие общества), криминализацию основных деяний, международное сотрудничество и возврат активов. Юридическая конструкция UNCAC сочетает обязательные требования и положения рамочного характера, позволяющие учитывать конституционные принципы государств при имплементации.

Отличительной особенностью UNCAC является детальная регламентация международного сотрудничества. Конвенция предусматривает взаимную правовую помощь, экстрадицию, совместные расследования и специальные методы расследования. Это важно, поскольку доказательства коррупционных преступлений и сведения о финансовых потоках часто находятся в разных государствах, а эффективное расследование требует своевременного выполнения запросов, обеспечения сохранности электронных данных и финансовых документов.

Глава о возврате активов закрепляет принципиальную установку на репатриацию доходов,

полученных в результате коррупции, в государство происхождения. На практике данный механизм опирается на национальные режимы ареста и конфискации, а также на признание и исполнение решений. В качестве правового тренда выделяются расширенная конфискация и гражданско-правовые модели изъятия при невозможности уголовного преследования, что особенно актуально при сокрытии активов через сложные цепочки владения и номинальных держателей.

Для сопровождения исполнения создан Механизм обзора осуществления (IRM) - процедура взаимной оценки, включающая самооценку и экспертный обзор двумя государствами-обозревателями при координации UNODC. IRM ориентирован на выявление пробелов, формирование запросов на техническую помощь и распространение лучших практик.

2. Региональные механизмы Совета Европы и мониторинг GRECO

Региональный уровень представлен Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS 173, 1999 г.) и Конвенцией о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS 174, 1999 г.). Первая гармонизирует уголовно-правовые составы (в т.ч. подкуп в публичной и частной сферах), вторая - закрепляет частноправовые средства защиты лиц, понесших ущерб от коррупции, включая возможность требовать возмещения вреда и признания сделок недействительными при наличии коррупционного элемента.

Ключевым элементом является GRECO - механизм взаимной оценки и «peer pressure». Он проводит тематические раунды оценивания, а затем - процедуры контроля выполнения рекомендаций. Публичность докладов и сопоставимость результатов формируют репутационные стимулы и поддерживают сближение стандартов добросовестности, в том числе по вопросам предотвращения конфликта интересов, прозрачности финансирования политики и этики публичной службы.

3. Механизмы ОЭСР и финансовая прозрачность: роль стандартов ФАТФ

Конвенция ОЭСР 1997 г. направлена на пресечение подкупа иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках и сопровождается многоэтапным мониторингом Рабочей группы по борьбе с подкупом. Оценивание ориентировано на правоприменение: наличие расследований, привлечение к ответственности и адекватность санкций, включая ответственность юридических лиц. Тем самым формируется стандарт «эффективной реализации», а не только формального соответствия.

ФАТФ формирует глобальные стандарты AML/CFT, значимые для противодействия «отмыванию» доходов от коррупции. Особое значение имеют требования к прозрачности бенефициарного владения и доступности соответствующей информации для компетентных органов, что снижает возможности сокрытия коррупционных активов через компании-оболочки и сложные структуры.

Существенную роль играет развитие международного обмена финансовой информацией: риск-ориентированный подход, обязанности по выявлению подозрительных операций, а также взаимодействие подразделений финансовой разведки. В результате антикоррупционные и AML/CFT режимы все чаще рассматриваются как взаимосвязанные, а арест и конфискация активов - как ключевой показатель эффективности системы.

4. Критерии эффективности и основные проблемы имплементации

Эффективность международных механизмов определяется: (1) ясностью обязательств; (2) качеством и регулярностью взаимной оценки; (3) возможностью преобразовать рекомендации в национальные решения; (4) реальными результатами (расследования, конфискации, возмещение ущерба). При этом универсальные режимы чаще зависят от политической воли, а специализированные (ОЭСР, ФАТФ) обладают более выраженным репутационным и экономическим воздействием.

К типичным проблемам относятся различия в национальных моделях конфискации и стандартах доказывания, процессуальные задержки при правовой помощи, а также дефицит межведомственной координации. Отдельным вызовом становится обеспечение защиты лиц, сообщающих о коррупции (whistleblowers), и формирование каналов безопасного информирования, что относится к превентивным стандартам и влияет на выявляемость деяний.

Перспективным направлением является развитие цифровых решений для антикоррупционных процедур: электронные реестры деклараций и закупок, межведомственные платформы обмена данными, а также инструменты анализа рисков. Однако цифровизация должна сопровождаться гарантиями защиты персональных данных и процессуальными стандартами допустимости цифровых доказательств.

Заключение

Международные механизмы противодействия коррупции формируют взаимодополняющую архитектуру: UNCAC задает универсальный минимум и инструменты сотрудничества, Совет Европы развивает региональные стандарты и мониторинг GRECO, ОЭСР обеспечивает правоприменительный фокус в сфере трансграничного подкупа, а ФАТФ укрепляет финансовую прозрачность. Сочетание договорных норм и процедур взаимной оценки является ключевым фактором повышения эффективности борьбы с коррупцией, а практическая результативность зависит от способности государств обеспечивать расследование, конфискацию и возврат активов.

Библиографический список:

1. Организация Объединенных Наций. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята 31.10.2003; вступила в силу 14.12.2005): официальный текст.
2. UNODC. Implementation Review Mechanism (IRM) of the United Nations Convention against Corruption: описание механизма обзора осуществления.
3. UNODC. Mechanism for the Review of Implementation of the United Nations Convention against Corruption: Basic Documents. Vienna: UNODC.
4. UNODC. Next phase of the Implementation Review Mechanism: структура циклов обзора. Официальные материалы UNODC.
5. Council of Europe. Criminal Law Convention on Corruption (ETS No. 173), 27.01.1999. Strasbourg: Council of Europe.
6. Council of Europe. Civil Law Convention on Corruption (ETS No. 174), 04.11.1999. Strasbourg: Council of Europe.
7. Council of Europe. GRECO - Group of States against Corruption: About GRECO (официальные материалы).
8. Council of Europe. How does GRECO work? (официальные материалы о процедурах взаимной оценки).
9. OECD. Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions, 21.11.1997. Paris: OECD.
10. OECD. Monitoring of the Anti-Bribery Convention: resources on phases of evaluation. Paris: OECD.
11. FATF. Beneficial Ownership: standards and materials on transparency of beneficial ownership. Paris: FATF.
12. FATF. Guidance on Transparency and Beneficial Ownership. October 2014. Paris: FATF.
13. FATF. Laundering the Proceeds of Corruption (typologies report): материалы о связи коррупции и отмывания доходов. Paris: FATF.

Габдуллина Ирина Фаритовна
Gabdullina Irina Faritovna

студентка 1 курса

кафедра уголовно-правовых дисциплин Челябинского государственного университета

Дробот Сергей Александрович
Drobot Sergey Aleksandrovich

научный руководитель, доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук

УДК 343.72

**О НАУЧНОЙ МЕТОДИКЕ, РЕАЛИЗУЕМОЙ В ХОДЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА, ИСПОЛЬЗУЮЩЕГО ЭЛЕКТРОННЫЕ
СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА**

**ON THE SCIENTIFIC METHODOLOGY IMPLEMENTED IN CRIMINOLOGICAL RESEARCH
OF A FRAUDSTER USING ELECTRONIC PAYMENT MEANS**

Аннотация. Цифровые платежи упростили оборот денег, но вместе с этим резко расширили и возможности для корыстных посягательств, поэтому криминологу все чаще приходится изучать преступность там, где следы намеренно размыты и данные неполны. Статья посвящена анализу научной методике, реализуемой в ходе криминологических исследований личности мошенника, использующего электронные средства платежа.

Abstract. Digital payments have simplified the circulation of money, but they have also dramatically expanded the opportunities for self-serving crime. Therefore, criminologists are increasingly forced to study crime where traces are deliberately blurred and data is incomplete. This article analyzes the scientific methodology used in criminological studies of the identity of fraudsters using electronic payment systems.

Ключевые слова: личность мошенника, электронные платежи и мошенничество.

Keywords: fraudster identity, electronic payments, and fraud.

Признание криминологии зрелой отраслью знания неизбежно приводит к вопросу, есть ли у криминологического исследования собственные особенности, или оно полностью растворяется в методах социологии, психологии и иных дисциплин. Скепсис обычно строится на том, что криминолог действительно заимствует инструменты соседних наук. Однако сама природа преступления задает исследователю такие условия, которых нет в «обычных» социальных исследованиях. Преступление противоправно и потому скрывается, а его латентность превращает сбор данных в работу, близкую к расследованию: источник информации часто сопротивляется, искажается, исчезает или появляется с опозданием. Отсюда возникает характерная для криминологии комбинация исследовательских приемов, где наблюдение, включенное присутствие, анализ документов и статистики, сопоставление версий и проверка гипотез становятся не просто набором методов, а логикой работы. Зарубежные исследования организованной преступности и преступности так называемых белых воротничков хорошо показывают, что криминологу нередко приходится изучать социальные практики через «закрытые» среды, где прямой доступ к фактам ограничен, а сведения добываются косвенно.

Смысл криминологического исследования не сводится к описанию событий. Оно ориентировано на выяснение причин преступности и на понимание того, как общество удерживает поведение в допустимых пределах. Формальные механизмы контроля, включая деятельность правоохранительных органов, важны, но в реальности они не способны отслеживать повседневные решения людей с той же плотностью, что ближайшее окружение, семья, коллеги, соседи, образовательная среда. Поэтому криминологическая перспектива почти всегда подводит к мысли о поддержке неформальных механизмов контроля и о профилактике как о ключевом направлении, особенно там, где преступность быстро приспосабливается к технологиям и уходит в латентность.

Отдельной особенностью криминологического исследования выступает формирование методике как «собранной конструкции», где разнородные способы получения и проверки сведений объединяются под конкретную цель. Криминология действительно использует инструменты

юриспруденции, психологии, экономики, социологии, демографии и статистики, но решающим становится не происхождение метода, а его настройка под объект, который скрывается и нарушает норму. Отсюда вытекает постоянная потребность в верификации: выводы должны подтверждаться не одним источником, а взаимным контролем разных массивов данных, чтобы уменьшить риск ошибки из-за неполноты учета и искажений.

Разработка методики разумно начинать с проверки ее работоспособности. Пилотаж помогает заранее увидеть слабые места: какие вопросы анкеты дают формальные ответы, какие показатели статистики не сопоставимы между собой, где границы выборки определены слишком широко или наоборот сужены. Такая «репетиция» позволяет уточнить состав методов, параметры анализа и правила интерпретации, а затем выстроить исследовательский процесс по этапам, чтобы на каждом шаге была возможность промежуточной проверки и корректировки. Этапность в криминологии особенно важна: если на ранней стадии допустить ошибку в отборе случаев или в операционализации признаков, то последующие расчеты и обобщения будут выглядеть убедительно, но окажутся методически пустыми.

Подготовительная стадия обычно включает уточнение проблемы, объекта и предмета, обзор научных работ, изучение типичных ситуаций из следственной и судебной практики, а также анализ официальной и неофициальной статистики. Затем формируется программа исследования как научный каркас будущей работы: гипотеза, структура, описание предполагаемых связей и детерминации, план и сроки, критерии для вывода теоретически и практически значимых результатов. В условиях латентной преступности сплошное исследование почти недостижимо, поэтому выборка становится не компромиссом, а объективной необходимостью. Это особенно заметно при опросах различных групп, включая граждан, сотрудников правоохранительных органов, осужденных и потерпевших, когда часть фактов никогда не попадет в официальные учеты.

Наиболее наглядно эти особенности проявляются при анализе мошенничества с использованием электронных средств платежа. Уголовно правовое закрепление ответственности за такое деяние в российском законодательстве произошло в 2012 году, но рост безналичных операций и технологическая доступность платежных инструментов быстро сформировали новую криминальную нишу. Для этой категории характерны высокая латентность неправомερных транзакций и относительно низкие показатели раскрываемости, что делает криминологическую работу особенно зависимой от качества эмпирической базы и от правильного сочетания методов. Здесь статистика фиксирует только «видимую часть», а судебные акты отражают уже заверщенный отбор случаев, прошедших стадию выявления, доказывания и квалификации. Именно поэтому исследование личности такого мошенника требует не одного источника, а сопоставления официальных учетных данных с анализом приговоров и с изучением материалов практики по разным территориям, чтобы увидеть устойчивые признаки и не спутать их с локальными особенностями [3].

Количественные методы дают возможность работать с динамикой и структурой зарегистрированных фактов, сопоставлять показатели по годам, регионам, социальным группам, выявлять статистические закономерности и типичные сочетания признаков. В исследованиях по преступлениям, связанным с электронными средствами платежа, количественный подход логично дополняется качественным анализом судебных решений: текст приговора позволяет увидеть способ доступа к платежному инструменту, модель поведения после завладения, характеристику личности, отношение к содеянному, сведения о возмещении ущерба, наличие судимости, а также оценку обстоятельств дела судом. На этой основе возможно формирование криминологического портрета, который опирается не на представления и стереотипы, а на данные правоприменения. Сюда же добавляется важный для криминологии слой виктимологической информации: анонимные опросы и самоотчеты помогают фиксировать эпизоды, которые не доходят до полиции, и уточнять механизмы виктимизации, в том числе повседневные ошибки в обращении с картами и платежными сервисами.

При изучении личности преступника в данной сфере оправдан подход через подструктуры личности: социально демографическую, социально ролевую и нравственно психологическую. Такой ход позволяет не смешивать разнопорядковые признаки и яснее показывать, какие характеристики действительно связаны с механизмом преступного поведения, а какие лишь сопровождают его [4].

Социально демографический анализ обычно начинают с пола и возраста. В массиве приговоров и статистических сведений по мошенничеству с использованием электронных средств платежа преобладают мужчины, а наиболее заметная группа по возрасту относится к промежутку 30—49 лет. Это важно не само по себе, а как указание на жизненный опыт, устойчивость потребностей и

сформированность привычных моделей поведения: в этих рамках преступная активность чаще оказывается не случайным эпизодом, а звеном в более длинной траектории. Уровень образования в этой категории нередко описывается как преимущественно средний, чаще фиксируются среднее профессиональное и среднее общее образование, а доля лиц с высшим образованием заметно меньше. Эти данные не дают оснований считать образование «причиной» преступности, но помогают уточнять социальный профиль и контекст, в котором формируются ценностные ориентиры и практики обращения с деньгами.

Социально ролевая подструктура показывает, какое положение занимает человек в системе социальных отношений, какова его занятость и источники дохода, какие роли он реализует в семье, трудовой среде и на территории проживания. По делам о статье 159.3 УК РФ часто встречается сочетание трудоспособности с отсутствием стабильного законного дохода, а также занятость на рабочих должностях. Экономический фон здесь выступает понятным объяснителем: дефицит ресурсов усиливает вероятность выбора корыстного способа получения выгоды, хотя сам по себе не «предопределяет» преступление. Важное наблюдение дает и практика: характеристики по месту жительства, работы и учебы нередко оцениваются судами как положительные или удовлетворительные, многие осужденные признают вину и предпринимают шаги к возмещению ущерба. Такая картина хорошо показывает, что речь не всегда идет о демонстративно асоциальных фигурах, и именно поэтому профилактика должна учитывать «обычность» части субъектов, а не сводить их к образу профессионального киберпреступника [3].

Особое место занимает повторность преступного поведения. В материалах по этой категории нередко фиксируются неснятые и непогашенные судимости, а также рецидив, что меняет оценку глубины криминализации и поднимает вопрос об эффективности исправительного воздействия наказания. Для криминологического анализа это принципиально: один и тот же состав преступления может совершаться как ситуативно, так и в рамках устойчивой корыстной мотивации, а профилактические меры для этих групп должны различаться.

Нравственно психологическая подструктура позволяет перейти от «портрета» к механизму: какие ценности, установки и мотивы лежат за решением совершить преступление, как человек оправдывает свои действия, насколько он готов отказаться от нормы ради выгоды. В судебных актах по мошенничеству с использованием электронных средств платежа мотив корысти просматривается устойчиво, что соответствует природе хищения как посягательства на имущество. В качестве типичного «пускового» обстоятельства нередко указывается тяжелое материальное положение, но криминологически важнее другое: многие эпизоды объясняются разрывом между желаемым уровнем потребления и реальными возможностями, а затем этот разрыв переводится в решение получить деньги или оплатить покупки незаконным способом. Такой механизм хорошо совместим с выводом о фрустрации потребностей, когда моральные ограничения оказываются слабее стремления быстро компенсировать дефицит.

Для оценки степени криминализации полезно учитывать способ доступа к электронному средству платежа. Присвоение найденной карты и оплата покупок без попыток сложной маскировки чаще выглядит как ситуативный вариант, основанный на внезапной возможности. Хищение карты или ее целенаправленное использование после завладения уже предполагает более выраженную криминальную установку. Наиболее «жесткий» сценарий связан с подделкой платежных инструментов и ситуациями, где возникает совокупность с деянием, предусмотренным статьей 187 УК РФ, поскольку здесь видна подготовка, понимание рисков и готовность расширять противоправный арсенал. Отдельно практика фиксирует эпизоды совершения таких преступлений в состоянии алкогольного опьянения, что важно рассматривать не как универсальное объяснение, а как фактор, снижающий самоконтроль и облегчающий переход к решению нарушить норму, особенно в ситуативных сценариях [5].

Сравнение получаемого криминологического портрета с «классическим» общеуголовным мошенником и с киберпреступником дает дополнительный результат. Традиционный образ мошенника в доктрине нередко связывают с развитой коммуникацией, расчетливостью и определенным жизненным опытом, а образ киберпреступника чаще ассоциируют с молодым возрастом и специальными навыками. Для мошенничества по статье 159.3 УК РФ характерна иная логика: значительная часть эпизодов не требует сложной технической подготовки, а уязвимости оборота безналичных платежей и организационные пробелы в процедурах приема оплаты создают условия, при которых преступный результат достигается минимальными средствами. Именно это

объясняет, почему профилактика в данной сфере не может ограничиваться поиском «технически продвинутых» злоумышленников. Она должна опираться и на снижение виктимности, и на повышение грамотности пользователей, и на более точное организационно техническое регулирование правил безналичных операций, включая те участки, где контроль со стороны торговых организаций и сервисов фактически ослаблен.

В итоге криминологическое исследование личности мошенника, использующего электронные средства платежа, демонстрирует основные особенности криминологического инструментария: работа с латентностью и неполными данными, опора на сочетание статистики и судебной практики, этапность и проверяемость выводов, а также необходимость различать ситуативные и устойчивые модели криминализации, чтобы профилактика не сводилась к общим декларациям. Практическая ценность такой переработанной методики состоит в том, что она позволяет точнее нацеливать меры предупреждения, разделяя акценты между работой с потенциальными преступниками, снижением виктимного поведения и устранением процедурных «окон» в обороте безналичных платежей.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161–ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» // Российская газета. – 2011. – № 139.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115–ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. – 2001. – № 151–152.
3. Талан М. В., Шавалеев Б. Э. Криминологический анализ личности мошенника в сфере неправомерного использования электронных средств платежа // Вестник Санкт Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 108–122.
4. Евтуховская О. А. Криминологическая характеристика личности мошенника и виктимность в контексте всеобщей цифровизации // Защита жертв преступлений в современном обществе (PCVMS 2024): материалы VII Международной научно–практической интернет–конференции (Челябинск, 21–22 февраля 2024 г.). – Челябинск: Эскуэла, 2024. – С. 56–63.
5. Парыгина Д. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблема отграничения от кражи // Молодой ученый. – 2024. – № 41 (540). – С. 198–200.

Горгуль Елена Алексеевна
Gorgul Elena Alekseevna

студент ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», институт права

УДК 347.9

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

DIFFERENTIATING NEW FACTS AND NEW EVIDENCE: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических проблем разграничения вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств в контексте пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена устойчивыми трудностями правоприменения, связанными с неправильной квалификацией представляемых заявителями материалов в качестве оснований для пересмотра судебных постановлений. В работе проводится анализ положений процессуального законодательства, прежде всего норм главы 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции. Особое внимание уделяется временной характеристике обстоятельств, критерию их существенности и допустимости, а также пределам судебного усмотрения при оценке доводов заявителя.

Автор обосновывает, что новые доказательства не могут рассматриваться как вновь открывшиеся обстоятельства при отсутствии фактов, существовавших на момент рассмотрения дела и объективно неизвестных суду и сторонам. Делается вывод о необходимости формирования более чётких методических ориентиров для единообразного применения норм о пересмотре судебных актов, направленных на обеспечение баланса между принципом правовой определённости и задачами восстановления нарушенных прав.

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical and practical problems of distinguishing between newly discovered circumstances and new evidence in the context of the review of court decisions in the civil and arbitration proceedings of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the persistent difficulties in law enforcement related to the incorrect classification of materials submitted by applicants as grounds for the review of court decisions. The article analyzes the provisions of procedural legislation, primarily the norms of Chapter 42 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and general jurisdiction courts. Special attention is paid to the temporal characteristics of the circumstances, the criterion of their significance and admissibility, as well as the limits of judicial discretion in assessing the applicant's arguments.

The author substantiates that new evidence cannot be considered as newly discovered circumstances in the absence of facts that existed at the time of the case and were objectively unknown to the court and the parties. The author concludes that it is necessary to establish clearer methodological guidelines for the uniform application of rules on the review of court decisions in order to ensure a balance between the principle of legal certainty and the goal of restoring violated rights.

Ключевые слова: вновь открывшиеся обстоятельства, новые доказательства, пересмотр судебных актов, гражданский процесс, правовая определённость, судебная практика, пределы пересмотра, процессуальные гарантии.

Keywords: newly discovered circumstances, new evidence, review of court decisions, civil procedure, legal certainty, judicial practice, limits of review, procedural guarantees.

Институт пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам признан в процессуальном праве Российской Федерации одним из исключительных способов исправления судебной ошибки. В современной науке существует устойчивое понимание, что пересмотр может осуществляться либо по вновь открывшимся обстоятельствам, либо по новым обстоятельствам, включая новые доказательства. Реализация этих способов пересмотра регламентирована главой 42 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] и главой 37 Арбитражного процессуального кодекса РФ [2]. Однако в научной и правоприменительной практике появляется множество споров, связанных

с разграничением понятий «вновь открывшиеся обстоятельства» и «новые доказательства», что вызывает практические сложности при оценке процессуальных оснований пересмотра судебных актов.

Ключевым становится вопрос разграничения понятий, поскольку от корректного определения их границ зависит возможность стороны инициировать пересмотр вынесенного судебного решения. Следует ли довольствоваться указанием на обнаружение новых доказательств, или же необходимо доказать, что данные доказательства подпадают под категорию вновь открывшихся обстоятельств, как это предусмотрено статьей 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации? Данная статья посвящена исследованию сущности и практического применения данного разграничения, а также поиску путей устранения возникших сложностей.

Российское процессуальное законодательство оперирует двумя категориями: вновь открывшиеся обстоятельства и новые обстоятельства. В соответствии со статьей 392 ГПК РФ, вновь открывшиеся обстоятельства представляют собой факты, имевшие место на момент принятия судебного постановления, однако остававшиеся неизвестными как для участников процесса, так и для суда. При этом, их изначальное знание могло бы существенно повлиять на исход судебного разбирательства.

В научной литературе подчёркивается, что ключевым критерием разграничения вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств является временная характеристика факта, а не способ его подтверждения [4,25]. При этом новые доказательства не образуют самостоятельного основания пересмотра, если они лишь подтверждают факты, которые сторона могла представить ранее при надлежащем исполнении своих процессуальных обязанностей.

«Новые обстоятельства» появляются после вынесения судебного решения и могут значительно повлиять на исход дела, представляя собой самостоятельное основание для его пересмотра.

Методологическая трудность в различении рассматриваемых понятий заключается в том, что на практике доказательства часто рассматриваются как самостоятельные правовые факты. Однако в теории процессуального права доказательство является лишь инструментом для установления факта, входящего в предмет доказывания. Таким образом, обнаружение нового доказательства не равнозначно выявлению нового или вновь открывшегося обстоятельства. Недостаточное разграничение этих категорий ведет к расширительному толкованию оснований для пересмотра дел, что, в свою очередь, подрывает стабильность судебных решений.

Сравнительное исследование норм гражданского и арбитражного судопроизводства показывает, что, несмотря на определённую схожесть процессуальных механизмов, применение критериев для пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам отличается в различных видах судопроизводства. В арбитражном процессе более ярко проявляется принцип диспозитивности и более высокие требования к профессиональной осмотрительности субъектов предпринимательской деятельности. Эти факторы оказывают существенное влияние на то, как суд оценивает аргументы, касающиеся невозможности своевременного предоставления доказательств. В коммерческих спорах суды, как правило, исходят из предположения более высокой степени информированности и процессуальной инициативы сторон, что ограничивает возможность признания обстоятельств вновь открывшимися. Следовательно, разграничение новых доказательств и вновь открывшихся обстоятельств приобретает дополнительный аспект, определяемый статусом участника процесса и природой экономических правоотношений.

Значительная часть современной литературы подчёркивает, что законодатель использует своё определение именно в части времени возникновения обстоятельства, поскольку оно служит главным критерием разграничения двух категорий. В частности, авторы отмечают, что момент возникновения обстоятельства — это определяющая характеристика, а не его юридическое содержание. [3,64]

Однако правоприменительная практика демонстрирует, что в ряде случаев суды неправильно идентифицируют «новые доказательства» как вновь открывшиеся обстоятельства, что ведёт к необоснованным попыткам пересмотра судебных постановлений.

Право на пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам не распространяется автоматически на любые новые документы или свидетельства, полученные после вынесения решения. Согласно практике Верховного суда РФ, новые доказательства сами по себе не являются основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, если они не подтверждают наличие фактов, существовавших на момент первоначального разбирательства и неизвестных в то время истцу. [5,72]

Практика подтверждает, что критерий своего происхождения (время возникновения) является ключевым отличием между двумя категориями. Судьи обязаны учитывать не только факт появления новых сведений, но и то, существовали ли они до вступления судебного акта в силу, а также были ли они доступны для исследования на первоначальном этапе.

Практика судов общей юрисдикции показывает, что ошибки в квалификации приводят к необоснованному отказу в пересмотре или наоборот — к незаконному удовлетворению заявления. [7]

Основная цель пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам — исправление фактических судебных ошибок, возникших из-за неполноты установленных фактов, а не возмещение последствий бездействия одной из сторон процесса. Исходя из этого, важно разработать более точные критерии для оценки добросовестности заявителя, в том числе путем рассмотрения реальности получения требуемой информации на этапе первоначального рассмотрения дела. Такой метод способствовал бы урегулированию конфликта между необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота и задачей восстановления ущемленных прав.

Следует также принимать во внимание опасность недобросовестного использования права на пересмотр судебных решений. Зачастую новое доказательство представляется как вновь открывшееся с целью фактически начать новое рассмотрение дела при отсутствии законных оснований для пересмотра в кассационном или надзорном порядке. Такая практика противоречит принципу процессуальной экономии и цели финального разрешения спора. В связи с этим, критически важной становится оценка добросовестности поведения стороны, включая анализ причин, по которым соответствующие материалы не были представлены ранее. Создание единых стандартов для выявления злоупотреблений укрепило бы надежность судебных решений, сохранив при этом гарантии действенной судебной защиты.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что проблема разграничения вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств не ограничивается российской процессуальной традицией. В германском гражданском процессе институт пересмотра вступивших в законную силу решений реализуется посредством *Wiederaufnahme des Verfahrens*, урегулированного §§ 578–591 Гражданского процессуального уложения Германии [8, 24]. В немецкой модели основания для пересмотра строго формализованы и включают, в частности, обнаружение подложности доказательств или уголовных действий, повлиявших на исход дела (§ 580 ZPO). При этом как отмечают немецкие исследователи, простое появление новых доказательств не образует самостоятельного основания к пересмотру, если не установлено, что эти сведения представляют собой юридически значимые факты, существовавшие на момент первоначального разбирательства и объективно неизвестные сторонам. [10, 217]

Аналогичный подход можно наблюдать и во французском гражданском процессе. Процедура *révision* закреплена в статьях 593–603 Гражданского процессуального кодекса Франции [9,16] и применяется, например, при выявлении документа, который был скрыт другой стороной или обнаружен после вынесения решения³. Как подчёркивают французские авторы, *révision* направлена на устранение судебной ошибки, но не предусматривает автоматического пересмотра дел в связи с новыми доказательствами, которые могли быть предоставлены ранее при проявлении должной осмотрительности [11,102].

Зарубежная практика, в частности германская и французская правовые системы, подтверждает исключительность процедуры пересмотра судебных решений. Эти системы строго разграничивают категории «новых доказательств» и «вновь открывшихся обстоятельств». Данный подход, основанный на этих правовых системах, является обоснованием для аналогичного принципа в российской правовой доктрине. Нормативное регулирование пересмотра в Германии и Франции направлено на обеспечение устойчивости судебных актов, однако допускает исправление значимых ошибок, что созвучно целям российского процессуального законодательства.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить основную сложность в применении института пересмотра: отсутствие четкого алгоритма оценки новых доказательств в свете вновь открывшихся обстоятельств. В юридической науке данная проблема рассматривается как серьезное препятствие на пути к единообразию судебной практики.

Одним из возможных путей решения проблемы является развитие методических рекомендаций Верховного суда РФ [6] с указанием критериев оценки новых доказательств именно в контексте их потенциального преобразования в вновь открывшиеся обстоятельства. Это позволило бы устранить неоднозначности в практике и повысить правовую определённость процесса пересмотра.

Разграничение вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств является фундаментальным для института пересмотра судебных решений, как в теории, так и на практике. Законодатель придал особое значение временному аспекту появления фактов, и данное различие должно оставаться центральным при оценке оснований для пересмотра. Анализ практики Верховного суда свидетельствует о том, что новые доказательства не могут быть приравнены к вновь открывшимся обстоятельствам, если они не раскрывают факты, уже существовавшие, но не ставшие известными на момент принятия судебного акта.

С целью улучшения качества правоприменительной деятельности требуется дальнейшее совершенствование методологии и разъяснений, касающихся оценки доказательственной базы в рамках пересмотра дел. Это, в свою очередь, обеспечит более эффективную реализацию правовой защиты посредством применения действующих процессуальных инструментов.

Библиографический список:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 46. ст. 4532
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 30. ст. 3012
3. Куликова А. Ю. К вопросу о новых обстоятельствах в гражданском процессе // *Juridical Analytical Journal*. — 2021. — Том. 16, №. 2. — С. 62–71.
4. Пушкина А. С. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и арбитражном процессе // *Juridical Analytical Journal*. — 2023. — Том. 18, №. 4. — С. 24–33.
5. Шарифулин А. А. К вопросу о недопустимых основаниях пересмотра судебных постановлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2024. С. 67-77
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. N 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // СПС КонсультантПлюс
7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа А68-4753/2024 от 04.12.2024. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310397970>, дата обращения 21.02.2026
8. *Zivilprozessordnung (ZPO) (ФРГ): текст на немецком языке с изменениями 2024 г.* / правовая база Германии. — Berlin: Bundesgesetzblatt, 2005. — §§ 578–591. — 68 с.
9. *Code de procédure civile (Франция): текст на французском языке с изменениями 2024 г.* / гражданский процесс ... — Paris: Légifrance, 2022. — Art. 593–603. — 34 с.
10. Müller T. Neue Beweismittel und Wiederaufnahme des Verfahrens im deutschen Zivilprozess // *Zeitschrift für das gesamte Zivilprozessrecht*. — 2023. — Vol. 12, № 3. — P. 215–230.
11. Lefebvre J. Révision et preuve nouvelle: perspectives comparatives en droit civil // *Revue internationale de droit comparé*. — 2022. — Vol. 74, № 1. — P. 89–107.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Довбенко Татьяна Евгеньевна

магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law and criminology

Dovbenko Tatyana Evgenievna

Master's student at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

УДК 343.851.5

**ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****PREVENTION OF VIOLENT JUVENILE CRIMES**

Аннотация. В статье исследуется система профилактики насильственных преступлений среди несовершеннолетних в Российской Федерации. Автор анализирует структурный состав субъектов профилактики, их компетенцию и направления взаимодействия. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с ростом агрессивных проявлений в подростковой среде и необходимостью совершенствования мер предупреждения насильственных посягательств.

Abstract. The article examines the system of prevention of violent crimes among minors in the Russian Federation. The author analyzes the structure of the prevention subjects, their competence, and areas of interaction. Special attention is paid to the current challenges related to the increase in aggressive behavior among teenagers and the need to improve measures to prevent violent attacks.

Ключевые слова: профилактика преступлений, несовершеннолетние, насильственные преступления, органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие, агрессивное поведение, институт наставничества.

Keywords: crime prevention, minors, violent crimes, internal affairs bodies, juvenile affairs units, interagency cooperation, aggressive behavior, mentoring institute.

Проблема предотвращения насильственных преступлений среди несовершеннолетних остается одной из наиболее острых в криминологической науке и правоприменительной практике. Подростковый возраст характеризуется психоэмоциональной неустойчивостью, несформированностью ценностных ориентиров и повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, что создает предпосылки для агрессивных форм девиантного поведения. Вызывает беспокойство тенденция к росту насильственных проявлений среди подростков, характеризующихся повышенной жестокостью. В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения эффективных механизмов их предупреждения.

Как отмечает В.Н. Карагодин, среди негативных качеств несовершеннолетних правонарушителей выделяются углубляющийся правовой нигилизм, преобладающий эгоцентризм при принятии решения о совершении противоправного деяния, а также искаженные представления о допустимости общественно опасного поведения [4, 328]. Д.В. Амахин подчеркивает, что вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность препятствует нормальному развитию подростков и формированию у них правосознания [1, 154].

Правовую основу профилактики насильственных преступлений несовершеннолетних составляют Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8], определяющий субъектный состав и компетенцию органов системы профилактики, а также положения Уголовного кодекса РФ, устанавливающие ответственность за преступления против жизни и здоровья.

В ст. 67.1 Конституции РФ подчеркивается, что дети являются важнейшим приоритетом российской государственной политики. Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 в стране объявлено Десятилетие детства, в рамках которого определена одна из важнейших целей – создание дружественного к ребенку правосудия [2].

Насильственные преступления несовершеннолетних представляют собой умышленные противоправные деяния, сопряженные с применением физической силы либо угрозой ее применения, причиняющие вред жизни, здоровью или телесной неприкосновенности личности. К криминологической характеристике таких деяний относятся: повышенная общественная опасность, групповой характер совершения, особая жестокость, немотивированность агрессии [2, 48].

И.А. Фомина, исследуя проблемы семейного воспитания, отмечает, что неблагоприятные условия способствуют возникновению и закреплению негативных свойств личности, ведущих к девиации и криминалу [12, 1498]. Статистика свидетельствует, что значительная часть несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, воспитывалась в неблагополучных семьях, где родители допускали жестокое обращение с детьми либо самоустранились от выполнения воспитательных обязанностей.

Особую категорию составляют преступления, совершаемые несовершеннолетними в состоянии фрустрации. Как отмечают исследователи, выявляемая жестокость, необъяснимая обстоятельствами злость и неадекватность совершения преступных деяний зачастую являются следствием фрустрации, что становится криминалистически значимым обстоятельством, требующим учета при организации профилактической работы [7, 153].

Анализ актуальных статистических данных свидетельствует о тревожной динамике насильственных проявлений в подростковой среде. По информации Следственного комитета РФ, в 2025 году несовершеннолетними совершено более 14 тысяч преступлений. При этом особую тревогу вызывает увеличение числа насильственных посягательств: зафиксировано около 1,5 тысячи преступлений против жизни и здоровья, что на 13% больше, чем в 2024 году [11].

На расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2026 года отмечалось, что почти половина (45%) правонарушений совершены подростками в группах, причем насильственные преступления нередко отличаются особой жестокостью и сопровождаются видеосъемкой для последующего распространения в сети Интернет [9].

Многие ученые фиксируют трансформацию подростковых группировок: объектами нападений становятся не только маргинальные личности, но и обычные прохожие, что свидетельствует о росте немотивированной агрессии.

По утверждению Председателя Следственного Комитета России А.И. Бастрыкина, «на протяжении многих лет уровень преступности несовершеннолетних снижался, но состояние криминализации подростковой среды по-прежнему остается тревожным». В производстве следователей Следственного Комитета в течение 2024 г. находилось 17,5 тыс. уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, при этом значительная часть из них относится к категории тяжких и особо тяжких насильственных деяний [2, 47].

Эффективность профилактики напрямую зависит от полноты выявления и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений. К числу основных детерминант относятся:

1. Семейное неблагополучие. И.А. Фомина отмечает, что неблагоприятные условия семейного воспитания способствуют возникновению и закреплению негативных свойств личности, ведущих к девиации и криминалу [12, 1499]. Жестокое обращение с детьми, наблюдение сцен насилия в семье формируют у подростка модель агрессивного поведения как допустимого способа решения конфликтов.

2. Психологические особенности подросткового возраста. Состояние фрустрации, необъяснимая обстоятельствами злость, стремление к самоутверждению через демонстрацию силы и жестокости являются значимыми криминогенными факторами, требующими учета при организации профилактической работы [7, 152].

3. Влияние деструктивного контента. Исследователи обращают внимание на то, что демонстрация агрессии в социальных сетях и мессенджерах становится для подростков способом самоутверждения. Видео с издевательствами и избиениями распространяются в закрытых чатах, формируя искаженные представления о допустимости насилия [5, 92].

4. Сокращение доступных форм досуга. Недостаток бесплатных кружков и секций, особенно в сельской местности и малых городах, приводит к безнадзорности и бесцельному времяпрепровождению, что создает условия для формирования агрессивных подростковых групп.

В соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ к органам и учреждениям системы профилактики относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы

управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел [8].

Центральное место в системе профилактики насильственных преступлений занимают подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел. Основными направлениями их деятельности являются: проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к агрессивному поведению; выявление семей, где допускается жестокое обращение с детьми; взаимодействие с комиссиями по делам несовершеннолетних по вопросам предупреждения насильственных проявлений.

Значимую роль играют участковые уполномоченные полиции, сотрудники уголовного розыска, деятельность которых направлена на выявление семейного неблагополучия и предупреждение тяжких насильственных преступлений.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) выполняют координирующую функцию. В их состав входят представители всех субъектов профилактики, что позволяет обеспечивать межведомственный подход. С февраля 2025 года в России внедряется институт наставничества для подростков, вступивших в конфликт с законом. Наставника назначает КДН с согласия ребенка и его родителей [3].

Педагогические работники находятся на первом плане профилактической работы, ежедневно взаимодействуя с детьми и имея возможность своевременно выявлять признаки агрессивного поведения и семейного неблагополучия. На базе школ действуют советы профилактики, службы медиации (примирения) для разрешения конфликтов на ранних стадиях, что позволяет предотвращать эскалацию агрессии.

Специалисты органов социальной защиты и психологической помощи оказывают поддержку семьям, находящимся в кризисной ситуации, проводят коррекционную работу с подростками, проявляющими агрессивные наклонности. Важное значение имеет раннее выявление нарушений психоэмоционального состояния детей и своевременное оказание психолого-педагогической помощи [1, 157].

Для повышения эффективности профилактической работы необходимо совершенствование межведомственного взаимодействия. А.В. Ростокинский подчеркивает важность комплексного подхода к анализу причин и условий преступности несовершеннолетних, а также организации деятельности правоохранительных органов по противодействию этой преступности [10, 74].

К числу основных проблем организации профилактики насильственных преступлений несовершеннолетних относятся:

Разрозненность ведомственных подходов – отсутствие единых стандартов профилактической работы с агрессивными подростками. Новая концепция развития системы профилактики до 2036 года призвана устранить этот недостаток [9].

Кадровый дефицит – недостаточная укомплектованность подразделений по делам несовершеннолетних, а также дефицит психологов и социальных педагогов, способных работать с проявлениями подростковой агрессии.

Недостаточное внимание к психологическим особенностям несовершеннолетних, включая состояние фрустрации как криминогенный фактор [7, 155].

Проблема привлечения к ответственности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, что требует особых форм профилактического воздействия [11].

Перспективными направлениями совершенствования профилактической деятельности представляются:

- внедрение единых стандартов профилактической работы на основе положительного опыта регионов;
- развитие межведомственного взаимодействия, включая цифровые платформы обмена информацией;
- повышение квалификации сотрудников по вопросам подростковой психологии и предупреждения агрессивного поведения;
- развитие школьных служб медиации и психологической помощи для разрешения конфликтов на ранних стадиях;
- расширение сети доступных кружков и секций для организации досуга и канализации подростковой агрессии в социально приемлемые формы;

- развитие института наставничества как перспективной формы индивидуальной работы с подростками, проявляющими склонность к насилию [3];
- создание кадетских классов и программ «Юный следователь» для формирования у подростков позитивных ценностей и правовой культуры [11];
- внедрение в образовательных организациях специализированных памяток и алгоритмов действий для педагогов, родителей и обучающихся по противодействию физическому и психическому насилию [6];
- использование в работе педагогов-психологов и социальных педагогов методических рекомендаций по профилактике виктимизации детей и подростков, включающих алгоритмы действий при выявлении признаков насилия;
- обеспечение доступности круглосуточных горячих линий психологической помощи для детей и родителей и проведение широкой информационной кампании о возможности получения такой помощи;
- проведение систематических тренингов для подростков по формированию навыков ненасильственного разрешения конфликтов;
- организация разъяснительной работы с родителями о правилах безопасности детей, признаках насилия и важности доверительных отношений в семье.

Как отмечает В.Н. Карагодин, необходимо исследование повторяющихся способов совершения насильственных преступлений, реализуемых несовершеннолетними. Для изучения свойств личности и классификации несовершеннолетних правонарушителей требуется проведение междисциплинарных исследований [4, 328].

Профилактика насильственных преступлений среди несовершеннолетних представляет собой сложную, многосубъектную деятельность, эффективность которой зависит от согласованности действий всех участников системы. Органы внутренних дел, прежде всего подразделения по делам несовершеннолетних, играют ключевую роль, осуществляя непосредственную работу с подростками, склонными к агрессивному поведению.

Современные вызовы, связанные с увеличением числа случаев немотивированной жестокости, групповых насильственных преступлений и демонстрации актов насилия в цифровом пространстве, требуют пересмотра традиционных методов профилактики. Необходимо активное внедрение психологических методик коррекции агрессивного поведения, а также развитие института наставничества и школьных служб медиации.

Несмотря на позитивную тенденцию к снижению общего уровня подростковой преступности в последние годы, наблюдается тревожный рост насильственных проявлений. Только объединение усилий всех субъектов профилактики – органов государственной власти, образовательных организаций, психологических служб, институтов гражданского общества и семьи – способно обеспечить действенное противодействие насильственной преступности несовершеннолетних и защиту общества от подростковой агрессии.

Библиографический список:

1. Амахин Д.В. Преступный путь: механизмы вовлечения несовершеннолетних в преступность и меры противодействия // Молодой учёный. — 2025. — № 48 (599). — С. 154–158. — Текст: непосредственный.
2. К вопросу о преступности несовершеннолетних: текущее состояние, особенности, меры предупреждения // Российский следователь. — 2025. — № 12. — С. 47–50. — Текст: непосредственный.
3. В Кировской области развивают институт наставничества для трудных подростков // Официальный сайт Правительства Кировской области. — 2026. — 5 марта. — URL: <https://www.kirovreg.ru/news/2026/03/05/nastavniki/> (дата обращения: 19.03.2026). — Текст: электронный.
4. Карагодин В.Н. Криминалистические аспекты исследования современных особенностей преступности несовершеннолетних // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2025. — Т. 8, № 4(28). — С. 328–338. — Текст: непосредственный.
5. Когнитивные и поведенческие дезадаптации несовершеннолетних в цифровой среде: правовые риски и профилактика // Научно-аналитический журнал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. — 2025. — № 4. — С. 88–95. — Текст: непосредственный

6. Минпросвещения России разработало памятку по противодействию физическому и психическому насилию, травле в школах // Институт развития, здоровья и адаптации ребенка. — 2025. — 29 марта. — URL: <https://irzar.ru/minprosveshheniya-rossii-razrabotalo-pamyatku-po-protivodejstviyu-fizicheskomu-i-psihicheskomu-nasiliyu-travli-v-shkolah/> (дата обращения: 19.03.2026). — Текст: электронный.

7. Отличительные черты личности несовершеннолетнего преступника, находящегося в состоянии фрустрации, как основного элемента криминалистической характеристики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2025. — № 3. — С. 151–163. — Текст: непосредственный.

8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177. — Текст: непосредственный.

9. Расширенное заседание коллегии МВД России: стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина от 4 марта 2026 г. // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74231> (дата обращения: 18.03.2026). — Текст: электронный.

10. Ростокинский А.В., Данелян Р.С., Мещерякова Т.Ф. и др. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних : учебник / под ред. — Москва : Юрайт, 2025. — 220 с. — Текст: непосредственный.

11. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года: статистический сборник // Официальный сайт МВД РФ. — URL: https://мвд.рф/reports/statistics_2025 (дата обращения: 18.03.2026). — Текст: электронный.

12. Фомина И.А. Ошибки семейного воспитания, приводящие к формированию криминогенных качеств личности несовершеннолетнего преступника // Baikal Research Journal.— 2025.— Т. 16, № 4.— С. 1490–1499. — Текст: непосредственный.

Галдин Савелий Тамерланович
Galdin Saveliy Tamerlanovich

Московский гуманитарный университет, город Москва

УДК 342

БОРЬБА С НОВЫМИ ФОРМАМИ КОРРУПЦИИ, СВЯЗАННЫМИ С ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ (В ТОМ ЧИСЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ)

COMBATTING NEW FORMS OF CORRUPTION RELATED TO DIGITAL TECHNOLOGIES (INCLUDING THE USE OF CRYPTOCURRENCIES)

Аннотация. В статье анализируются современные формы коррупции, возникающие в результате цифровизации публичного управления и развития криптоэкономики. Обосновывается необходимость интеграции антикоррупционных и антиотмывочных (ПОД/ФТ) механизмов, усиления цифровой доказательственной базы и международного сотрудничества. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования и практики правоохранительных органов с учетом стандартов ФАТФ и положений Конвенции ООН против коррупции.

Abstract. This article analyzes modern forms of corruption arising from the digitalization of public administration and the development of the cryptoeconomy. It substantiates the need to integrate anti-corruption and anti-money laundering (AML/CFT) mechanisms, strengthen the digital evidence base, and enhance international cooperation. It also proposes areas for improving legal regulation and law enforcement practices, taking into account FATF standards and the provisions of the UN Convention against Corruption.

Ключевые слова: коррупция, цифровые технологии, криптовалюта, виртуальные активы, ПОД/ФТ, комплаенс, блокчейн-аналитика, международное сотрудничество.

Keywords: corruption, digital technologies, cryptocurrency, virtual assets, AML/CFT, compliance, blockchain analytics, international cooperation.

1. Введение

Цифровая трансформация государства, бизнеса и повседневных коммуникаций привела к изменению способов совершения коррупционных правонарушений. Наряду с «классическими» схемами (взятка, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями) формируются технологически опосредованные модели, когда незаконное вознаграждение маскируется под цифровые транзакции, услуги в сети, оплату «информационных» или «консультационных» продуктов, а следы перемещения средств — под операции с виртуальными активами. В российской системе базовые принципы противодействия коррупции закреплены в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Одновременно финансовый контур выявления и пресечения сомнительных операций опирается на Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ [2], а специфика оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты — на Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [3]. В условиях трансграничности цифровой среды особое значение приобретают международные стандарты и механизмы мониторинга: Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (UNCAC) [4], механизм обзора её осуществления (IRM) [5], а также стандарты ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг (VASPs) [6].

Цель исследования — систематизировать новые коррупционные практики, связанные с цифровыми технологиями (включая криптовалюты), и определить комплекс правовых и организационных мер по их предупреждению, выявлению и расследованию. Методологическую основу составляют формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ международных стандартов, а также анализ правоприменительных рисков цифровых финансовых инструментов.

2. Новые цифровые формы коррупции: типология и криминогенные факторы

Современные коррупционные проявления в цифровой среде условно можно разделить на несколько групп.

Во-первых, коррупция при создании и эксплуатации государственных информационных систем и цифровых сервисов. Риски возникают при закупках ИТ-решений (завышение цены, аффилированность подрядчиков, «заточенные» техзадания), а также при предоставлении доступа к данным, администрировании реестров и систем межведомственного обмена. Цифровизация

увеличивает объем данных и число интерфейсов, что расширяет «поверхность атаки» и создает новые точки коррупционного влияния: неформальная «ускоренная» регистрация, незаконные исправления записей, скрытое исключение заявок из очереди, манипулирование рейтингами и баллами.

Во-вторых, коррупция в электронных закупках и платформенной экономике. Технические возможности позволяют координировать картели через закрытые чаты, использовать ботов для мониторинга и подачи заявок, а также применять анонимизацию для сокрытия связей между участниками. Наличие цифрового следа не всегда облегчает расследование: профессиональные группы злоумышленников используют шифрование, распределенные хранилища и «одноразовые» аккаунты.

В-третьих, «информационная коррупция» — предоставление доступа к инсайдерским данным, исходным кодам, ключам доступа, а также к результатам автоматизированных проверок (скорингов, комплаенс-фильтров). Вознаграждение может выражаться не только в деньгах, но и в цифровых благах: подписках, подарочных картах, токенах, NFT-объектах, оплате облачных ресурсов и рекламных кампаний.

В-четвертых, коррупция на стыке киберпреступности и злоупотребления полномочиями. UNODC подчеркивает связь киберпреступности и коррупции, когда доступ к системам, «крышевание» незаконных сервисов или саботаж расследований обеспечиваются через коррумпирование должностных лиц [7].

Криминогенные факторы цифровой коррупции включают: а) высокую скорость и необратимость операций в распределенных реестрах; б) трансграничность расчетов и юрисдикционные разрывы; в) наличие сервисов, затрудняющих идентификацию (миксеры, ривасу-монеты, P2P-обмен, DeFi-протоколы); г) масштабируемость — возможность автоматизировать незаконные транзакции через смарт-контракты; д) кадровый дефицит цифровых компетенций в ряде правоохранительных подразделений.

3. Криптовалюты и виртуальные активы как инструмент сокрытия коррупционных доходов

Использование криптовалют в коррупционных схемах проявляется в двух ключевых сценариях: (1) криптовалюта как форма незаконного вознаграждения (предмет взятки/подкупа); (2) криптовалюта как средство легализации (отмывания) коррупционных доходов и вывода активов.

В первом случае незаконное вознаграждение передается через перевод на адрес кошелька, передачу доступа к биржевому аккаунту, передачу seed-фразы/ключа, либо через оплату NFT/токенов по заведомо завышенной цене. Правовая квалификация осложняется тем, что объект передачи может не иметь статуса «денежных средств» в традиционном понимании, а его оценка требует экспертизы и доступа к данным провайдеров. В доктрине подчеркивается проблематика признания криптовалюты предметом взятки и вопросов доказуемости факта передачи контроля над активом [8].

Во втором сценарии криптоактивы используются для многоступенчатого «расслоения» следов: конвертация наличных в криптовалюту через P2P-площадки, дробление сумм, перевод через цепочки адресов, использование миксеров, затем вывод в фиат через зарубежные платформы либо приобретение высоколиквидных активов. Отдельный риск связан со стейблкоинами и кросс-чейн мостами, которые облегчают быстрый трансфер стоимости между сетями.

Международные стандарты ФАТФ рассматривают виртуальные активы и провайдеров услуг (VASPs) как сектор, к которому должны применяться меры надлежащей проверки клиентов, мониторинг операций и так называемое «правило путешествия» (Travel Rule) — передача информации об отправителе и получателе при переводах [6]. ФАТФ также публикует лучшие практики надзора за соблюдением Travel Rule [9].

Для российской практики важно разграничивать: (а) регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты по № 259-ФЗ [3]; (б) применение норм ПОД/ФТ по № 115-ФЗ [2] к операциям, имеющим признаки легализации; (в) вопросы конфискации, ареста и обращения в доход государства цифровых активов при уголовном преследовании. С учетом роста цифровой преступности возрастает значение блокчейн-аналитики и цифровой криминалистики: кластеризация адресов, анализ потоков, установление связей с биржами и сервисами, идентификация точек «выхода» в фиат.

4. Международные стандарты и механизмы противодействия цифровой коррупции

Международно-правовая рамка противодействия коррупции формируется несколькими взаимодополняющими направлениями.

Во-первых, Конвенция ООН против коррупции 2003 г. закрепляет обязательства государств по предупреждению коррупции, криминализации ключевых составов, международному сотрудничеству и возврату активов [4]. Реализация Конвенции поддерживается Механизмом обзора осуществления (Implementation Review Mechanism), основанным на взаимной оценке государств-участников и технической помощи [5]. Для цифровой повестки значимы положения о международной правовой помощи, выдаче, совместных расследованиях и обмене информацией, поскольку криптооперации часто носят трансграничный характер.

Во-вторых, в европейском регионе существенное значение имеют стандарты Совета Европы, в том числе Уголовно-правовая конвенция о коррупции (ETS 173), включающая криминализацию подкупа в публичной и частной сферах, «торговли влиянием», а также отмывания доходов от коррупционных преступлений [10].

В-третьих, антикоррупционное направление международного делового оборота поддерживается Конвенцией ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (1997) и системой мониторинга её выполнения [11]. Для цифровых рынков это важно из-за роста транснациональных ИТ-контрактов и услуг.

В-четвертых, антиотмывочные стандарты ФАТФ являются ключевым «техническим» механизмом, обеспечивающим прослеживаемость финансовых потоков, включая виртуальные активы. В обновленном Руководстве ФАТФ по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и VASPs (октябрь 2021 г.) разъясняется применение требований по идентификации клиентов, порогам операций и реализации Travel Rule [6]. Отдельные документы ФАТФ посвящены надзорным практикам Travel Rule и проблемам внедрения [9], а также возможностям и рискам новых технологий для ПОД/ФТ [12].

В совокупности эти механизмы формируют «сквозную» модель: антикоррупционные обязательства (UNCAC/Совет Европы/ОЭСР) дополняются финансовым мониторингом и комплаенс-инфраструктурой (ФАТФ), а цифровая криминалистика превращается в инструмент обеспечения неотвратимости ответственности и возврата активов.

5. Российская модель противодействия цифровой коррупции: правовые и правоохранительные меры

В Российской Федерации противодействие коррупции строится на сочетании профилактики, выявления и пресечения, а также минимизации последствий коррупционных правонарушений (№ 273-ФЗ) [1]. Для цифровой среды особенно значимы меры профилактики: декларирование доходов и расходов, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза НПА, ограничения на получение подарков и иных выгод.

Финансовый блок обеспечивает выявление подозрительных операций и взаимодействие с правоохранительными органами через механизмы ПОД/ФТ (№ 115-ФЗ) [2]. В контексте виртуальных активов это предполагает развитие риск-ориентированного контроля на стыке банков, платежных систем, операторов информационных систем ЦФА и операторов обмена, а также усиление процедур KYC/EDD в отношении операций, связанных с криптообменом.

Нормы № 259-ФЗ закрепляют регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты, устанавливая правовой режим для ряда участников и инфраструктуры рынка [3]. Для противодействия коррупции важны: (а) требования к операторам и их включение в реестры; (б) стандартизация процедур учета прав и транзакций; (в) повышение прозрачности операций в легальном сегменте.

Практические правоохранительные меры в цифровой сфере включают:

1) цифровое сопровождение расследований: извлечение и фиксация электронных доказательств, работа с облачными следами, инструменты осмотра цифровых устройств и учет цепочки хранения (chain of custody);

2) использование блокчейн-аналитики и сотрудничество с биржами/провайдерами для установления владельцев адресов и путей вывода активов;

3) межведомственные «контуры доверия» и защищенный обмен данными между финансовым мониторингом и следствием. Росфинмониторинг в аналитических материалах отмечает кластеризацию операций и анализ движения виртуальных активов как перспективные инструменты [13].

4) международное сотрудничество (запросы правовой помощи, совместные расследования, обмен финансовой разведкой), поскольку «точки ликвидности» часто находятся в зарубежных

юрисдикциях.

Вместе с тем сохраняются проблемы: разнородность технологических практик по регионам, ограниченный доступ к данным некоторых иностранных сервисов, быстрота эволюции DeFi-инструментов, а также необходимость единообразной экспертизы для оценки и идентификации криптоактивов.

6. Направления совершенствования и выводы

Повышение эффективности борьбы с цифровой коррупцией требует комплексного подхода, сочетающего правовое регулирование, технологическую инфраструктуру и кадровую политику.

Представляется целесообразным:

— развивать нормативные критерии отнесения цифровых активов к предмету неправомерного вознаграждения и закреплять процессуальные подходы к изъятию/аресту и обращению в доход государства цифровых активов с учетом практики их хранения (холодные/горячие кошельки);

— институционализировать использование блокчейн-аналитики в качестве стандартного инструмента финансово-криминалистического анализа, обеспечив методики и верифицируемость выводов экспертов;

— усиливать комплаенс-контуры для операций на стыке фиата и криптоактивов в соответствии со стандартами ФАТФ (включая Travel Rule и риск-ориентированные процедуры) [6; 9];

— расширять международное взаимодействие по линии UNCAC и иных инструментов, включая оперативный обмен данными, совместные расследования и возврат активов [4; 5];

— повышать цифровую грамотность и специализацию антикоррупционных подразделений: обучение по криптоэкономике, смарт-контрактам, DeFi-рискам, работе с OSINT и цифровыми следами.

Таким образом, цифровые технологии одновременно создают новые коррупционные возможности и предоставляют инструменты выявления и доказывания. Ключ к результативности — интеграция антикоррупционных мер (№ 273-ФЗ) [1] с антиотмывочными механизмами (№ 115-ФЗ) [2], развитие регулируемого цифрового финансового рынка (№ 259-ФЗ) [3] и применение международных стандартов (UNCAC, ФАТФ) [4; 6].

Библиографический список:

1. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657> (дата обращения: 23.02.2026).

2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102072376> (дата обращения: 23.02.2026).

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?backlink=1&docbody=&nd=102801500> (дата обращения: 23.02.2026).

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (31.10.2003) // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 23.02.2026).

5. UNODC. Implementation Review Mechanism (IRM) of the United Nations Convention against Corruption. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/implementation-review-mechanism.html> (дата обращения: 23.02.2026).

6. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers (October 2021). URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 23.02.2026).

7. UNODC. The Nexus Between Cybercrime and Corruption (2025) (PDF). URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2025/2025.10.21_The_Nexus_Between_Cybercrime_and_Corruption.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

8. Усачева Е. А. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования // CyberLeninka. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-vzyatki-i-kommercheskogo-podkupa-problemy-regulirovaniya> (дата обращения: 23.02.2026).

9. FATF. Best Practices on Travel Rule Supervision (PDF). URL: <https://www.fatf->

gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/Best-Practices-Travel-Rule-Supervision.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

10. Council of Europe. Criminal Law Convention on Corruption (ETS No. 173) (PDF). URL: <https://rm.coe.int/168007f3f5> (дата обращения: 23.02.2026).

11. OECD. Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions (PDF). URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/205/205.en.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).

12. ФАТФ. Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ (пер. на рус.). URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).

13. Росфинмониторинг. Цифровая трансформация в сфере ПОД/ФТ (аналитический материал) (PDF). URL: <https://www.fedsfm.ru/content/fb-35.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).

Борисова Дарья Викторовна

студентка магистратуры

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева, г. Иркутск, Россия

E-mail: daryonabelan@yandex.ru

Казмиров Максим Александровичнаучный руководитель, старший преподаватель кафедры гражданского,
административного и уголовного судопроизводства

E-mail: kazmirov_vsrgup@mail.ru

Borisova Darya Viktorovna

Master's degree student

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Irkutsk, Russia,**Kazmirov Maxim Alexandrovich**

Scientific adviser, Senior lecturer of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice

УДК 123.45

**ТАКТИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ: СТРАТЕГИЯ И
МЕТОДЫ****TACTICS OF MAINTAINING PUBLIC PROSECUTION: STRATEGY AND METHODS**

Аннотация. В условиях реформирования российской судебной системы и усиливающейся роли принципа состязательности сторон в уголовном процессе особую значимость приобретает деятельность государственного обвинителя. Эффективность и законность уголовного преследования напрямую зависят от уровня подготовки прокурора, его способности грамотно выстраивать тактику обвинения, использовать доказательства и противодействовать позиции защиты. Современная практика предъявляет к прокурору высокие требования, как к профессионалу, способному не только формально поддерживать обвинение, но и обеспечивать справедливость судебного разбирательства.

В статье рассмотрены основные этапы и тактические приёмы поддержания государственного обвинения в уголовном судопроизводстве. Раскрываются функции и задачи государственного обвинителя, анализируются его полномочия и обязанности в различных стадиях судебного процесса — от подготовки к заседанию до участия в прениях сторон и возможного отказа от обвинения. Особое внимание уделено тактике допроса свидетелей, исследованию доказательств, взаимодействию с позицией защиты, а также возможностям изменения и корректировки обвинения в суде. Работа основана на положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, судебной практике и научных источниках. Представленный материал может быть полезен практикующим юристам, прокурорам, студентам юридических вузов и всем, интересующимся вопросами уголовного процесса.

В исследовании применялись диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-догматический, эмпирический (практико-аналитический), анализ и синтез и метод интерпретации права, что позволило обеспечить всестороннее и комплексное изучение тактики поддержания государственного обвинения.

Abstract. In the context of the reform of the Russian judicial system and the increasing role of the principle of adversarial proceedings in criminal proceedings, the activities of the public prosecutor are of particular importance. The effectiveness and legality of criminal prosecution directly depend on the level of training of the prosecutor, their ability to competently build the prosecution's tactics, use evidence, and counter the defense's position. Modern practice places high demands on the prosecutor as a professional who can not only formally support the prosecution but also ensure the fairness of the trial.

The article discusses the main stages and tactics of maintaining public prosecution in criminal proceedings. The functions and tasks of the public prosecutor are revealed, his powers and duties at various stages of the trial are analyzed — from preparation for the hearing to participation in the debate of the parties

and the possible rejection of charges. Special attention is paid to the tactics of questioning witnesses, examining evidence, interacting with the defense position, as well as the possibilities of changing and correcting the prosecution in court. The work is based on the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, judicial practice and scientific sources. The presented material may be useful to practicing lawyers, prosecutors, law students, and anyone interested in criminal procedure issues.

Ключевые слова: государственное обвинение, уголовный процесс, государство, обвинитель, право, суд, прокуратура, сторона защита, сторона обвинения, уголовно-процессуальный кодекс, тактика, этапы, допрос, роль, вина.

Keywords: state prosecution, criminal process, state, prosecutor, justice, prosecutor's office, defense, prosecution, code of criminal procedure, tactics, stages, interrogation, role, guilt.

Поддержание государственного обвинения – ключевая функция прокурора на судебных стадиях уголовного процесса. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее УПК РФ), прокурор является уполномоченным лицом, осуществляющим от имени государства уголовное преследование и надзор за законностью процедур (ст. 37 УПК РФ)¹. Основная задача государственного обвинителя – поддержание от имени государства обвинения в суде (п. 6 ст. 5 УПК РФ). При этом прокурор руководствуется принципами состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ², ст. 15 УПК РФ) и обязан опровергать доводы защиты, обеспечивая объективное установление истины. По рекомендациям Совета Европы, «основной задачей прокурора является обеспечение эффективного функционирования системы уголовного судопроизводства в целях установления верховенства закона»³. Именно роль охраны закона, защиты общества и прав участников процесса сформулирована в доктринальных источниках как центральная цель работы прокурора.

Цели и задачи государственного обвинителя.

Государственный обвинитель (прокурор) вправе и обязан осуществлять уголовное преследование и представлять позицию обвинения в суде [2]. Его задачи включают:

Доказательство вины – собрать и представить суду доказательства, подтверждающие совершение подсудимым инкриминируемого деяния.

Защита публичного интереса – охранять закон, права потерпевших и общества, требуя справедливого наказания для виновных⁴.

Опровержение защиты – критически анализировать и опровергать доводы защиты, выявлять противоречия и недостоверность приведённых ею доказательств. Прокурор формулирует свою позицию и обосновывает её на основе представленных доказательств, одновременно возражая против аргументов защиты [5].

Соблюдение законности – обеспечить законность и обоснованность обвинения (ст. 37 УПК РФ). Прокурор проверяет процессуальные решения следствия, может направлять материалы для дополнительного расследования или пересоставления обвинительного заключения (ст. 221 УПК РФ).

Информирование суда – представлять суду оценку доказательств и высказывать мнение о квалификации деяния и назначении наказания.

Таким образом, прокурор выполняет двойственную функцию: как представитель обвинения он обращается к суду и одновременно следит за законностью процесса, а его права во многом совпадают с обязанностями. Участие прокурора обязательно по закону в процессе рассмотрения уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения (ст. 246 УПК РФ).

Этапы поддержания государственного обвинения в суде

Поддержание обвинения – это процесс, состоящий из нескольких последовательных этапов:

Подготовка к судебному разбирательству. Прокурор получает письменное поручение об участии в суде и знакомится с материалами дела. Он оценивает качество собранных доказательств, обоснованность и законность обвинительного заключения, выделяет ключевые обстоятельства

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изм. на 21.04.2025) // «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании от 12.12.1993 г. (с изм. и доп. 2020 г.) // Российская газета. 1993 № 237

³ Рекомендация Совета Европы R (2000) 19 о роли прокуратуры в уголовном правосудии (преамбула).

⁴ Приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

преступления для доказывания в суде. На подготовительном этапе определяется тактика судебного следствия и формируется план последовательности представления доказательств. Согласно внутренним приказам Генпрокуратуры, прокурор должен быть назначен заранее, чтобы иметь время на тщательную подготовку⁵. На этой стадии должны выявляться пробелы в доказательной базе, если они имеются: если доказательств недостаточно, это может привести к оправдательному приговору. Так, например, Тверской областной суд в своем апелляционном определении от 12.03.2019 № 22–357/19 установил, что поскольку стороной обвинения не представлены достаточные доказательства о том, что Рус-ва С. В. и Шус-ва С. М. действуя группой лиц по предварительному сговору уклонились от уплаты налогов в особо крупном размере, то суд оправдывает их по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «а, б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, за отсутствием в их действиях состава преступления.⁶

Начало судебного следствия. Судебный процесс начинается с изложения государственным обвинителем содержания обвинения. Прокурор первым формулирует предъявленные подсудимому обвинения и предлагает суду порядок исследования доказательств обвинения⁷. Затем следуют допросы свидетелей и потерпевших. По правилам ст. 274 УПК РФ именно сторона обвинения представляет доказательства первой, что даёт прокурору возможность выстраивать последовательность представления фактов тактически. Прокурор при допросе своих свидетелей задаёт вопросы первым (ст. 278 УПК РФ), фокусируется на подтверждении ключевых деталей преступления и устраняет неясности. Важно тактично строить вопросы: они не должны быть «наводящими». Если же возникают расхождения между показаниями свидетелей, данные на предварительном следствии и в суде, прокурор должен тактически выяснить причины противоречий.

Исследование доказательств. После допроса свидетелей суд исследует вещественные доказательства и письменные документы. Сторона обвинения по своему усмотрению определяет порядок исследования доказательств и обычно начинает с наиболее убедительных доказательств (например показаний очевидцев, потерпевших, экспертных заключений, вещественных доказательств). Технически прокурор использует план допросов и направленные вопросы к экспертам, при необходимости инициирует судебные эксперименты или очные ставки. Криминалисты отмечают, что на этапе исследования доказательств важно увязать каждое доказательство с предметом обвинения и четко аргументировать его значение для дела[1].

Тактические подходы при исследовании доказательств таковы:

Демонстрация вещественных доказательств. Если речь идет о вещественных доказательствах (оружие, вещественные объекты, видеозаписи и т.д.), прокурор должен продумать показ таких объектов в суде. Это может включать визуальный показ, оглашение ключевых моментов видео или наглядное объяснение заключений экспертов. К примеру, при исследовании фотографий или видео прокурор может остановить нужные кадры и прокомментировать, на что именно указывает изображение. Такая «презентация» доказательств помогает зрительно донести суду суть обвинения.

Работа с экспертами. Если планируется допрос экспертов, прокурор планирует вопросы эксперту так, чтобы подчеркнуть выводы, подтверждающие виновность. Технически прокурор может задавать экспертам уточняющие вопросы об обстоятельствах обнаружения улик, методах исследования и выводах. Тактика заключается в том, чтобы снять любые сомнения суда относительно выводов эксперта (например, выяснить, проведено ли исследование по всем установленным правилам). Если защита пытается опровергнуть экспертизу, прокурор готовит аргументы о квалификации эксперта и надёжности его методики.

Справка и запросы дополнительных материалов. При необходимости прокурор ходатайствует о привлечении новых свидетелей или проведении дополнительных следственных действий (например, дополнительных экспертиз или допросов). Это происходит, если выявляются пробелы в доказательствах. Прокуратура может ходатайствовать о возвращении уголовного дела прокурору при выявлении процессуальных нарушений.

Прения сторон и последнее слово подсудимого. В прениях сторон прокурор первым излагает аргументы в поддержку обвинения, опровергает доводы защиты и предлагает меру наказания. Здесь

⁵ Приказ Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

⁶ Апелляционное определение Тверского обл. суда от 12.03.2019 № 22-357/19 (о недостаточности доказательств в обвинении).

⁷ Статья 273 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (с изм. на 21.04.2025) // «КонсультантПлюс».

проявляются общие тактики: систематизация доказательств, логическая цепочка предъявления фактов, эмоционально-взвешенная риторика.

Постановление приговора и проверка судебного решения. После прений суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора. Прокурор может пользоваться процессуальным правом заявить своё мнение о законности и обоснованности приговора посредством подачи апелляционного либо кассационного представления, если найдет постановленный приговор необоснованным, незаконным или несправедливым. Возможна ситуация возвращения дела прокурору для устранения нарушений закона, как это было, например, в деле № 22-866/2017 — основанием для возвращения прокурору уголовного дела в отношении ФИО11 послужили выявленные судом нарушения, допущенные при составлении обвинительного заключения, которые повлекли нарушение прав участников уголовного судопроизводства⁸.

Этапы поддержания государственного обвинения можно схематически представить так: подготовительный этап (получение дела, изучение материалов), судебное следствие (допросы, исследование доказательств), прения и последнее слово, вынесение приговора, а затем – проверка и обжалование решения суда. На каждом этапе прокурор решает специфические задачи, применяя различные тактические подходы.

Тактические подходы к допросу свидетелей

Согласно ст. 278 УПК РФ, свидетели допрашиваются отдельно, и первой задаёт вопросы та сторона, по инициативе которой свидетель вызван. Для прокурора это означает преимущество: он может первым выстроить линии допроса своих свидетелей в соответствии с концепцией обвинения. При этом тактика допроса должна учитывать следующие принципы:

Целеполагание и планирование. Прокурор заранее составляет план допроса: определяет, какие факты необходимо подтвердить через данного свидетеля (например, факт встречи обвиняемого с жертвой, наличие орудия преступления и т. д.). Вопросы обычно строятся от общих фактов к частным, начиная с общих вопросов («где, когда, с кем?»), затем уточняя детали. Это помогает закрепить основную версию обвинения в памяти суда и ярко представить обстоятельства дела.

Проверка противоречий и уточнение. Если свидетель ранее давал показания на следствии, прокурор стремится выявить и объяснить разночтения. Зачастую обвинитель задаёт уточняющие вопросы («Почему Вы в следствии сказали X, а в суде говорите Y?»). Таков прием, который позволяет проверить свидетельские показания и убедиться в их объективности. При этом важно избегать приёма «наведения» (ст. 278 УПК РФ): вопросы не должны прямо подсказывать ответ [2].

Формирование доказательств. Прокурор задаёт вопросы таким образом, чтобы выявить существенные обстоятельства деяния: время, место, способы совершения, действия обвиняемого. Он может использовать подтверждающие (согласительные) и уточняющие формулировки, опираясь на уже известные детали из дела. На перекрёстном допросе свидетелей защиты прокурор, наоборот, задаёт вопросы, направленные на выявление слабых мест в их показаниях, противоречий или недостоверности.

Роль судебного контроля. Председательствующий по делу следит за законностью процедуры. Допрос не должен быть «односторонним» и содержать «подсказки». Прокурор формулирует вопросы открыто и нейтрально, чтобы избежать рисков «перекоса» на сторону обвинения. Ему важно построить вопросы так, чтобы ответы подтверждали сущность обвинения, но оставались в рамках разрешённых процессуальных процедур.

Последовательность допроса. Прокурор всегда допрашивает первым собственных свидетелей. Если подсудимый даёт показания, то согласно ст. 275 УПК РФ прокурор допрашивает его после того, как его опросит защита. Это позволяет обвинителю задать собственные вопросы после того, как подсудимый уже ответил на вопросы защиты, и уточнить неудобные для обвинения моменты. Такая тактика помогает укрепить официальную версию обвинения.

Роль прокурора в противодействии доводам защиты

Тактика противодействия защите является неотъемлемой частью поддержания обвинения. Прокурор обязан анализировать доводы защиты и использовать ход судебного процесса для их опровержения.

Главные подходы:

Активное выслушивание аргументов защиты. Во время прений адвокат может представить

⁸ Апелляционное постановление (решение) по делу № 22-866/2017 от 10.05.2017 (о нарушениях при составлении обвинительного заключения).

свою версию событий и поставить под сомнение улики. Прокурор внимательно выслушивает эти доводы, отмечает ключевые моменты для дальнейшего ответа. В тактических заметках прокурор заранее готовит контраргументы по основным потенциальным направлениям защиты.

Логическая контратака. После обобщения адвокатской позиции прокурор отвечает последовательными аргументами, опираясь на доказательства. Важно показать, что версия защиты не выдерживает фактов дела: например, указать на логические несостыковки в показаниях свидетелей защиты или на отсутствие у них достоверной информации. Прокурор использует показанные в деле факты и экспертизы, чтобы опровергнуть альтернативные версии.

Юридическое опровержение. Если защита заявляет процессуальные нарушения (например, незаконность каких-либо действий следствия), прокурор должен быть готов обосновать, что эти нарушения либо не имеют места, либо не влияют на суть дела. Так, он может сослаться на положения УПК о допустимости доказательств и пояснить суду, что нарушение (если оно было) минимально и не подрывает всей доказательной базы.

Обращение к «общим основаниям». Прокурор подчеркивает, что, несмотря на выдвинутые защитой гипотезы, суд должен принимать решение, исходя из принципа «доказательства обвинения проверяются на основании закона и представленных фактов». То есть он напоминает о роли обвинения – доказать вину – и о презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), которую обвинитель должен оставить неврежденной, доказывая свою позицию.

Ковальчук А.К. пишет, что «прокурор, как сторона обвинения участвует в опровержении доводов другой стороны», при этом его активность должна служить «мотором публичного уголовного преследования»[2]. На практике это означает, что прокурор не пассивно отвечает на вопросы суда и защиты, а проявляет инициативу: задаёт вопросы свидетелям защиты, высказывает убеждённые доводы и по возможности заявляет ходатайства, направленные на укрепление своей позиции.

Возможности изменения обвинения и отказ от обвинения

Российское законодательство предусматривает, что обвинение может быть изменено или снято даже на стадии суда. Основные нормы:

Переквалификация и исключение пунктов обвинения. При утверждении обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты или переквалифицировать обвинение на менее тяжкую статью (ст. 226 УПК РФ). Этот механизм используется заранее – до направления уголовного дела в суд – но в ходе судебного разбирательства прокурор также может заявить ходатайство об изменении квалификации, если в ходе следствия или слушаний появились новые сведения.

Изменение обвинения в ходе суда. Во время прений или вскрытия новых обстоятельств прокурор может заявить ходатайство об уточнении или изменении обвинения (например, сформулировать его иначе или изменить часть статьи УК) – но при этом не ухудшать положение подсудимого. Напомним, что в соответствии со ст. 246 УПК РФ обвинитель («сторона обвинения») «может изменить обвинение, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту». На практике это означает, что прокурор может отказаться от лишней квалификации или понизить тяжесть, но не требовать ужесточения обвинения.

Отказ от обвинения. Прокурор вправе полностью прекратить уголовное преследование (отказаться в предъявлении или поддержании обвинения), но только при наличии законных оснований. Статья 37 УПК РФ прямо гласит, что «прокурор вправе... отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения». Например, отказ возможен в случае ненадёжности доказательств, обнаружения обстоятельств, исключающих преступление, или в иных предусмотренных ст. 24–28 и 220 УПК РФ случаях. Отказ прокурора от обвинения ведёт к прекращению уголовного дела по ч. 7 ст. 246 УПК РФ. При этом после отказа нельзя осуществлять уголовное преследование по тому же обвинению и по тем же основаниям. Если прокурор отказывается от части обвинения, судья должен прекратить производство по этому обвинению.

Таким образом, прокурор имеет правовые инструменты гибкой корректировки обвинения: он может изъять из обвинительного заключения заведомо несостоятельные пункты или вообще отказаться от обвинений в отсутствие достаточных доказательств. Такая возможность является частью тактических стратегий обвинения: в тех случаях, когда доказательства по некоторой части дела кажутся прокурору ненадёжными, он может снять эти обвинения, чтобы не ослаблять свою позицию. Это снижает риск вынесения оправдательного приговора и позволяет сохранить силу оставшихся пунктов обвинения.

Заключение

Тактика поддержания государственного обвинения в российском процессе строится на сочетании законных полномочий прокурора и гибкого применения приёмов доказательственной работы. Начиная с тщательной подготовки к суду и заканчивая финальными прениями, прокурор решает комплекс задач: доказывает вину подсудимого, опровергает доводы защиты, учитывает указания суда, а при необходимости – корректирует обвинение или отказывается от него. Закон закрепляет основные рамки его действий: ст. 37 УПК РФ предписывает прокурору обеспечивать законность и обоснованность обвинения, ст. 274 УПК РФ – преимущественное право обвинения представлять доказательства первым, а ст. 278 УПК РФ – порядок допроса свидетелей. Используя эти нормы и практические методики (разработанные криминалистами и правоведами), прокурор формирует стратегию судебного процесса: от последовательности выставления фактов до способов реагирования на позицию защиты. Практика показывает, что ошибки обвинителя (небрежное исследование материалов, односторонние допросы, несвоевременное изменение обвинения) ведут к оправданию или возвращению дела прокурору. Поэтому эффективная тактика поддержания обвинения требует не только глубокого знания закона, но и умения прогнозировать поведение сторон, оперативно корректировать план действий, а также чёткого понимания стратегических целей уголовного судопроизводства – превратить процесс обвинения в последовательное, доказательное и убедительное представление общественного интереса в суде.

Библиографический список:

1. Стефанович П. Д. Проблемы подготовки государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения // Молодой ученый. 2024. № 28 (527). С. 174–176.
2. Ковальчук А. К. Правовое положение государственного обвинителя в суде первой инстанции // Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 113–116.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Атангулова Карина Витальевна

Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law disciplines

Atangulova Karina Vitalievna

Master FSDO of the "Chelyabinsk state University»

УДК 343.97

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**VIOLENT CRIME PREVENTION**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей и способов предупреждения насильственных преступлений, которые представляют серьезную угрозу общественной безопасности и требуют комплексного подхода. Исследованы основные тенденции и закономерности развития насильственной преступности, выявлены факторы, способствующие росту числа таких преступлений. Рассмотрены существующие меры профилактики, направленные на пресечение насильственных преступлений и снижение общего уровня преступности. Особый акцент сделан на развитие деятельности правоохранительных органов в данном направлении, развитии психолого-педагогической поддержки и укреплении межведомственного взаимодействия. Статья также рассматривает значение правовой пропаганды и профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов для успешной борьбы с насильственной преступностью.

Abstract. This article focuses on the features and methods of preventing violent crimes, which pose a serious threat to public safety and require a comprehensive approach. The article explores the main trends and patterns of violent crime, identifying the factors contributing to the increase in such crimes. The authors propose effective preventive measures aimed at curbing violent acts and reducing the level of aggression in society. The article emphasizes the importance of improving law enforcement activities, developing psychological and educational support, and strengthening interagency cooperation. The article also examines the importance of legal propaganda and professional training of law enforcement officers for the successful fight against violent crime.

Ключевые слова: насильственные преступления, профилактика, агрессия, правоохранительные органы, криминология, профилактика преступлений.

Keywords: violent crimes, prevention, aggression, law enforcement agencies, criminology, crime prevention.

Насилие, будучи фактором склонности человека к агрессии, имеет значительное влияние не только на состояние нравственности в обществе, но и социально-правовой аспект. Насилие является, вызывающим стирание границ ценностных ориентаций у молодежи, социальной, экономической и политической сфер, а также духовной жизни людей и их взаимоотношений. Насилие выступает одной из самых серьезных проблем современного общества.

Преступления насильственного характера, в общем массиве всей преступности составляют более 15%. К особенностям, которые присущи насильственным преступлениям относятся высокая степень цинизма, повышенный уровень жестокости и агрессии, а также непоколебимое безжалостное отношение к жертве преступления. В большинстве случаев, результатом насильственных преступлений являются крайне трагические и невозполнимые последствия: причинение физического и морального вреда жертве преступления, тяжелые увечья или смерть.

В науке насильственная преступность определяется как вид преступности, которая обладает высокой степенью общественной опасности и является формой социальной патологии, выражающаяся в постоянном или относительно массовом воспроизводстве запрещённых уголовным законом экстремальных поведенческих актов физического и психического насилия над личностью [9, с. 74].

Кроме того, в криминологической литературе есть и другое определение понятия

насильственной преступности. Так, Н.Д. Гомонов, В.П. Тимохов, В.М. Труш предлагают под насильственной преступностью понимать совокупность преступлений, характеризующихся криминальным насилием. Криминальным указанные авторы называют уголовно наказуемое насилие, санкции за которые предусмотрены статьями особенной части УК РФ. При этом нередко насилие является элементом мотивации, а не просто средством достижения цели [5, с. 29].

Основой объединения преступных деяний в отдельный вид можно считать главным образом такие критерии, как способ действий преступника (физическое или психическое насилие над личностью), форма вины (умысел) и объект посягательства (личность).

Структуру насильственной преступности составляют такие группы преступлений как:

- а) преступления против жизни (ст.ст. 105–108, 110 УК РФ);
- б) преступления против здоровья (ст.ст. 111–117, 121–125 УК РФ);
- в) преступления против свободы, чести, достоинства, половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 126–128, 131–135 УК РФ);
- г) иные насильственные преступления (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ); подмена ребёнка (ст. 153 УК РФ)) [1].

Насильственные преступления по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий превосходят многие другие криминальные проявления. Они наносят огромный, порой непоправимый вред обществу. Непосредственно потерпевшими от них ежегодно становятся сотни тысяч людей. По данным МВД России, в 2025 году было зарегистрировано 1 771 174 насильственных преступления. Наблюдалось снижение количества зарегистрированных в Российской Федерации преступлений на 5,4 %. При этом число противоправных деяний против личности сократилось на 9,1 %, в том числе убийств и покушений на убийство – на 13 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 13,5 %. Несмотря на положительную тенденцию снижения количества насильственных преступлений, их количество по-прежнему имеет огромные масштабы, что вызывает особую потребность в реализации мер, направленных на предупреждение насильственной преступности [6, с. 58].

Предупреждение преступлений, в том числе и насильственных, является одной из главных функций государственных органов, которая регламентирована действующим законодательством. В результате реализации разработанных мер предупреждения преступлений хотя и не на постоянной основе, но происходит постепенное снижение уровня криминогенной напряженности, проявление которой возникает в различных сферах: социальной, экономической, политической и др. Основные меры по предупреждению насильственной преступности как правило регламентированы законодательством. К основным правовым актам, закрепляющие данные положения относятся Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, Указ Президента РФ от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» и Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [2-4].

Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года представляет собой нормативно-правовую основу для организации профилактической деятельности в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения безопасности граждан. Данный акт содержит следующие меры, направленные на реализацию мер по предупреждению насильственных преступлений:

1. Правовая профилактика, направленная на распространение правовых знаний среди граждан и организаций, разъяснение норм права и правовых последствий нарушений. Включает правовые консультации, лекции и семинары. Организуется органами профилактики совместно с государственными и муниципальными структурами;

2. Индивидуально-профилактическая работа, которая заключается в индивидуальном подходе к лицам, склонным к преступлениям или ранее их совершавшим. Цель индивидуально-профилактической работы заключается в выявлении причин совершения насильственной преступности и предупреждения повторных преступлений. Проводится сотрудниками полиции, психологами и социальными работниками;

3. Психолого-педагогическая поддержка оказывает социальную поддержку и реабилитацию гражданам, подверженным риску преступного поведения, склонными к преступному насилию. В

рамках этой меры психологическая помощь предоставляется сотрудниками органов внутренних дел во взаимодействии с медицинскими учреждениями и образовательными организациями;

4. Межведомственное взаимодействие подразумевает координирование действий различных государственных и негосударственных структур для эффективного предупреждения насильственных преступлений. Межведомственное взаимодействие регламентировано законодательством и обеспечивается совместными планами, рабочими совещаниями и обменом информацией данных структур;

5. Научно-методическое сопровождение подразумевает создание методических рекомендаций и моделей для профилактики насильственных преступлений и проведение оценки эффективности используемых подходов. Благодаря научно-методическому сопровождению обеспечивается постоянному улучшению качества профилактической деятельности [2].

Следующим правовым актом, регламентирующим меры предупреждения насильственных преступлений является Указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 года № 1535, который закрепляет ряд принципиальных положений, направленных на усиление роли государства в обеспечении правопорядка и повышении эффективности борьбы с преступностью, в частности, с проявлениями насильственной преступности. Данный акт носит рамочный характер и ставит целью упорядочение и координацию действий федеральных органов исполнительной власти и субъектов федерации в области профилактики преступлений и административных правонарушений. В нем содержатся следующие меры, направленные на предупреждение насильственных преступлений:

1. Механизм выявления и пресечения насильственных преступлений, в рамках которого разрабатываются новые технологии и средства слежения для быстрого выявления преступлений. В рамках этой меры происходит усиление взаимодействия правоохранительных органов с Федеральной службой исполнения наказаний;

2. Повышение профессиональной подготовки кадров, в рамках которого организуются курсы и стажировки для освоения новых методов раскрытия преступлений, допроса свидетелей и анализа доказательств;

3. Постоянное обновление единой базы регистрации преступлений и статистики, благодаря которой сотрудники правоохранительных органов могут лучше планировать профилактику и оценивать ситуацию;

4. Формирование центров профилактики на местном уровне, осуществляющих свою длительность по работе с потенциальными преступниками, склонными к насильственной преступности, проводящие кампании и помогающие бывшим заключенным адаптироваться [3].

И еще одним важным правовым актом является Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 августа 2023 года №619 регулирует деятельность подразделений полиции и определяет ключевые мероприятия, направленные на профилактику преступлений и обеспечение общественной безопасности. Этот документ устанавливает общие принципы организации профилактических мероприятий органами внутренних дел (ОВД).

Основными направлениями борьбы с преступностью включают в соответствии с положениями данного правового акта являются:

1. Информационно-пропагандистская работа, в рамках которой происходит формирование негативного отношения к криминалу через просветительские мероприятий и повышение правовой грамотности населения;

2. Работа с несовершеннолетними и молодежью с целью воспитания законопослушного поведения среди подростков и молодежи посредством занятий в школах, профессиональных организациях среднего и высшего звеньев, профилактики правонарушений и помощи в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих в учебном коллективе среди школьников или студентов;

3. Сотрудничество с разными организациями. Совместные мероприятия с образовательными, медицинскими и социальными учреждениями, направленные на профилактику преступлений и охрану общественного порядка [4].

Таким образом, на современном этапе существует острая необходимость в развитии мер, направленных на профилактику насильственных преступлений в силу того, что их число продолжает оставаться на высоком уровне. Несмотря на то, что основными субъектами предупреждения насильственных преступлений являются правоохранительные органы, стоит также развивать их взаимодействие с иными организациями, для достижения большей эффективности. Главным образом к ним должны относиться образовательные организации, для проведения профилактической работы с

несовершеннолетними.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «Консультант плюс».
2. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
3. Указ Президента РФ от 11.12.2010 № 1535 (ред. от 26.06.2013) «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» // СПС «Консультант плюс».
4. Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» // СПС «Консультант плюс».
5. Гомонов Н.Д., Тимохов В.П., Труш В.М. Криминальное насилие: понятие и виды // Теоретические и практические проблемы современного правопонимания. – 2024. – С. 28–30.
6. Долженков З.А. Криминологическая характеристика насильственных преступлений и особенности их предупреждения // Вестник молодого ученого Кузбасского института. – 2025. – С. 56–59.
7. Кобзева Е.Н. Детерминация насильственных преступлений // Студенческий вестник. – 2024. – № 13–2 (299). – С. 44–47.
8. Мануйлова Е.В. Основные направления системы предупреждения насильственных преступлений // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7. – № 4. – С. 181–183.
9. Петровский А.В. О стратегии предупреждения отдельных насильственных преступлений в современных российских условиях // Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности. – 2025. – С. 73–82.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Бадерко Валерия Евгеньевна

Магистрант Института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law and related disciplines

Baderko Valerie Evgenievna

Master's student at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

УДК 32

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕР**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация. В статье проведено исследование системы социальных государственных и общественных мер предупреждения преступности несовершеннолетних.

Abstract. the article examines the system of social, state, and public measures to prevent juvenile delinquency.

Ключевые слова: предупреждение, государственная политика, система социальной защиты, преступность несовершеннолетних.

Keywords: prevention, public policy, social protection system, juvenile delinquency.

Проблема преступности несовершеннолетних является одной из наиболее острых социально-правовых проблем современного российского общества. Меры по осуществлению противодействия и профилактики особенно важны для развития государства, такие меры должны включать повышение уровня правовой культуры населения – как несовершеннолетних, так и их законных представителей.

Проблема преступности несовершеннолетних остается актуальной и требует особого внимания со стороны государства и общества. Рост количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обусловлен рядом факторов, включая социальные, экономические, культурные и семейные обстоятельства. Эффективная профилактика подростковой преступности возможна лишь при условии комплексного подхода, учитывающего особенности психического и физического развития несовершеннолетних, специфику их жизни и влияния окружающих факторов. Исходя из указанных факторов, исследование приобретает особую значимость.

Цель исследования заключается в выявлении форм и методов профилактики преступности несовершеннолетних, возможностей их совершенствования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач: проанализировать статистические данные и тенденции динамики преступности среди несовершеннолетних в России, оценить роль и влияние семейного окружения, образовательной среды и социокультурных факторов на процесс формирования криминального поведения.

Таким образом, проведенное исследование направлено на исследование модели профилактики подростковой преступности, адаптированной к современным условиям и потребностям российского общества.

Преступность несовершеннолетних — это преступления, которые были совершены гражданами, не достигшими совершеннолетнего возраста (14-18 лет).

Согласно статистическим данным базы МВД России на начало 2026 года число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 2,8% по сравнению с 2025 годом [8].

Система профилактических мер несовершеннолетней преступности требует правового урегулирования и должна задействовать в себе все элементы деятельности специальных органов профилактики: комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; органов управления образования; органов внутренних дел и иных служб и подразделений, которые в пределах предоставленных полномочий могут содействовать занятости положительной деятельности в молодежной среде.

Государственная система профилактики состоит из нормативно-правовых актов, среди которых можно выделить Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ, в котором содержатся положения о субъектах системы профилактики, определен круг их полномочий [1], Семейный Кодекс Российской Федерации в части возложения обязанностей по воспитанию на родителей заботиться о нравственном и физическом состоянии детей [2], также следует отметить, что за неисполнение родителями обязанностей, установленных законодательством, предусмотрены различные виды ответственности: семейная, административная либо уголовная.

Профилактическая деятельность в отношении преступлений несовершеннолетних — совокупность педагогических, правовых и социальных иных мер, которые направлены на устранение детерминант, содействующих противоправным деяниям, беспризорности, безнадзорности.

Следует отметить, что необходимо учитывать социальные факторы жизни несовершеннолетних для выбора наиболее точных профилактических мер, необходимо провести разграничение организаций, оказывающих различное воздействие на подростков [5, 514].

Радченко К.Н. в своей работе отмечает, что субъектами профилактики являются: комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления образованием, органы управления социальной защитой населения, органы опеки и попечительства, органы службы занятости и органы внутренних дел, органы управления здравоохранением. Успешная работа указанных органов положительно влияет на сокращение уровня преступности среди несовершеннолетних [6, 13].

Центральным органом, координирующим действия уполномоченных в сфере предотвращения преступлений несовершеннолетних министерств и ведомств, является Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации.

На региональном уровне за обеспечение взаимодействия уполномоченных в указанной сфере государственных органов отвечают Комиссии по делам несовершеннолетних. Обычно они создаются при губернаторах, руководителях органов исполнительной власти субъектов федерации [7, 243].

Общественные организации участвуют в профилактике преступности несовершеннолетних, например:

Детские и молодежные общественные организации, которые реализуют проекты профилактической направленности, вовлекают несовершеннолетних в добровольческую деятельность, социальные и экологические проекты. Родительские инициативные формирования при социальных и образовательных учреждениях, например: родительские комитеты и попечительские советы. Цель таких организаций – вовлечение несовершеннолетних в полезные мероприятия для привития им правильных поведенческих установок и правил поведения в обществе.

Образовательные учреждения (школы) играют важную роль в профилактике преступности несовершеннолетних, так как проводится индивидуальная работа с каждым учащимся. Классный руководитель и социальный педагог выявляют учащихся, склонных к совершению правонарушений [3, 14].

Специалисты органов социальной защиты населения, а также социальные педагоги-психологи призваны оказать поддержку семьям, которые находятся в затруднительной ситуации, проводят работу с несовершеннолетними, у которых возникли трудные жизненные ситуации, отмечено агрессивное психоэмоциональное состояние. Достаточное важную роль играют выявление на ранней стадии нарушений, относящихся к психике и эмоциям детей, а также оказание психолого-педагогической помощи для предотвращения негативных последствий [7, 156].

Исследование системы социальных государственных и общественных мер предупреждения преступности несовершеннолетних выявило комплексный характер проблемы, обусловленный взаимодействием множества факторов, включая социально-экономическое положение семей, уровень образования, доступность культурных мероприятий и спортивных секций, а также влияние ближайшего окружения подростка.

Необходимо активизировать работу по поддержке семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, создавать специальные программы социальной адаптации и реабилитации подростков группы риска.

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективная система предупреждения преступности несовершеннолетних должна включать меры медицинского, психологического, педагогического и правового характера, обеспечивающие своевременную диагностику отклоняющегося поведения, раннее выявление потенциальных правонарушителей и организацию целенаправленной

коррекционной работы. Только таким образом, возможно снизить уровень преступности среди несовершеннолетних и обеспечить устойчивое развитие российского общества.

Библиографический список:

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177. — Текст: непосредственный.
2. «Семейный Кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). — Текст : электронный. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
3. Айткулова, Д. Л. Организационно-правовые меры противодействия преступности несовершеннолетних / Д. Л. Айткулова // Правоохранительная деятельность: теория и практика : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 25 апреля 2022 года. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. — С. 13-16. — Текст : непосредственный.
4. Амахин Д.В. Преступный путь: механизмы вовлечения несовершеннолетних в преступность и меры противодействия // Молодой учёный. — 2025. — № 48 (599). — С. 154–158. — Текст: непосредственный.
5. Курилкина, О.А, Онищук, М.М, Литвинова, Ю.И. Преступность несовершеннолетних: тенденции и меры ее предупреждения // Право и государство: теория и практика. — 2024. — №12 (240). — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-tendentsii-i-mery-ee-preduprezhdeniya>
6. Радченко, К.Н. Общая и социально-правовая характеристика системы предупреждения преступности несовершеннолетних // Legal Bulletin . — 2022. — №2. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-i-sotsialno-pravovaya-harakteristika-sistemy-preduprezhdeniya-prestupnosti-nesovershennoletnih>
7. Рахимкулов, Р. А. Особенности профилактики преступного поведения несовершеннолетних лиц / Р. А. Рахимкулов // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 11(150). — С. 243-244. — Текст : непосредственный.
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 года. — Текст : электронный. — URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/79262389>

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Галеев Алексей Владимирович

Магистрант Института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law disciplines

Galeev Aleksey Vladimirovich

Master's student at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

УДК 343.851.5

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**REASONS AND CONDITIONS OF CRIME BY MINORS**

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных факторов, влияющих на формирование и развитие преступности среди несовершеннолетних. Рассматриваются социально-экономические, психологические и культурные предпосылки противоправного поведения несовершеннолетних. Особое внимание уделено роли семьи, ближайшего окружения, школьного воспитания и влияния масс-медиа. Статья предназначена для научных работников, преподавателей юридических вузов, аспирантов и студентов, изучающих уголовное право и процесс.

Abstract. The article is devoted to the study of the main factors influencing the formation and development of juvenile delinquency. The article examines the socio-economic, psychological, and cultural background of juvenile delinquency. Special attention is paid to the role of the family, the immediate environment, school education, and the influence of the mass media. The article is intended for researchers, professors of law schools, postgraduate students, and students studying criminal law and procedure.

Ключевые слова: причины, преступление, доказывание, условия, несовершеннолетние.

Keywords: causes, crime, proof, conditions, minors.

Цель статьи выявить и систематизировать основные факторы, способствующие преступности несовершеннолетних, а также предложить пути их нейтрализации.

«Преступность несовершеннолетних — это явление, имеющее множество граней, а это значит, что причины её нельзя познать, изучая лишь отдельные факторы или стороны нравственного формирования подростка в семье, школе» [1, с. 3].

Преступность несовершеннолетних — одна из наиболее острых социальных проблем современного общества. Её специфика обусловлена возрастными особенностями подростков, их восприимчивостью к негативным влияниям и формирующейся системой ценностей. Понимание причин и условий, провоцирующих противоправное поведение молодёжи, необходимо для разработки эффективных мер профилактики.

Объективными причинами преступности несовершеннолетних можно считать недостатки в политической, экономической, социальной жизни нашего государства, недостатки, связанные с защитой прав ребёнка, недостатки в профилактической деятельности указанных в законе органов профилактики, да и сами эти законы.

Важно отметить, что формирование криминогенного мировоззрения у подростка зависит также от его морально-нравственных качеств и влияния особенностей подросткового возраста, таких как незрелость воли, отсутствие жизненного опыта, подверженность чужим влияниям, стремление показать себя сильным, склонность к риску, подражание взрослым, обидчивость, неустойчивость склонностей и интересов, характер, темперамент, иногда и психические аномалии, романтизм.

«Основным фактором преступности несовершеннолетних является деятельность неформальных молодёжных объединений криминогенной направленности и влияние организованной преступности» [2, с. 1997]. Значительная часть несовершеннолетних преступников, совершающих преступления в группе, когда-либо имела отношение к неформальным группировкам. Для них характерно делинквентное или антисоциальное поведение, являющееся прообразом преступного.

К социальным факторам, влияющим на преступность несовершеннолетних, относятся:

1. **Социальное неравенство.** Разрыв в уровне жизни разных слоёв населения создаёт у подростков чувство несправедливости и может толкать на противоправные действия для достижения материальных благ.

«Однако подростками из полных и на первый взгляд благополучных семей также могут совершаться преступления» [3, с. 4]. Иначе говоря, безработица и низкий уровень жизни, отсутствие легальных возможностей для заработка повышает риск вовлечения в преступную деятельность.

2. **Негативное влияние окружения,** контакты с криминальными группами, пропаганда асоциального поведения в СМИ и интернете формируют у подростков искажённые представления о допустимых способах достижения целей.

3. **Проблемы в образовательной среде:** конфликты с учителями и сверстниками, отсутствие интереса к учёбе, слабая воспитательная работа в школах могут способствовать отчуждению подростков и их вовлечению в антиобщественные группы.

Семья является важнейшим институтом социализации личности. Нарушения в её функционировании часто становятся катализатором девиантного поведения.

«Многие родители предъявляют мало требований к своим детям, в силу чего последние получают мало эмоциональной поддержки, часто пользуются свободой, уходят из дома» [4, с. 294]. Другими словами, неблагополучные семьи, алкоголизм, наркомания, жестокость родителей или их асоциальный образ жизни напрямую влияют на формирование противоправных установок у детей. Гипоопека и безнадзорность, отсутствие контроля за поведением подростка, равнодушие к его интересам и проблемам создают условия для вовлечения в противоправную деятельность.

Возрастные особенности несовершеннолетних усиливают их восприимчивость к негативным воздействиям:

4. **Импульсивность и эмоциональная неустойчивость.** Подростки склонны действовать под влиянием момента, не задумываясь о последствиях. Стремление к самоутверждению, желание завоевать авторитет среди сверстников может привести к совершению противоправных действий.

«Кризис идентичности: в период взросления подростки ищут своё место в мире, и при отсутствии позитивных ориентиров могут выбрать антисоциальные модели поведения» [5, с. 26].

Каждый подросток хочет показать свою индивидуальность и неповторимость, и часто подростки выбирают сферу преступности и правонарушения как способ выделиться из толпы. Так как именно такие действия собирают наибольшую огласку среди сверстников, потому что совершают деяния, которые запрещены и считают это положительным действием.

Преступность несовершеннолетних обусловлена комплексом взаимосвязанных причин и условий. Их нейтрализация требует согласованных усилий семьи, образовательных учреждений, социальных служб и государства. Приоритет должен отдаваться профилактическим мерам, направленным на создание благоприятных условий для развития личности подростка и формирование у него правопослушных установок.

«Эффективная профилактика преступности среди несовершеннолетних не только снижает уровень правонарушений, но и способствует формированию здорового, социально ответственного поколения» [6, с. 65].

Профилактика преступности среди молодёжи требует комплексного, системного подхода, объединяющего усилия семьи, образовательных учреждений, правоохранительных органов и общества в целом. К наиболее результативным способам профилактики, относятся:

1. **Укрепление института семьи.** Психолого-педагогическая поддержка родителей, проведение консультаций, тренингов, курсов по вопросам воспитания и разрешения семейных конфликтов. Раннее выявление семейного неблагополучия работа социальных служб по оказанию помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Формирование позитивного семейного климата, пропаганда семейных ценностей, организация совместных мероприятий для родителей и детей.

2. **Развитие системы образования и воспитания.** Внедрение программ правового просвещения, таких как, проведение уроков, лекций, встреч с представителями правоохранительных органов, юристами. Развитие воспитательной работы в школах и вузах, акцент на формирование нравственных качеств, ответственности, уважения к закону. Индивидуальная работа с «трудными» подростками и привлечение школьных психологов, социальных педагогов, наставников.

3. **Организация досуга и занятости молодёжи.** Создание доступных кружков, секций,

творческих студий, спорт, искусство, техническое творчество, волонтерство. Они направлены на привлечение несовершеннолетних к полезному досугу и формированию личностных качеств.

Развитие молодежных центров и клубов по месту жительства. Предоставление пространства для общения и самореализации. Поддержка молодежных инициатив, вовлечение подростков в социально значимые проекты, развитие лидерских качеств. Каждая мера необходима для социализации несовершеннолетних и развитию взаимоотношений в обществе.

4. Информационная профилактика. Противодействие негативному влиянию интернета, например, проведение уроков медиабезопасности, разъяснение последствий участия в деструктивных группах. Популяризация позитивных ролевых моделей, освещение историй успеха молодых людей, пропаганда здорового образа жизни. В современном мире важно объяснить несовершеннолетним о интернет безопасности, так как многие из них не осознают, что их данные могут быть использованы против них или их близких. Что в интернете много деструктивного контента, что может привести к преступному поведению несовершеннолетнего.

5. Взаимодействие с правоохранительными органами. Профилактика правонарушений, проведение рейдов, профилактических бесед, индивидуальная работа инспекторов по делам несовершеннолетних (ПДН). Раннее выявление групп риска, обмен информацией между школами, комиссиями по делам несовершеннолетних и полицией.

6. Социальная поддержка и трудоустройство. Помощь в профориентации и трудоустройстве, создание временных рабочих мест для подростков в летний период. Поддержка молодых людей из неблагополучных семей, предоставление социальных гарантий, стипендий, материальной помощи.

Все выше перечисленные меры по профилактике преступности среди несовершеннолетних должны быть применены в комплексе. Так как, по отдельности эти меры не дадут необходимо результата. Родительская поддержка и помощь это первоочередная профилактика преступности, именно родители закладывают основы личности ребёнка и прививают ему определенные правила поведения. Без объяснений родителей, ребенок не сможет понять, необходимости ходить на секции, кружки, дополнительные занятия или бесед с правоохранительными органами, или уроков по интернет безопасности.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что преступность несовершеннолетних — это сложное социально-правовое явление, обусловленное совокупностью взаимосвязанных причин и условий. К числу основных факторов, способствующих совершению преступлений подростками, относятся неблагоприятные семейные отношения, отсутствие должного контроля со стороны родителей, негативное влияние сверстников, а также недостатки в организации досуга и воспитательной работы в образовательных учреждениях. Немаловажную роль играют и социально-экономические условия, низкий уровень жизни, а также распространение алкоголизма и наркомании среди молодёжи.

Кроме того, значительное влияние оказывает информационная среда, в том числе интернет и социальные сети, которые зачастую формируют у несовершеннолетних искажённые представления о допустимости противоправного поведения.

В заключение следует подчеркнуть, что эффективная профилактика преступности среди несовершеннолетних возможна только при комплексном подходе, включающем меры по укреплению института семьи, совершенствованию системы образования и воспитания, развитию института наставничества, а также усилению контроля за средой общения подростков. Особое внимание необходимо уделять раннему выявлению и коррекции девиантного поведения, а также формированию у молодёжи устойчивых правовых и нравственных установок. Только совместными усилиями семьи, образовательных учреждений, правоохранительных органов и общества в целом можно добиться снижения уровня преступности среди несовершеннолетних и обеспечить их успешную социализацию.

Библиографический список:

1. Рябцев Г.В. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – №1 (6). – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-prestupnosti> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Заставская, К. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних на современном этапе / К. А. Заставская // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 1995-1998. – Текст : непосредственный.
3. Трескина, А. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних / А. А. Трескина

// Территория науки и образования. – 2025. – № 10. – С. 27-30. – Текст : непосредственный.

4. Макарецва, Ю. Ю. Причины и условия преступности несовершеннолетних / Ю. Ю. Макарецва, О. Н. Матвеевская // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного суда Республики Бурятия, Улан-Удэ, 21–23 сентября 2023 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. – 2023. – С. 285-296. – Текст : непосредственный.

5. Скрипченко, Н. Ю. Причины и условия преступности несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) / Н. Ю. Скрипченко, Н. В. Машинская // Вопросы ювенальной юстиции. – 2007. – № 2. – С. 24-27. – Текст : непосредственный.

6. Пулкачева, П. К. Причины и условия преступности несовершеннолетних и меры ее профилактики / П. К. Пулкачева // Студенческий форум. – 2022. – № 21-6(200). – С. 64-67. – Текст : непосредственный.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Бородин Артём Андреевич

Магистрант Института права «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of the department of criminal law disciplines

Borodin Artem Andreevich

Master's student of the Institute of Law "Chelyabinsk state University"

УДК 343.9.01

ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА**IDENTITY OF A PROFESSIONAL CRIMINAL**

Аннотация. В статье рассматриваются социально-демографические, морально-психологические и социально-ролевые особенности, характерные для личности профессионального преступника.

Abstract. The article examines the socio-demographic, moral-psychological and social-role characteristics characteristic of the personality of a professional criminal.

Ключевые слова: личность преступника, профессиональная преступность, криминальный опыт, структура личности.

Keywords: criminal personality, professional criminality, criminal experience, personality structure.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что профессиональная преступность, хоть и занимает небольшую долю в общей структуре преступности, оказывает значительно негативное влияние на ее состояние в стране. Изучение криминологических характеристик профессионального преступника в рамках задач криминологии выступает средством повышения результативности действующих мер профилактики.

Личность профессионального преступника представляет собой категорию, отражающую социально-негативные качества и черты лиц, обладающих криминальным профессионализмом. Под личностью преступника понимают относительно устойчивую совокупность его социальных свойств и отношений, которые во взаимодействии с внешней средой обуславливают совершение им преступления.

В данном контексте термин «профессиональный» подчеркивает именно аспект личности преступника как носителя общественной опасности. Структура личности профессионального преступника, подобно личности любого преступника, включает совокупность характерных для него свойств и качеств, к которым относятся социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки.

Анализ личности преступника позволяет определить те его свойства, которые должны становиться объектом профилактического воздействия, а также выявить социальные условия, способствовавшие их формированию. Вместе с тем понятие «субъект преступления» относится к уголовно-правовой категории и применяется для установления оснований привлечения лица к уголовной ответственности [8, с. 57].

При рассмотрении криминологической характеристики личности профессионального преступника важно учитывать, что такой субъект осознанно связывает свою жизненную цель с систематическим совершением различных преступлений. По мнению В. И. Омигова, лицо обычно приобретает статус преступника-профессионала после совершения им трёх и более преступных эпизодов [3, с. 55].

Личность профессионального преступника характеризуется рядом специфических черт, среди которых: устойчивый, повторяющийся вид преступной деятельности (определённая специализация); наличие специальных знаний и умений (определённая квалификация); получение стабильного дохода, при котором преступная деятельность выступает основным источником средств к существованию; прочные связи с асоциальным окружением; привычный, почти страстный характер такой активности;

высокая степень защищённости от уголовного преследования и выявления [5, с. 139].

Возраст профессиональных преступников, как правило, укладывается в диапазон от 18 до 49 лет, причём наибольшая их часть относится именно к этой возрастной группе. Наиболее интенсивная преступная активность наблюдается в возрасте 25–49 лет, тогда как лица старше 50 лет составляют минимальную долю среди профессиональных преступников. Такой возрастной интервал неслучаен: к 25–30 годам те, кто начал преступную деятельность ещё в несовершеннолетнем возрасте, уже успевают приобрести значительный криминальный опыт, сформировать устойчивые связи в преступной среде и существенно повысить уровень своего криминального профессионализма. Возрастная категория профессиональных преступников в основном охватывает лиц от 18 до 49 лет, и именно на этот промежуток приходится их наибольшее количество. Наивысший уровень преступной активности фиксируется в возрастной группе 25–49 лет, тогда как доля лиц старше 50 лет среди профессиональных преступников минимальна. Подобные возрастные границы обусловлены тем, что к 25–30 годам лица, начавшие преступную деятельность в подростковом возрасте, уже приобретают значительный криминальный опыт, устанавливают прочные связи в преступной среде и заметно повышают степень своего криминального профессионализма [2, с. 37].

Начало преступной деятельности в подростковом возрасте свидетельствует о выраженной социальной дезадаптации, существенно влияет на дальнейшую жизненную траекторию человека и сопряжено с неблагоприятным криминальным прогнозом. В криминологии устоялось положение, согласно которому чем раньше лицо вступает в конфликт с законом, тем выше вероятность повторного совершения им преступлений в будущем.

Статистические сведения свидетельствуют, что около 90% профессиональных преступников составляют мужчины, тогда как доля женщин среди них не превышает примерно 10%. При этом среди профессиональных мошенников удельный вес женщин выше и достигает примерно 33%. Особенно заметно участие женщин в таком виде профессиональной преступной деятельности, как вовлечение несовершеннолетних в сферу коммерческих сексуальных услуг, где их доля может достигать около 40%.

В целом уровень образования у профессиональных преступников несколько выше, чем у иных категорий правонарушителей. Около 80% из них имеют среднее общее образование, примерно 9% – незаконченное высшее или среднее специальное, около 2% – высшее, а доля лиц без полного среднего образования не превышает 10% от их общего числа [2, с. 38].

По нашему мнению, относительно высокий уровень образования у профессиональных преступников обусловлен тем, что для успешного осуществления подобной деятельности требуется определённый интеллектуальный потенциал, достаточный объём знаний, а также развитые навыки анализа и контроля. Социальное положение и род занятий таковы, что для большинства профессиональных преступников преступная деятельность выступает основным, а нередко и единственным источником дохода и средств к существованию, при этом подавляющее большинство трудоспособных профессиональных преступников не имеют официальной работы (около 85%) и не предпринимают попыток трудоустройства.

Анализируя психологические особенности личности профессионального преступника, М. Геринг предпринял попытку разработать соответствующую классификацию, в частности разделяя мошенников на категории в зависимости от степени их «устойчивости» и накопленного преступного опыта. При этом он выделял специальные навыки лишь у карманных воров и у лиц, совершающих кражи при размене денег (так называемых «обманщиков–менял») [4, с. 18].

Исследователи установили также один из важных признаков развития стойкой противоправной деятельности профессиональных преступников – «разделение труда», или специализацию.

С учетом изложенного выше следует подчеркнуть, что тщательное криминологическое изучение личности профессионального преступника повышает эффективность работы органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых такими лицами, а также способствует совершенствованию профилактических мер в целом.

Изучение криминологических характеристик профессионального преступника служит инструментом для повышения результативности существующих профилактических мер.

Криминологический профиль представляет собой анализ биографических данных и образа жизни лица, предположительно совершившего серию тяжких преступлений, но еще не установленного.

Его задача — установить ключевые черты преступника для сужения круга подозреваемых и

помощи полиции в фокусировке расследования на приоритетных направлениях, что особенно критично для оперативного предотвращения повторных случаев и скорейшего задержания.

По мнению В. Н. Бурлакова, структуру личности преступника следует рассматривать в совокупности трех элементов:

Негативная направленность, проявляющаяся в противоправных поступках человека и определяющая его общественную опасность

Позитивная направленность, реализуемая в материальной деятельности, в разных видах социально-политической активности, культурно-бытовой деятельности

Ретроспективная ценность, отражающая результаты общественно полезной деятельности человека в прошлом, т.е. до момента совершения преступления [1, с. 49].

Современный анализ преступника как субъекта преступного поведения и особенностей его личности выступает одним из ключевых превентивных методов в криминологии. При изучении личности профессионального преступника следует учитывать совокупность его характерных свойств и признаков, включая социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые характеристики. Важно отметить, что криминологическая характеристика профессионального преступника предполагает наличие у него осознанной цели — систематического совершения различных преступлений.

Правонарушители классифицируются по группам в зависимости от их личностных характеристик и степени общественной опасности. Зарубежные исследователи выделяют четыре типа преступников на основе сочетания криминального потенциала и уровня социальной адаптации. По их мнению, наиболее опасными являются те, кто сочетает высокий криминальный потенциал с успешной социальной адаптацией. Такая группа преступников особенно опасна, поскольку они тщательно скрывают свои криминальные наклонности, что затрудняет их прогнозирование. К ней относятся, в частности, «преступления белых воротничков» (иногда называемые управленческими), среди которых преобладают коррупционные деяния, мошенничество и стремительно развивающаяся киберпреступность. Другой опасный тип характеризуется высоким криминальным потенциалом при практически полном отсутствии социальной адаптации, где антисоциальное поведение делает криминальные тенденции особенно выраженными; сюда входят профессиональные преступники, для которых преступления — неотъемлемая часть повседневной жизни и основной способ обеспечения минимальных жизненных потребностей.

Профессиональные преступники, входящие в состав организованных преступных групп или мафиозных структур, представляют собой особую категорию даже во время отбывания наказания в местах лишения свободы. Для них тюремное заключение выступает лишь временной паузой в «криминальной карьере», поэтому они не создают конфликтов с администрацией, сосредотачиваясь на планировании будущих преступных действий после освобождения.

Профессиональным преступникам присуще желание выстраивать собственную «криминальную карьеру». Понятие «криминальная карьера» нередко ошибочно отождествляют с «криминальным рецидивом». Если рецидив обычно означает повторное совершение преступлений, то криминальная карьера представляет собой особый этап жизненного пути индивида — своего рода делинквентную траекторию, которая включает развитие и углубление рецидива [7, с. 105].

Речь идет не просто о повторных преступлениях, а о четко выраженном начале делинквентного поведения, его определенной продолжительности и, порой, завершении (концепция дезистантности) — то есть о полноценном процессе формирования криминальной карьеры. Термин «карьера» здесь не подразумевает профессию или источник заработка в традиционном смысле, хотя некоторые характеристики с профессионализмом совпадают. Со временем на практике совершенствуются навыки и методы, что свидетельствует об их постоянном развитии и шлифовке.

Итак, криминальная карьера представляет собой последовательность преступлений и связанных с ними жизненных событий индивида. Исследование криминальной карьеры направлено на понимание такой жизненной траектории: выявление причин и момента ее начала, факторов, обеспечивающих ее устойчивость, тенденций к росту тяжести или частоты преступлений, обстоятельств и причин ее завершения, роли ключевых событий в жизни человека на развитие и прерывание карьеры, а также разработку мер для ее предотвращения или хотя бы контроля.

Данные о криминальной карьере можно получить из различных источников, прежде всего из официальных криминальных сводок, на основе которых проводятся большинство исследований. Однако подобные данные ограничены латентной (невыявленной) преступностью, удаленными

записями и различиями в сборе информации разными правоохранительными органами. Что касается профессиональных преступников, то их образовательный уровень обычно ниже, чем у населения в целом: свыше 80% имеют лишь среднее образование. Лица с высшим образованием среди профессиональных преступников составляют лишь 1–2%. Низкий образовательный уровень напрямую связан с ранним началом преступной деятельности. В большинстве случаев семьи будущих профессиональных преступников отличались дисфункциональностью: один из родителей был постоянно занят работой и не участвовал в воспитании детей, отсутствие поддержки супруга приводило к материальным и жилищным трудностям, родители часто злоупотребляли алкоголем, применяли насилие к детям, заставляли их воровать; примерно в половине таких семей родители имели судимости, а их образ жизни формировал у детей антисоциальные установки и ценности [3, с. 102].

Таким образом, анализ особенностей личности профессионального преступника выступает фундаментальным инструментом профилактики и противодействия профессиональной преступности, поскольку без глубокого понимания этих черт невозможно эффективно раскрывать такие преступления или проводить их превентивные меры.

Профессиональным преступникам свойственны ограниченность социального опыта, искаженное восприятие реальности, узкий круг интересов и взглядов, из-за чего моральные ценности и объективная информация вытесняются системой противоправных убеждений и установок.

Преобладают корыстные и корыстно-насильственные мотивы; индивидуальная профилактика и коррекция поведения в этой группе возможны только при комплексном изучении их личностных характеристик, где ключевую роль играют выявленные нами признаки.

Библиографический список:

1. Бурлаков, В. Н. Уголовное право и личность преступника : монография / В. Н. Бурлаков. — СПб. : [б. и.], 2006. — 256 с.
2. Воронин, Ю. А. Личностные характеристики профессиональных преступников и их типологические разновидности / Ю. А. Воронин // Проблемы права. – 2025. – № 1(97). – С. 45–53.
3. Душкин, А. С. Основы криминальной психологии : Учебное пособие / А. С. Душкин, Е. Б. Кириллова, В. А. Шаповал. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – 192 с.
4. Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность : монография / А. И. Гуров. — М. : [б. и.], 1990. — 208 с.
5. Корсикова, Н. А. Криминологические особенности профессиональной преступности в Российской Федерации (теоретико-правовые аспекты) / Н. А. Корсикова // Закон. Право. Государство. – 2023. – № 3(39). – С. 138–139.
6. Омигов, В. И. Профессиональная преступность: её современное содержание // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 21. – С. 55.
7. Скорилкин, Н. М. Сущность профессиональной преступности: понятие, детерминанты / Н. М. Скорилкин // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Тула, 06–07 июня 2019 года / Ответственный редактор И. А. Кузнецова. – Тула: Тульский государственный университет, 2019. – С. 99–106.
8. Уголовно-правовые меры противодействия современной профессиональной преступности в России: проблемы и перспективы // Вестник СурГУ. Серия «Право». 2025. № 2. С. 50–60.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Шутко Карина Евгеньевна

Магистрант Института права ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law and criminology

Shutko Karina Yevgen'yevna

Master's student at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

УДК 343.851.5

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЕЁ УРОВЕНЬ, СТРУКТУРА,
ДИНАМИКА****JUVENILE CRIME, ITS LEVEL, STRUCTURE, DYNAMICS**

Аннотация. В статье проведен анализ ключевых параметров преступности среди несовершеннолетних: ее текущего состояния, динамических изменений и структурных особенностей. Полученные данные однозначно указывают на настоятельную потребность в углубленном изучении причинно-следственных связей данного феномена. Не менее важным представляется комплексное криминологическое исследование личности подростка, совершившего правонарушение. Лишь такой подход позволяет сформировать целостное и адекватное понимание специфики этого вида преступности.

Abstract. The article analyzes the key parameters of juvenile delinquency: its current state, dynamic changes and structural features. The data obtained clearly indicate an urgent need for an in-depth study of the cause-and-effect relationships of this phenomenon. Equally important is a comprehensive criminological study of the personality of a teenager who has committed an offense. Only this approach allows us to form a holistic and adequate understanding of the specifics of this type of crime.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетние, динамика преступлений, структура преступлений.

Keywords: juvenile delinquency, dynamics of crimes, structure of crimes.

Проблема подростковой преступности в последние десятилетия выдвинулась на передний план в дискурсе социологов, криминологов и специалистов по ювенальной юстиции. Общественный и государственный трепет вызывает растущий уровень правонарушений в молодежной среде, что особенно заметно на фоне глобализационных и миграционных трендов. Современный мир стремительно трансформируется, подбрасывая молодому поколению целый комплекс испытаний: от экономической нестабильности и социального отчуждения до всепроникающего влияния цифровой среды. В этих обстоятельствах тщательный анализ динамики и структурных особенностей преступлений, совершаемых несовершеннолетними, представляется насущной необходимостью.

В последние годы преступность демонстрирует тревожную динамику – растет тяжесть совершаемых деяний. Этот факт актуализирует проблему для криминологов и правоприменителей. Настоящее исследование посвящено анализу уровня подростковой преступности в 2024-2025 годах. Такой анализ даст возможность не только зафиксировать актуальные тенденции и специфику, но и провести их сопоставление с более ранними статистическими данными [1].

Анализ структурных особенностей преступности несовершеннолетних представляет собой одну из ключевых исследовательских задач. Он предполагает не только систематизацию противоправных деяний по категориям, но и определение доминирующих в этой среде типов правонарушений. Отдельного рассмотрения требует криминальная активность подростков-мигрантов – данное направление приобретает особую актуальность в контексте современных демографических перемещений. Расшифровка уникальных черт девиантного поведения в этой группе создает основу для выработки адресных профилактических стратегий и программ ресоциализации.

Изменчивость подростковой преступности формируется под воздействием целого комплекса

социально-экономических детерминант. К ним относятся, в частности, ситуация на рынке труда и образовательные возможности, прямое влияние семейного и ближайшего окружения, а также мощное воздействие медиасреды и цифровых коммуникаций.

Сопоставление данных с показателями прошлых лет представляет собой обязательную составляющую при изучении динамики подростковой преступности. Подобное сопоставление выявляет не только общие тенденции, но и дает возможность оценить результативность ранее реализованных профилактических мер. На основе полученных выводов формируются практические рекомендации, адресованные как профильным ведомствам, так и общественным объединениям, занятым в сфере работы с молодежью.

Обращение к актуальным статистическим данным 2024 года позволяет выявить существенные трансформации в состоянии подростковой преступности на территории Российской Федерации, затрагивающие ее количественные показатели, структурный состав и качественные особенности. Согласно оперативным сводкам Следственного комитета, количество возбужденных уголовных дел в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, за первые восемь месяцев текущего года составило 13,5 тысяч. Данный показатель демонстрирует рост на 22% относительно аналогичных периодов прошлых лет. Одним из ключевых факторов, обусловивших эту негативную динамику, выступает увеличение доли особо тяжких деяний в общем массиве подростковой преступности [2].

В ряде российских регионов фиксируется устойчиво высокая криминальная активность несовершеннолетних. К числу таких проблемных территорий относятся Кемеровская, Курганская и Калининградская области, а также Республика Коми. Данная географическая концентрация подростковой делинквентности указывает на выраженную региональную специфику криминогенной обстановки, во многом обусловленную комплексом локальных социально-экономических факторов.

Главная трудность заключается не столько в статистике правонарушений, сколько в их качественной составляющей – тяжести содеянного. Тот факт, что заметная часть подростковой преступности сопряжена с насилием, свидетельствует о смещении акцента от мелкого хулиганства или краж к деяниям куда более опасным. Сложившаяся за последнее время ситуация с социальной незащищенностью несовершеннолетних ставит перед полицией и социальными институтами сложную задачу, диктующую необходимость разработки действенных коррекционных механизмов.

Хотя в некоторых регионах наблюдаются обнадеживающие сдвиги, общероссийская статистика демонстрирует тревожную динамику роста преступности среди несовершеннолетних. Эта ситуация диктует настоятельную потребность в глубоком системном изучении причин явления и разработке комплексных превентивных мер. Центральное место в такой стратегии должна занимать триада взаимосвязанных направлений: качественное образование, адресная социальная поддержка и активное приобщение подростков к культурной и спортивной жизни. Именно такой многоуровневый подход способен создать альтернативу криминальной среде и оказать существенное влияние на сокращение правонарушений.

Повышение результативности деятельности требует комплексных мер. Речь идет не только об оптимизации контактов между полицией и школами, но и о создании на уровне районов и городов специальных проектов, направленных на предупреждение делинквентных проявлений у подростков. Подобная стратегия открывает возможность для модернизации существующей модели борьбы с ювенальной преступностью, где криминологические факторы рассматриваются в неразрывной связи с социальными условиями.

Анализ актуальных тенденций подростковой преступности формирует эмпирическую базу для последующих изысканий и конструирования действенной стратегии противодействия правонарушениям в данной сфере. Достижение весомых результатов немислимо без комплексного подхода, интегрирующего превентивные механизмы, образовательные программы, меры социальной поддержки и правоохранительную деятельность. Лишь такой синтез способен сформировать для молодого поколения более защищенную социальную среду.

В 2024-2025 годах структура подростковой преступности демонстрирует не только широкий спектр деяний, но и существенные сдвиги в динамике. Последние годы фиксируют устойчивую тенденцию к увеличению количества правонарушений в этой возрастной когорте, что закономерно актуализирует проблему для силовых ведомств и гражданского общества. Отдельного внимания заслуживает растущий уровень криминальной активности среди несовершеннолетних мигрантов – данная тенденция порождает специфические проблемы, связанные с обеспечением правопорядка и процессами адаптации в социуме.

Согласно статистике за 2023 год, в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, было возбуждено 8,7 тысяч уголовных дел. Этот показатель демонстрирует рост на 21,3% относительно данных предшествующих лет, причем 768 эпизодов квалифицированы как особо тяжкие. Уже к концу августа 2024 года количество новых расследований достигло 13,5 тысяч, а по тяжким составам рост составил 22%. Особую настороженность вызывает рост многоэпизодной преступности, включающей наркоторговлю и мошенничество, что отражает заметную трансформацию структуры противоправного поведения в подростковой среде [2].

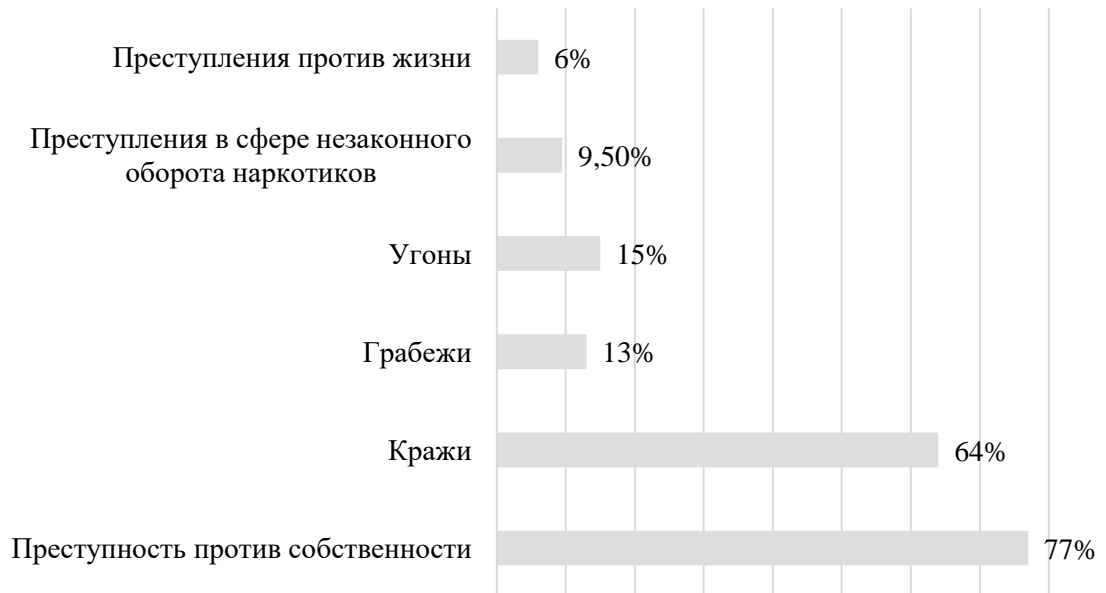

Рис. Статистические данные

Хотя общее количество правонарушений увеличивается, доля преступлений, совершаемых подростками, продолжает оставаться незначительной – она составляет лишь 2,4% от общего массива. Это свидетельствует о том, что в общей структуре преступности несовершеннолетние формируют маргинальную группу, что, однако, не снимает вопроса о необходимости тщательного отслеживания их противоправного поведения. Примечательно и другое: рецидив среди подростков фиксируется реже, чем среди взрослых правонарушителей – 11% против 30%.

Наблюдаемые тенденции неоднозначны. С одной стороны, фиксируется устойчивая положительная динамика: вовлеченность подростков в преступления, связанные с наркотиками, неуклонно снижается, что можно считать несомненным успехом профилактической работы. С другой – общий уровень криминальной активности в этой возрастной когорте демонстрирует тревожный рост. Еще более настораживает эволюция самой преступности: возникновение новых форм и способов противоправных действий прямо сигнализирует о том, что устоявшиеся модели профилактики и ресоциализации требуют кардинального переосмысления.

Правоохранительная деятельность не должна ограничиваться лишь уголовным преследованием. Ей в равной степени необходимо формировать интеграционные механизмы для подростков-мигрантов и реализовывать превентивные стратегии, сокращающие уровень девиантности в этой группе. Достижение значимых результатов здесь напрямую зависит от слаженного межведомственного взаимодействия и мобилизации гражданского общества для осуществления социального контроля и оказания помощи молодому поколению.

Рост подростковой преступности, включая правонарушения со стороны несовершеннолетних мигрантов, заставляет обратить особое внимание на присущие этой группе факторы риска. К ним относятся неблагоприятное социально-экономическое положение, низкий образовательный уровень и дефицит социальной поддержки. Эмпирические данные свидетельствуют: маргинализация и бедность напрямую коррелируют с вовлечением молодых людей в криминальные структуры. Это обстоятельство диктует необходимость выработки многоаспектных стратегий для противодействия данному явлению.

Следовательно, отслеживание структурных изменений и динамики подростковой преступности сохраняет свою значимость, что обуславливает необходимость непрерывного вовлечения государственных институтов, научного сообщества и общественности. Ключевым представляется

фокус не столько на сухие цифры статистики, сколько на глубинные социальные и личностные проблемы, переживаемые несовершеннолетними. Лишь на этой основе возможна разработка адекватных и результативных превентивных стратегий.

Проблема подростковой преступности в России сохраняет свою острую значимость, что диктует необходимость её всестороннего рассмотрения. Ключ к её осмыслению лежит в выявлении и анализе детерминант, порождающих и стимулирующих противоправное поведение в молодёжной среде. Эти детерминанты не существуют обособленно; они формируют запутанный клубок взаимозависимостей, вбирающий в себя социальные и экономические обстоятельства [3].

Уровень преступности во многом детерминирован социально-экономическим контекстом. Общественные кризисы, включая масштабную безработицу и распространение бедности, провоцируют рост социальной напряженности и дестабилизируют обстановку. Экономическая турбулентность ограничивает для молодого поколения доступ к образованию и рынку труда, что влечет за собой снижение качества жизни и, как результат, эскалацию противоправного поведения. Эмпирическая иллюстрация: региональные исследования в России демонстрируют прямую корреляцию между ростом числа безработных и увеличением доли молодежи в структуре преступности, эмпирически верифицируя эту взаимосвязь.

Нравственное неблагополучие представляет собой не менее существенный детерминирующий элемент. Девиантные модели поведения нередко формируются на фоне психологических травм, внутрисемейных конфликтов и утраты моральных ориентиров. Подростки, лишённые необходимой поддержки и вовлеченности со стороны как семьи, так и социума, испытывают значительные затруднения в выработке устойчивых этических принципов. Эмпирические данные свидетельствуют: вероятность вовлечения в рискованные практики и противоправные действия среди выходцев из дисфункциональных семей возрастает приблизительно вчетверо. Нестабильная, конфликтная домашняя среда зачастую выступает прямым катализатором, подталкивающим к интеграции в криминальные сообщества.

Влияние криминальной культуры, сформировавшейся в последние десятилетия, на молодое поколение представляется весьма существенным. Организованные преступные сообщества, целенаправленно вербуя подростков, культивируют и транслируют нормы, оправдывающие противоправные действия. Существует прямая зависимость: чем глубже усваиваются эти девиантные стереотипы, тем вероятнее переход к реальным правонарушениям. Эмпирические данные подтверждают, что подростки, погруженные в подобную субкультуру, демонстрируют сниженные внутренние барьеры перед преступлением, которое начинает восприниматься ими как легитимный путь к социальному статусу или материальному благополучию [4].

Проблема социальной адаптации представляет собой еще один существенный элемент. Интеграция в общество для молодых людей нередко сопряжена с серьезными препятствиями, порождающими переживания одиночества и отчужденности. Ситуация усугубляется в неблагоприятной психологической атмосфере: существующие стереотипы и предубеждения в адрес отдельных социальных групп часто ведут к формированию замкнутых сообществ. Подобная изоляция закономерно повышает уязвимость таких групп, делая их потенциальной мишенью для криминального вовлечения.

Проблема детской беспризорности представляет собой одну из наиболее острых социальных язв, коренящуюся в вакууме родительского надзора и системной помощи. Подростки, оставшиеся без попечения, вынуждены существовать в уличной среде, что не только подвергает их повышенной виктимизации, но и закономерно толкает на путь делинквентного поведения. Дефицит каких-либо социальных гарантий и опор превращает криминальную активность из потенциального риска в фактический инструмент повседневного существования.

Динамика подростковой преступности демонстрирует парадоксальную картину. Хотя статистические данные фиксируют общее снижение её уровня в последние годы, это не снимает с повестки дня задачу поиска новых, более действенных превентивных механизмов.

Несмотря на фиксируемое статистикой общее снижение криминальной активности, отдельные виды правонарушений демонстрируют тревожную динамику, а рост активности некоторых категорий лиц настоятельно требует пристального анализа со стороны криминологов и сотрудников правоприменительных структур. Проблематика профилактических мероприятий не теряет своей остроты; лишь системное, многоуровневое рассмотрение данной проблемы может обеспечить действенность мер, призванных сократить подростковую преступность.

Эффективная работа с подростками, демонстрирующими девиантное поведение, не может ограничиваться лишь превентивными беседами. Её фундамент – персонализированное сопровождение, нацеленное на глубокое осмысление мотивов и обстоятельств, подтолкнувших к проступку. Крайне важно сформировать атмосферу доверия, где молодые люди не будут опасаться откровенно говорить о трудностях и совместно искать из них выход. Для этого разрабатываются специализированные методики, учитывающие специфику неблагополучной среды. Они могут сочетать коллективные тренинги с регулярными индивидуальными консультациями под руководством опытного куратора.

В системе предупреждения подростковой преступности образовательным организациям отводится роль ключевого звена. Именно школы и иные учебные заведения, будучи вовлечены в профилактическую деятельность, получают возможность транслировать ценности правового воспитания, что в конечном итоге ведет к становлению правосознания молодого поколения. Такой образовательный процесс необходимо инициировать с младшего школьного возраста, обеспечивая его всеобщий охват и последовательное наращивание знаний о возможных последствиях противоправных действий [5].

Особое внимание по-прежнему следует уделять семейному благополучию, поскольку оно чаще всего служит главным источником криминализации подростков. Своевременная помощь семьям, попавшим в сложные обстоятельства, способна не просто снизить риски девиантного поведения у несовершеннолетних, но и создать условия для их полноценного психологического взросления. Решать многочисленные внутрисемейные трудности призваны междисциплинарные бригады, действующие в системе социальной защиты.

В современных криминологических исследованиях всё большее внимание уделяется социальной профилактике на уровне локальных сообществ. Молодёжные клубы и аналогичные проекты, вовлекающие подростков в конструктивную активность, выступают действенным инструментом отвлечения от криминальной среды. Подобные площадки не только формируют личностные и коммуникативные компетенции, но и способствуют росту самосознания и чувства ответственности у несовершеннолетних [6].

Современное противодействие подростковой преступности немыслимо без системного видения и всеобъемлющей стратегии, ориентированной на перспективы будущих граждан и их полноценную социализацию. Лишь непрерывное сотрудничество полиции, школ и социальных институтов способно сформировать пространство, в котором молодые люди смогут расти, не испытывая давления насилия и криминального влияния. Подобная работа формирует фундамент для безопасного социума, где у каждого есть шанс раскрыть свои способности и обрести статус сознательного члена общества.

Библиографический список:

1. Голубничая Л. С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 32-36
2. МВД РФ. Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>;
3. Орлова А.А. Уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних: вопросы формирования правового института // Мировой судья. – 2023. – № 2. – С. 15-21.
4. Плеша Л. Ю. К вопросу о преступности несовершеннолетних // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Альянс, 2021. – С. 120
5. Трапаидзе К.З. Освобождение несовершеннолетнего от наказания (статья 92 УК РФ): вопросы практики и теории // Администратор суда. – 2021. – № 4. – С. 33-37.
6. Фильченко А. П. Принудительные меры воспитательного воздействия – форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3. – С. 48-54

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Мезенцев Евгений Витальевич

Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor the Department of criminal law disciplines

Mezentsev Evgeny Vatalievich

Master FSDO of the "Chelyabinsk state University»

УДК 343.541

ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ И ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**THE PROBLEM OF PREVENTING CRIMES RELATED TO THE PRODUCTION AND TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC IMAGES OF MINORS ON THE INTERNET**

Аннотация. В статье исследуются криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям, связанным с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет. Автором выявлены ключевые проблемы, препятствующие эффективной борьбе с данной категорией преступлений, включая несовершенство законодательной дефиниции порнографии, недостатки конструкции уголовно-правовых норм, сложности оперативно-розыскной деятельности и доказывания в цифровой среде. Предложены пути совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики, направленные на усиление превентивного потенциала и повышение эффективности защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Abstract. The article examines the criminological and criminal-legal aspects of countering crimes related to the production and trafficking of pornographic images of minors on the Internet. The author identifies key problems hindering effective combating of this category of crimes, including the imperfection of the legislative definition of pornography, shortcomings in the design of criminal law norms, and difficulties in operational investigative activities and proof in the digital environment. Ways to improve legal regulation and law enforcement practice are proposed, aimed at strengthening the preventive potential and increasing the effectiveness of protecting minors from sexual exploitation in the information and telecommunication space.

Ключевые слова: детская порнография, несовершеннолетние, сеть Интернет, предупреждение преступлений, уголовно-правовые меры, цифровая среда, кибербезопасность.

Keywords: child pornography, minors, the Internet, crime prevention, criminal-legal measures, digital environment, cybersecurity.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и повсеместная цифровизация общественных отношений привели к тому, что сеть Интернет стала не только уникальным инструментом познания и коммуникации, но и благодатной средой для совершения преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и общественную нравственность. Особую тревогу вызывает беспрецедентный рост преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних. По оценкам специалистов, в глобальной сети присутствует не менее 100 тысяч сайтов, в той или иной степени имеющих отношение к детской порнографии, а годовой оборот этого теневого рынка исчисляется миллиардами евро [9, 110].

Цифровая трансформация общественных отношений, охватившая все сферы жизни, создала не только новые возможности для развития, но и породила ранее неизвестные угрозы. Одной из наиболее опасных форм криминальной активности в информационном пространстве стало изготовление и распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних. Анонимность, трансграничность и высокая доходность превратили этот сегмент теневой экономики в глобальную проблему, требующую адекватного реагирования со стороны государства и общества.

Официальная статистика подтверждает масштабность и устойчивый характер данной угрозы. Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2024 году доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, достигла 38% от общего числа зарегистрированных деяний. Роскомнадзор в 2025 году заблокировал или удалил более 155 тысяч страниц, содержащих противоправный контент такого рода. Вместе с тем, позитивным сигналом можно считать итоги 2025 года, когда впервые за последние годы зафиксировано снижение общего количества преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий на 11,8% [10]. Это свидетельствует об эффективности предпринимаемых мер, однако проблема предупреждения именно преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в цифровой среде сохраняет свою остроту и требует углубленного научного анализа. Несмотря на некоторую стабилизацию, абсолютные показатели остаются высокими, а латентность данного вида преступлений, по обоснованному мнению экспертов, колоссальна. В связи с этим разработка эффективных мер предупреждения рассматриваемых деяний является одной из приоритетных задач не только правоохранительных органов, но и всего российского общества.

Преступления, предусмотренные статьями 242.1 (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних) и 242.2 (Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов) Уголовного кодекса Российской Федерации, обладают рядом специфических черт, существенно осложняющих их выявление и пресечение. Прежде всего, обращает на себя внимание высочайшая латентность этих деяний. Дети, вовлеченные в создание порнографического контента, зачастую не осознают себя жертвами, воспринимая происходящее как игру или способ заработка. Даже при понимании противоправного характера действий, страх перед разоблачением и наказанием со стороны родителей нередко удерживает подростков от обращения за помощью.

Анализ криминогенных факторов позволяет выделить несколько взаимосвязанных групп детерминант. Развитие цифровых инструментов сделало создание и распространение контента доступным практически для любого пользователя. Средства анонимизации (VPN, Тор-браузер), шифрованные мессенджеры, криптовалюты создают условия, при которых преступник чувствует себя безнаказанным.

Современные подростки проводят в сети значительную часть времени, при этом уровень их критического мышления и цифровой грамотности зачастую остается низким. Исследования показывают, что многие несовершеннолетние готовы делиться с виртуальными знакомыми личной информацией, включая фотографии интимного характера [4, 5]. Особую тревогу вызывает феномен «шерентинга» (sharenting) – чрезмерное увлечение родителей публикацией фото детей в социальных сетях, что создает обширную базу данных для потенциальных злоумышленников.

Дети из неблагополучных и малообеспеченных семей нередко рассматривают участие в съемках как способ быстрого заработка. При этом дисбаланс цен вопиющий: российские подростки получают за свою работу копейки (50-150 рублей за фотосессию), в то время как готовая продукция реализуется на Западе за сотни долларов [11, 3]. Этот разрыв делает Россию привлекательной площадкой для криминального бизнеса, ориентированного на внешнего потребителя.

Отсутствие должного родительского контроля, эмоциональная холодность, а тем более насилие в семье толкают ребенка к поиску понимания и поддержки на стороне. Преступники умело пользуются этим, выступая в роли «друзей» или «наставников», выстраивая доверительные отношения, которые впоследствии становятся инструментом манипуляции [1, 100].

Действующее законодательство, несмотря на наличие специальных норм, содержит ряд существенных пробелов, снижающих эффективность противодействия рассматриваемым преступлениям.

Пожалуй, наиболее острой проблемой является отсутствие законодательно закрепленного понятия «порнография». Это создает непреодолимые трудности при проведении искусствоведческих экспертиз, результаты которых нередко носят субъективный характер и зависят от личных убеждений эксперта. Как верно отмечает А.Л. Осипенко, приемлемое в уголовно-правовом смысле определение должно быть достаточно объемным и содержать множество уточняющих элементов, что делает нецелесообразным его размещение непосредственно в тексте статьи УК РФ [9, 111]. Представляется, что оптимальным решением могло бы стать принятие отдельного федерального закона, регулирующего оборот продукции сексуального характера и содержащего четкие критерии отграничения порнографии от эротики и произведений искусства.

Конструкция ст. 242.1 УК РФ, требующая для привлечения к ответственности обязательного установления цели распространения, рекламирования или публичной демонстрации, существенно сужает возможности правоохранительных органов. Хранение материалов с детской порнографией без цели сбыта, в том числе в «облачных» хранилищах или на зашифрованных носителях, остается безнаказанным. Это противоречит как международным стандартам (Европейская конвенция о киберпреступности прямо предписывает криминализацию владения), так и здравому смыслу, поскольку сам факт обладания таким контентом стимулирует спрос и поддерживает существование преступного рынка.

Технологический прогресс породил принципиально новые формы сексуальной эксплуатации, которые с трудом вписываются в традиционные уголовно-правовые конструкции. Технология дипфейк (DeepFake) позволяет создавать реалистичные изображения и видео с участием несовершеннолетних, не привлекая реальных детей. Формально такие действия не подпадают под действие ст. 242.1 УК РФ, однако общественная опасность их очевидна: они развращают потребителей, формируют спрос и могут использоваться для шантажа. Как справедливо указывают Е.В. Завгороднева и А.Г. Голощапова, необходимо криминализировать создание и распространение порнографических дипфейков с использованием образа несовершеннолетнего, рассматривая это как самостоятельное преступление либо как квалифицирующий признак [5, 94].

Вебкам-индустрия представляет собой не менее сложный вызов. Деятельность организаторов вебкам-студий, вовлекающих в нее несовершеннолетних, не охватывается составом вовлечения в проституцию (ст. 240 УК РФ), поскольку физического контакта не происходит. А.Н. Сунгатуллин обоснованно предлагает расширить диспозицию ст. 242.2 УК РФ, включив в нее ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в оказание любых сексуальных услуг, не связанных с занятием проституцией, с соответствующим разъяснением этого понятия в примечании к статье [12, 235].

Опыт зарубежных государств представляет несомненный интерес и может быть использован для совершенствования российской системы предупреждения. В законодательстве США, Великобритании, Германии и других развитых стран последовательно реализован принцип тотальной криминализации всех звеньев цепочки распространения детской порнографии. Ответственность установлена не только за изготовление и распространение, но и за простое хранение соответствующих материалов. В США, например, хранение детской порнографии является федеральным преступлением и наказывается лишением свободы на срок до 10 лет, а изготовление и распространение – от 15 до 30 лет [9, 110]. Такой подход представляется единственно верным, поскольку бьет по спросу и лишает преступников возможности безнаказанно формировать коллекции.

Зарубежное законодательство, при всей его либеральности в вопросах свободы слова, устанавливает достаточно четкие механизмы ответственности интернет-провайдеров и владельцев сайтов за распространение детской порнографии. Директива Европейского союза об электронной коммерции, с одной стороны, освобождает провайдера от ответственности за контент третьих лиц, если он не инициировал его передачу и не был осведомлен о его противоправности. С другой стороны, закон Швеции об электронных досках объявлений прямо обязывает владельцев ресурсов удалять запрещенную информацию. Представляется, что российское законодательство нуждается в более детальной регламентации данного вопроса, включая установление четких критериев осведомленности и ответственности провайдеров [9, 114].

Наиболее прогрессивные правовые порядки уже отреагировали на вызовы технологической эпохи. В США закон PROTECT Act 2003 года прямо запрещает оборот любых непристойных изображений сексуального насилия над детьми, включая созданные с помощью компьютерных технологий [9, 112]. В Казахстане с сентября 2024 года введена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в оказание иных услуг сексуального характера, что позволяет эффективно бороться с вебкам-индустрией [12, 234]. Эти примеры должны быть учтены отечественным законодателем.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность активных методов борьбы. Широко используется «легендированная» переписка, когда сотрудники правоохранительных органов под видом несовершеннолетних вступают в контакт с потенциальными преступниками в местах их сетевого общения [9, 114]. В Швеции суды признают факты изнасилования, совершенного дистанционно, через принуждение ребенка к действиям сексуального характера перед веб-камерой [4, 6]. Эти подходы могли бы быть адаптированы и в российской практике.

Противодействие рассматриваемым преступлениям требует комплексного, системного подхода, объединяющего усилия государства, общества, бизнеса и семьи. Представляется, что система

предупреждения должна строиться на нескольких взаимосвязанных уровнях.

Первоочередной мерой должно стать устранение ключевых правовых пробелов, для чего необходимо внести изменения в действующее законодательство, а именно:

1) Принять федеральный закон, содержащий легальное определение порнографии и критерии ограничения ее от смежных понятий (эротика, искусство).

2) Криминализировать хранение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних без цели распространения, что приведет российское законодательство в соответствие с международными стандартами.

3) Дополнить ст. 242.2 УК РФ положением об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в оказание сексуальных услуг, не связанных с проституцией (вебкам).

4) Ввести в УК РФ специальную норму либо квалифицирующий признак, устанавливающий ответственность за создание и распространение порнографических дипфейков с использованием образа несовершеннолетнего.

5) Рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности для интернет-провайдеров за систематическое неисполнение обязанностей по блокировке сайтов с детской порнографией при условии доказанности их осведомленности о противоправном контенте.

6) Обсуждение возможности введения такой меры уголовно-правового характера, как ограничение или лишение права доступа в Интернет для лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенные с использованием сети.

Правоохранительная система также нуждается в модернизации и техническом переоснащении. В связи с этим предлагается создать специализированные подразделения по борьбе с киберпреступлениями против несовершеннолетних, укомплектованных подготовленными кадрами, владеющими навыками работы с цифровыми следами и методами оперативно-розыскной деятельности в сети. Разработать и внедрить типовые алгоритмы (тактические операции) расследования преступлений данной категории, что позволит систематизировать работу следователей [2, 176].

Необходимо использование систем автоматического поиска и фильтрации противоправного контента на основе технологий искусственного интеллекта (хэширование изображений и видео). Как показывает практика, необходимы четкие законодательные механизмы, обязывающие банки и операторов связи в кратчайшие сроки предоставлять информацию по запросам правоохранительных органов.

Одним из важнейших направлений предупредительной работы является снижение виктимности несовершеннолетних. Для реализации данного направления необходимо внедрение в образовательных учреждениях обязательных программ по повышению цифровой грамотности, обучению детей правилам безопасного поведения в сети, распознаванию признаков груминга и рисков секстинга, проведение систематической разъяснительной работы с родителями, включая информирование о феномене шерентинга и способах родительского контроля, создание и популяризация доступных и анонимных каналов связи (горячие линии, чат-боты, мобильные приложения) для сообщения о противоправном контенте и фактах домогательств.

Учитывая транснациональный характер преступности, необходима активизация международного взаимодействия в виде участие в международных операциях по выявлению и блокировке серверов, содержащих детскую порнографию, обмена оперативной информацией с Интерполом и правоохранительными органами других государств, гармонизации национального законодательства с международными стандартами в части криминализации деяний и процессуальных механизмов.

Проблема предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет, носит комплексный характер и требует постоянного внимания. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что действующее законодательство и правоприменительная практика, несмотря на определенные позитивные сдвиги (снижение общего числа IT-преступлений в 2025 году), не в полной мере отвечают современным вызовам.

Существующие правовые пробелы (отсутствие определения порнографии, неполнота криминализации, неготовность норм к новым технологическим вызовам) снижают эффективность борьбы. Выход видится в системном совершенствовании законодательства по образцу наиболее прогрессивных зарубежных правовых порядков, предусматривающем тотальную криминализацию всего

цикла оборота детской порнографии, включая хранение и новые цифровые формы эксплуатации.

Однако одних законодательных мер недостаточно. Необходима модернизация правоохранительной системы (специализация, техническое оснащение), активная виктимологическая профилактика, нацеленная на формирование у детей и родителей навыков безопасного поведения в сети, а также развитие международного сотрудничества. Только объединение усилий законодателя, правоприменителя, институтов гражданского общества и семьи способно создать надежный заслон этой опаснейшей угрозе для подрастающего поколения.

Библиографический список:

1. Антонова В. А., Лелюхина, О. С. Криминологический анализ детерминант и механизмов вовлечения несовершеннолетних в производство и распространение детской порнографии / В. А. Антонова, О. С. Лелюхина // Актуальные научные исследования. – 2025. – № 3. – С. 99–102.
2. Виноградова О. П. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, совершаемые с использованием сети интернет, в отношении несовершеннолетних / О. П. Виноградова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2025. – № 1(102). – С. 169–179.
3. Головин А. Ю. Криминалистическая профилактика изготовления и оборота детской порнографии / А. Ю. Головин, А. Р. Акиев, С. М. Бадоян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 3(60). – С. 63-70.
4. Епифанов А. Е. Половые преступления против несовершеннолетних в информационной среде / А. Е. Епифанов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 3 (23). – С. 52–59.
5. Завгороднева Е. В., Голощапова А. Г. К вопросу о криминализации порнографических глубоких фейков / Е. В. Завгороднева, А. Г. Голощапова // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 90–96.
6. Кочкина М. С. О некоторых мерах предупреждения вовлечения несовершеннолетних в изготовление порнографических материалов и предметов / М. С. Кочкина // Сборник материалов конференции. – Воронеж, 2022. – С. 61–63.
7. Кузнецова Е. Е., Жидилина Д. С. Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов в сети интернет / Е. Е. Кузнецова, Д. С. Жидилина // Наука и практика: сборник статей. – Москва, 2025. – С. 139–144.
8. Нынюк Р. Н. Уголовно-правовые аспекты девиктимизации несовершеннолетних в сети Интернет / Р. Н. Нынюк // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 550–556.
9. Осипенко А. Л. Уголовно-правовые и иные средства противодействия обороту материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет / А. Л. Осипенко // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 110–114.
10. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 15.03.2026).
11. Польшиков А. В., Серов Ю. В. Преступления, связанные с изготовлением и оборотом детской порнографии в сети Интернет: проблемы детерминации и предупреждения / А. В. Польшиков, Ю. В. Серов // Научный вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 1–8.
12. Сунгатуллин А. Н. Проблемы уголовно-правового противодействия вовлечению несовершеннолетних в занятие вебкомом в России / А. Н. Сунгатуллин // Lex criminalis scientiarum. – 2025. – Том 2, № 3 (5). – С. 231-236.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Жигульский Михаил Николаевич

Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law and criminology

Zhigulskii Mikhail Nikolaevich

Master's student at the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

УДК 343.98

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**ORGANIZED CRIME ON THE INTERNET**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности преступлений, совершаемых в сети Интернет, и организованных преступных формирований, осуществляющих свою деятельность в сети.

Abstract. The article deals with peculiarities of organized crimes committing in the Internet and the organized criminal groups acting as a network.

Ключевые слова: киберпреступность, мошенничество, нарушение авторских прав, кража информации, организованные преступные группировки, преступные сообщества, информационное пространство, сетевые преступления.

Keywords: cybercrime, fraud, copyright infringement, information theft, organized crime groups, criminal communities, information space, and network crimes.

В современных реалиях Интернет занимает значительное место и не может рассматриваться исключительно как технологическая инфраструктура, удовлетворяющая коммуникационные потребности населения. Вокруг сети сформировалось сообщество пользователей, создавшее уникальную среду, ставшую неотъемлемой частью современного общества в целом. Совместное использование сетевой инфраструктуры людьми привело к возникновению сетевого информационного пространства, которое иначе называют «киберпространством». В этом пространстве люди ведут коммуникацию, трудятся, обучаются, совершают покупки, пользуются услугами и проводят свободное время. С точки зрения криминологии, это пространство представляет собой двойственную реальность: здесь не только реализуются социально значимые задачи в различных сферах, но и совершаются противозаконные действия, представляющие угрозу обществу. В связи с этим киберпространство, представляющее собой сеть Интернет, следует рассматривать как новую среду, требующую особого внимания со стороны правоохранительных органов [8]. Полиция должна активно защищать в ней интересы граждан, общества и государства от различных видов преступных деяний.

Преступность в онлайн пространстве – это сложный социальный феномен, представляющий серьёзную угрозу обществу. Необходимо рассматривать ее как самостоятельный вид преступности, отличающийся от других своими уникальными чертами, обусловленными особенностями виртуальной социальной среды. К ключевым отличиям относятся высокая скрытность, транснациональный и организованный характер, а также дистанционный способ совершения преступлений в сети [2]. Сетевая преступность имеет тесные связи не только с иными видами преступности, но и с целым рядом негативных социальных отклонений (наркоманией, «теневой» экономикой, проституцией).

За последние годы интернет стал площадкой для зарождения все более изощренных криминальных схем. В контексте ускоряющейся криминализации общества и даже формирования глобальной матрицы криминального управления, сетевая преступность претерпевает трансформацию, что является закономерным общемировым процессом. Это напрямую связано с возрастающим значением информационно-коммуникационных технологий в жизни современного общества.

Суть компьютерной преступности в сети заключается в совокупности сетевых правонарушений. К ним преимущественно относятся умышленные, хорошо продуманные действия,

обладающие рядом отличительных признаков. Наиболее существенными среди них являются: удалённый характер противоправных действий, высокий уровень подготовки преступников, постоянное совершенствование методов совершения преступлений, а также возможность осуществления их в автоматизированном режиме [1].

Общее число киберпреступлений неуклонно растёт. Например, в России за минувшее десятилетие зарегистрированных правонарушений данного вида стало больше в 20 раз. Параллельно увеличивается и совокупный ущерб от таких деяний. Нередко подобные преступления приобретают широкий общественный резонанс, что свидетельствует об их возросшей социальной опасности.

Криминологи подчёркивают, что при анализе современных криминальных тенденций необходимо в первую очередь акцентировать внимание на преднамеренной преступности, а именно на её организованных и профессиональных формах, как на основном двигателе развития всей криминальной системы. В этом контексте особую значимость приобретает зафиксированный «резкий рост организованной преступности, связанной с электронными и телекоммуникационными средствами, особенно компьютерными сетями». Наблюдается укрупнение и повышение организованности преступных группировок, контроль над которыми постепенно переходит к «классическим» криминальным структурам.

Можно выделить два основных типа субъектов, действующих в интернет-пространстве: представители «традиционной» преступности и участники хакерского сообщества [5].

Интегрирующим элементом для этих двух категорий выступает организованная преступность, которая активно привлекает представителей обеих групп для достижения своих незаконных целей.

Рост упорядоченности преступной активности в интернете обусловлен, в первую очередь, возросшей прибыльностью данного вида деятельности по сравнению с альтернативными методами незаконного обогащения.

Можно выделить два ключевых фактора, способствующих повышению организованности киберпреступности: во-первых, проникновение традиционной организованной преступности в киберпространство с целью эксплуатации его возможностей; во-вторых, сложность противоправных действий в сети, вынуждающая сетевых злоумышленников к координации усилий, объединению и формированию организованных криминальных структур [4].

Кроме того, организованные преступные группы активно используют интернет для идентификации потенциальных жертв, сбора информации о них, осуществления специфических форм информационного воздействия, а также для дискредитации оппонентов путём публикации компрометирующих материалов и противодействия правоохранительным органам. Важно отметить, что преступники осознают, что использование глобальных сетей смещает противостояние с правоохранительными органами в плоскость, где традиционная сила государства теряет своё доминирующее значение. Организованная преступность принимает во внимание не только слабости правоохранительной системы, такие как низкий профессиональный уровень сотрудников, текучесть кадров, недостаточная правовая грамотность и неэффективность законодательных инструментов для сбора доказательств, но и отсутствие адекватных уголовных запретов, строгих санкций и действенных мер правовой защиты для борьбы с участниками таких формирований [6]. Стремясь обеспечить свою безнаказанность, организованная преступность эксплуатирует уязвимости в законодательствах различных государств, оперативно определяя юрисдикции, позволяющие наиболее безопасно осуществлять свою противоправную деятельность в сети. Существующие уголовно-правовые системы отдельных стран демонстрируют неспособность эффективно противостоять этим тенденциям. Следует подчеркнуть, что и в России отсутствует устоявшаяся практика применения законодательства для борьбы с киберпреступностью. К лицам, совершившим подобные преступления, редко применяются суровые меры наказания, даже при установлении значительного материального ущерба.

Наблюдаемые тенденции тесным образом переплетаются с формирующимся явлением "интеллектуализации" и профессионализации субъектов, совершающих киберпреступления. Вследствие социальной стратификации в России и других комплексных общественных трансформаций, в криминальную среду вовлекается значительное количество высококвалифицированных кадров, обладающих экспертизой в области информационных технологий, обработки и анализа данных. Эти специалисты активно применяют свои прежние профессиональные умения и узкоспециализированные знания в противоправной деятельности. Есть информация о вовлечении подобных профессионалов со стороны организованных преступных сообществ для планирования и исполнения киберпреступлений в финансовом секторе, а также для

несанкционированного доступа к базам данных правоохранительных органов. Эксперты констатируют случаи, когда организованная преступность учреждает подставные организации, в которые затем рекрутируются специалисты. В рамках таких компаний им предлагаются задания по тестированию безопасности, в частности, проникновение в компьютерные системы целевых организаций. Параллельно отмечается тенденция к возникновению "нелегальных обучающих структур, ориентированных на криминальные цели".

Сетевая киберпреступность, благодаря своей скрытности и значительной прибыльности, существенно способствует развитию профессионализма в криминальной среде.

Организованная преступность активно осваивает киберпространство, привлекая для этого квалифицированных специалистов. Одновременно с этим наблюдается и обратная тенденция: по мере усложнения сетевого пространства трансформируются и сами преступные действия, что ведёт к повышению организованности и профессионализма киберпреступников. Российское МВД фиксирует устойчивый рост числа хакерских группировок, включая международные, которые специализируются на масштабных преступлениях. Эти формирования все чаще демонстрируют черты классических организованных преступных групп. В результате происходят консолидация и расширение таких специализированных преступных объединений, стремящихся монополизировать наиболее прибыльные направления незаконной деятельности в сети [7].

Для эффективного обнаружения подобных криминальных объединений ключевым является понимание их организационных основ и специфики структурно-функционального устройства. Важно подчеркнуть, что среди них редко встречаются формирования, рассчитанные на долгосрочное существование, характеризующиеся прочностью и единством, выстроенным на основе чёткой иерархии. Главными чертами таких сетевых структур являются децентрализованное управление и развитая система обмена информацией, гарантирующая оперативность взаимодействия и распределения задач между участниками, а также механизмы совместного использования ресурсов и результатов работы [3].

В отличие от иерархических преступных синдикатов, которые отличаются стабильным членством, группы, организованные по сетевому принципу, формируются на временной основе с целью выполнения определённых задач. Для них характерна высокая степень динамичности состава. В рамках определённых криминальных операций могут быть задействованы многочисленные индивидуумы, расположенные в различных географических точках. При этом отдельные специалисты в криминальной сфере способны одновременно состоять в нескольких таких группах, выполняя в каждой схожие роли [9].

В онлайн сообществах участники зачастую не знакомы друг с другом лично, а вся координация их действий происходит посредством цифровых платформ. Руководящие центры таких групп могут располагаться в различных географических точках, зависящих от текущей ситуации. Несмотря на это, в большинстве проанализированных ситуаций удавалось выявить ключевую фигуру, которая ставила цели для общей криминальной деятельности, определяла задачи всей структуры. Этот человек проявлял инициативу в создании группы, занимался первичным отбором участников и распределением обязанностей. Обычно именно он разрабатывал стратегию действий и находил методы отмывания полученных средств. Такой лидер, как правило, обладает наиболее полными сведениями о деятельности группы, её членах и внутренних связях.

Является весьма вероятным, что уже существующие в сети криминальные сообщества станут укреплять свои связи для проведения всё более крупных и скоординированных операций, попутно устраняя соперников. Этот процесс будет сопровождаться ростом их численности, улучшением внутренней структуры и повышением способности к адаптации. В свете современных вызовов, ключевой целью правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью становится ограничение роста организованных преступных сетей. Необходимо препятствовать слиянию мелких группировок, не позволять им увеличивать свои ресурсы и в конечном итоге захватывать контроль над всем цифровым пространством. Однако, эффективность решения данной задачи снижается из-за растущего дисбаланса в уровне организации между криминальными структурами и полицейскими подразделениями.

Важно отметить, что киберпреступность, без сомнения, является продуктом существующих в обществе правовых, экономических и политических реалий. Параллельно с этим, сама сетевая среда порождает потребность в поддержании специфических социальных связей. Эти связи способны способствовать росту и распространению криминальной активности в сети, создавая благоприятные

предпосылки для развития способов незаконного обогащения [10]. Следовательно, криминальные круги, действующие в онлайн пространстве, прилагают усилия для формирования общественного мнения в свою пользу и продвигают принятие законодательных актов, призванных изменить правовую систему регулирования киберпространства.

В заключение важно подчеркнуть, что изменения в деятельности организованной преступности, вызванные бурным развитием интернета, влекут за собой не только потребность в совершенствовании правовых норм, адаптации методов и стратегий противодействия преступным элементам, но и обуславливают необходимость переосмысления существующих криминологических концепций и уточнения представлений о правоприменительной деятельности. В условиях активных социальных трансформаций и эволюции форм работы правоохранительных структур, криминологические изыскания приобретают особую значимость. Их конечной целью является разработка новой парадигмы противодействия киберпреступности и обеспечение правоприменительной деятельности научно обоснованными рекомендациями.

Библиографический список:

1. Бычков В.В. «Противодействие организованной преступности: учебное пособие для вузов» (2-е изд., перераб. и доп.) // М.: Юрайт, 2023 (дата обращения: 19.03.2026).
2. Введенской О.Ю. «Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в российском сегменте сети Интернет организованными преступными группами и сообществами» (2017), (дата обращения: 19.03.2026).
3. Дамаскина О.В. «Актуальные криминологические аспекты противодействия преступности в современном цифровом обществе: проблемы и перспективы» (2021), (дата обращения: 19.03.2026).
4. Доли А.С. и Семенцовой И.А. «Актуальные криминологические аспекты противодействия организованной преступности в условиях цифровизации» (2021). (дата обращения: 19.03.2026).
5. Иванова И.А. «Особенности квалификации преступлений, совершённых в составе организованной группы, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» (2023), (дата обращения: 19.03.2026).
6. Комелькова Я.В., Никитин Е.В. «Организованная преступность цифрового мира» // Журнал «Научный лидер», 2023, №21 (119), (дата обращения: 19.03.2026).
7. Менкенов Д.Б. «Организованная преступность в современной России» // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий, 2020, №1-1 (40), (дата обращения: 19.03.2026).
8. Монография Осипенко А.Л. «Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы» (2009), (дата обращения: 19.03.2026).
9. Осипенко А.Л. «Организованная преступность в сети Интернет» (2012), (дата обращения: 19.03.2026).
10. Пырчева С.В. «Тенденции организованной преступности в развивающемся цифровом мире» (2020), (дата обращения: 19.03.2026).
11. Широков А.В. «Международное сотрудничество в борьбе с компьютерной преступностью» // Вестник МГИМО, 2022, №1 (38), (дата обращения: 19.03.2026).

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Ильина Анастасия Сергеевна

Магистр ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law disciplines

Irina Anastasiya Sergeevna

Master of the "Chelyabinsk state University»

УДК 343.85

**ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ,
ПРИЗНАННЫМИ НЕВМЕНЯЕМЫМИ****PROBLEMS OF PREVENTING CRIMES COMMITTED BY PERSONS DECLARED
INSANE**

Аннотация. В статье исследуется проблема профилактики общественно опасных деяний, совершаемых лицами, признанными невменяемыми. Автор анализирует правовые и организационные основы предупреждения таких деяний, выявляет проблемы межведомственного взаимодействия и применения принудительных мер медицинского характера, а также определяет направления совершенствования системы профилактики.

Abstract. This article examines the problem of preventing socially dangerous acts committed by individuals declared insane. The author analyzes the legal and organizational foundations for preventing such acts, identifies challenges in interagency cooperation and the application of compulsory medical measures, and identifies areas for improving the prevention system.

Ключевые слова: невменяемость, принудительные меры медицинского характера, профилактика преступлений, общественная безопасность, психиатрический надзор, субъекты профилактики.

Keywords: insanity, compulsory medical measures, crime prevention, public safety, psychiatric supervision, prevention actors.

Институт невменяемости в уголовном праве призван обеспечить справедливый баланс между защитой общества от общественно опасных посягательств и реализацией прав лиц, которые вследствие психического расстройства не могли осознавать фактический характер своих действий или руководить ими. Проблема профилактики деяний, совершаемых такими лицами, носит комплексный характер и находится на стыке уголовного, уголовно-исполнительного права, психиатрии и социальной работы. Актуальность темы подтверждается не только ее гуманитарным значением, но и необходимостью совершенствования правоприменительной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности. К таким лицам судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные гл. 15 УК РФ [10]. Кроме того, ч. 3 ст. 20 УК РФ закрепляет понятие «возрастной невменяемости», согласно которому несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать значение своих действий, также не подлежит ответственности [9].

Субъектами профилактики в данной сфере выступают различные ведомства и учреждения. Ключевую роль играют медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, поскольку именно на них возложена обязанность по лечению и наблюдению за лицами с психическими расстройствами. В соответствии с Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», диспансерное наблюдение устанавливается за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями [5].

Важным субъектом выступают органы внутренних дел (ОВД), которые во взаимодействии с медицинскими организациями осуществляют профилактику общественно опасных деяний со стороны лиц, состоящих на учете. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и имеющими непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, также может распространяться на данную категорию, если их психическое состояние не исключает вменяемости, но требует контроля [6].

Статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2025 год демонстрируют общую тенденцию к снижению регистрируемой преступности. Так, за январь-ноябрь 2025 года общее количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7% [7]. Однако официальная статистика МВД, публикуемая в открытых источниках, не выделяет отдельным блоком сведения о преступлениях, совершенных лицами, признанными невменяемыми, что само по себе создает проблему для полноценного криминологического анализа и планирования профилактических мероприятий. Вместе с тем, в сводках традиционно фиксируется снижение количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (на 21,1% за девять месяцев 2025 года), что косвенно может влиять на общую картину насильственной преступности, но не отражает всей полноты картины, связанной с психическими расстройствами [8; 3].

Основные проблемы профилактики преступлений, совершаемых невменяемыми лицами, можно классифицировать на несколько групп.

Первую группу составляют - проблемы правового регулирования и правоприменения. В литературе и на практике ведутся дискуссии о понятии и значении ограниченной вменяемости, то есть таком состоянии, когда субъект мог осознавать направленность своих действий, но из-за наличия отдельных психических расстройств (например, аффективных или эмоциональных) он не мог понимать значение своих действий [11, с. 104].

Существование концепции «ограниченной вменяемости» (т.е. лицо, страдающее болезненными расстройствами, но способное в том или ином случае осознавать свои действия или руководить ими) ставит сложные вопросы относительно ответственности и устойчивости применения принудительных мер медицинского характера или обычных мер, что требует выработки единообразного понимания данного института и создания специализированных учреждений для таких лиц с целью предотвращения рецидива.

Действительно, лица с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, не освобождаются от уголовной ответственности, однако нуждаются в особых условиях отбывания наказания и постпенитенциарной реабилитации, которые в настоящее время развиты недостаточно.

Дискуссионным остается и вопрос о «возрастной невменяемости». У.И. Егорова и С.Д. Цэнгэл подчеркивают необходимость совершенствования терминологического аппарата и практики установления данного признака, чтобы отграничить его от иных форм психических расстройств [2, с. 770]. На это же обращает внимание и С.Д. Восканян, указывая на сложность соотношения вменяемости и возрастной невменяемости [1, с. 15]. Отсутствие четких критериев и единой методики комплексных психолого-психиатрических экспертиз в этой части создает риски как для необоснованного привлечения к ответственности подростков с отставанием в развитии, так и для неоправданного освобождения от нее.

Вторая группа проблем связана с организацией взаимодействия субъектов профилактики. Существующая система обмена информацией между лечебными учреждениями и органами внутренних дел зачастую носит формальный характер. Участковые уполномоченные полиции, на которых возложены функции профилактического контроля за лицами, состоящими на учете у психиатра, не всегда обладают достаточной квалификацией для общения с данной категорией граждан и зачастую перегружены иными обязанностями. Прокурорский надзор за исполнением законов при применении принудительных мер медицинского характера, безусловно, осуществляется [4], однако его превентивный потенциал используется не в полной мере из-за отсутствия системного анализа причин и условий, способствующих совершению повторных общественно опасных деяний после выписки из стационара.

К третьей группе можно отнести проблемы социальной реадaptации. После окончания применения принудительных мер медицинского характера лицо не всегда имеет устойчивые социальные связи, жилье и работу. Отсутствие действенной системы социального сопровождения таких лиц приводит к тому, что они выпадают из поля зрения и медицинских, и правоохранительных органов, что создает высокий риск рецидива.

Анализ правоприменительной практики и теоретических источников позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование профилактики рассматриваемых деяний. Прежде всего, требуется законодательная конкретизация механизма межведомственного взаимодействия медицинских организаций, органов внутренних дел и социальных служб. Целесообразно создание на базе органов местного самоуправления межведомственных комиссий, которые бы в каждом конкретном случае координировали усилия по лечению, надзору и социальной поддержке лиц, освободившихся из психиатрических стационаров.

Кроме того, необходимо совершенствование статистического учета. Представляется обоснованным включение в формы федерального статистического наблюдения МВД и Минздрава России сведений о количестве общественно опасных деяний, совершенных невменяемыми, с дифференциацией по видам психических расстройств и примененным мерам медицинского характера. Это позволит более точно оценивать масштаб проблемы и эффективность принимаемых мер.

Важным направлением является и развитие специализированных судебно-психиатрических экспертных учреждений, а также повышение квалификации следователей, судей и адвокатов в области судебной психиатрии. Как отмечают А.О. Харченко и А.А. Ленюский, юридическая оценка действий невменяемых лиц по субъективным признакам требует особой тщательности и учета всех нюансов психического состояния лица в момент деяния [10, с. 62]. Ошибки на этом этапе делают бессмысленной всю последующую профилактическую работу.

Таким образом, организационную основу профилактики преступлений, совершенных лицами, признанными невменяемыми, составляет деятельность медицинских организаций, органов внутренних дел (в первую очередь, подразделений участковых уполномоченных), а также органов прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью применения принудительных мер медицинского характера. Важным субъектом выступают судебно-экспертные учреждения, от качества работы, которых зависит правильность квалификации деяния. В целях повышения эффективности профилактики необходимо совершенствование межведомственного взаимодействия, введение специализированного статистического учета и развитие системы социальной реадaptации лиц, прошедших принудительное лечение. Комплексный подход с участием государства и институтов гражданского общества (в части социального патронажа) позволит минимизировать риски совершения общественно опасных деяний данной категорией лиц.

Библиографический список:

1. Восканян, С. Д. Проблемы соотношения вменяемости и невменяемости с возрастной невменяемостью (ч. 3 ст. 20 УК РФ) / С. Д. Восканян // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2022. – № 5(47). – С. 15-18. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50025819> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст : электронный.
2. Егорова, У.И. Правовое регулирование института невменяемости в уголовном праве / У.И. Егорова, С.Д. Цэнгэл // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 770. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50025819> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст : электронный.
3. Информация о состоянии преступности в январе-июле 2025 года [Электронный ресурс] // МВД Медиа. – 18.08.2025. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2025-goda/> (дата обращения: 15.03.2026). – Текст: электронный.
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023). – Текст : электронный // СПС «Консультант плюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 19.03.2026).
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон Российской Федерации от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 30.09.2024). – Текст : электронный // СПС «Консультант плюс». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 19.03.2026).
6. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 29.05.2024). – Текст : электронный // СПС «Консультант плюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 19.03.2026).
7. Официальные статистические данные ГИАЦ МВД России за январь-ноябрь 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – 24.12.2025. – URL: <https://мвд.рф/news/item/75675505> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст: электронный.

8. Преступность в России снижается: МВД сообщает о падении числа преступлений на 5,4% в 2025 году [Электронный ресурс] // Рязанская социальная газета. – 24.10.2025. – URL: <https://www.rsnmo.ru/index.php?id=100463> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст: электронный.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года (редакция от 25.02.2026)]. – Текст : электронный // СПС «Консультант плюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.03.2026).

10. Харченко, А.О. Юридическая оценка действий невменяемых лиц по субъективным признакам / А.О. Харченко, А.А. Ленюский // Уголовный процесс. – 2024. – № 7 (235). – С. 61-67. – URL: <https://e.ugpr.ru/1091837> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст: электронный.

11. Щербаков, А.В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве / А.В. Щербаков // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 100-106. – URL: <https://elibrary.ru/qagsep> (дата обращения: 19.03.2026). – Текст : электронный.

Фабрика Тамара Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Идрисова Залина Загидулловна

Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Fabrika Tamara Aleksandrovna

candidate of law, associate professor of criminal law

Idrisova Zalina Zagidullova

Master FSDO of the "Chelyabinsk state University»

УДК 34

**БОРЬБА С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА И
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ–ПЛАТЕЖЕЙ****COMBATING MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING AND NEW
INTERNET PAYMENT TECHNOLOGIES**

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальной проблеме противодействия отмыванию денег (ПОД) и финансированию терроризма (ФТ) в контексте бурного развития интернет–платежей и сопутствующих технологий. В работе анализируются риски, связанные с использованием криптовалют, цифровых активов, электронных кошельков, P2P–систем, CBDC и искусственного интеллекта преступниками. Одновременно предлагаются перспективные направления противодействия, основанные на применении передовых технологий: усиленные процедуры KYC/CDD, продвинутые системы мониторинга транзакций, блокчейн–решения, регуляторные технологии (RegTech) и активное использование искусственного интеллекта. Подчеркивается важность международного сотрудничества и адаптации к новым вызовам цифровой эпохи для эффективной борьбы с финансовыми преступлениями.

Abstract. This article is devoted to the actual problem of countering money laundering (ML) and terrorist financing (TF) in the context of the rapid development of Internet payments and related technologies. The paper analyzes the risks associated with the use of cryptocurrencies, digital assets, e–wallets, P2P systems, CBDC and artificial intelligence by criminals. At the same time, promising directions of counteraction based on the use of advanced technologies are proposed: enhanced KYC/CDD procedures, advanced transaction monitoring systems, blockchain solutions, regulatory technologies (RegTech) and active use of artificial intelligence. The importance of international cooperation and adaptation to the new challenges of the digital era for effectively combating financial crimes is emphasized.

Ключевые слова: отмывание денег, финансирование терроризма, интернет–платежи, криптовалюты, цифровые активы, KYC, AML, CFT, RegTech, искусственный интеллект, блокчейн, CBDC.

Keywords: Money laundering, terrorism financing, online payments, cryptocurrencies, digital assets, KYC, AML, CFT, RegTech, artificial intelligence, blockchain, CBDC.

Современный мир характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, и среди них особое место занимают интернет–платежи. Они предлагают беспрецедентное удобство, скорость и глобальность транзакций, но вместе с тем открывают новые горизонты для противодействия отмыванию денег (ПОД) и финансированию терроризма (ФТ). Инновационные платежные системы, криптовалюты, цифровые активы – все это требует от регуляторов и финансовых институтов постоянной адаптации и внедрения новых подходов в борьбе с финансовыми преступлениями.

Новые технологии и связанные с ними риски.

Развитие интернет–платежей привело к появлению целого ряда новых инструментов и платформ, которые могут быть использованы преступниками для легализации незаконно полученных средств или финансирования деструктивной деятельности.

- Криптовалюты и цифровые активы: Несмотря на свой потенциал для повышения эффективности и доступности финансовых услуг, криптовалюты привлекают внимание преступников своей относительной анонимностью и трансграничным характером. Отсутствие централизованного

контроля и сложности в отслеживании транзакций в распределенных реестрах создают благоприятную среду для отмывания денег [1, с. 45]. Более того, возможность использования миксеров и анонимных кошельков еще больше затрудняет идентификацию бенефициаров.

- Электронные кошельки и prepaid карты: Эти инструменты, широко используемые для повседневных платежей, могут быть использованы для дробления крупных сумм на более мелкие, затрудняя их обнаружение [3, с. 89]. Недостаточная идентификация пользователей на начальном этапе использования таких сервисов может способствовать их злоупотреблению.

- Платежные системы, работающие по принципу Peer-to-Peer (P2P): Прямые переводы от одного пользователя другому, минуя традиционные финансовые учреждения, могут снижать прозрачность операций, что потенциально может быть использовано для отмывания денег, особенно в контексте трансграничных переводов [4, с. 152].

- Цифровые валюты центральных банков (CBDC): Хотя CBDC разрабатываются с учетом безопасности и контроля, их внедрение также может создать новые вызовы. Архитектура CBDC, степень анонимности и возможности наблюдения за транзакциями будут играть ключевую роль в оценке их риска для ПОД/ФТ [2, с. 103].

- Искусственный интеллект и машинное обучение: Использование ИИ преступниками для автоматизации отмывания денег, создания фишинговых схем или проведения атак на финансовые системы представляет собой серьезную угрозу. Например, ИИ может использоваться для анализа больших объемов данных с целью выявления уязвимостей или для создания реалистичных поддельных документов [5, с. 78].

Пути противодействия: технологии на страже безопасности.

Борьба с новыми угрозами требует не только ужесточения законодательства и международных стандартов, но и активного внедрения передовых технологий самими финансовыми институтами и регуляторами.

- Усиленные процедуры идентификации и верификации клиента (KYC/CDD): Использование биометрических данных, цифровых удостоверений личности, а также продвинутых систем проверки в реальном времени помогает обеспечить надежную идентификацию пользователей, даже при удаленной регистрации [1, с. 52]. Технологии искусственного интеллекта могут анализировать поведенческие паттерны и выявлять аномалии, указывающие на попытки мошенничества или обхода процедур KYC.

- Продвинутое системы мониторинга транзакций: Современные аналитические платформы, основанные на машинном обучении и анализе больших данных, способны выявлять подозрительные транзакции с гораздо большей точностью, чем традиционные системы, основанные на правилах. Они могут обнаруживать необычные закономерности, связи между неизвестными участниками, а также использовать графовые анализы для выявления сложных схем отмывания денег [3, с. 115].

- Технологии блокчейн для отслеживания: Несмотря на использование блокчейна в децентрализованных криптовалютах, сама технология предоставляет инструменты для повышения прозрачности. Использование приватных и консорциумных блокчейнов, а также смарт-контрактов с прописанными правилами, может помочь в отслеживании движения активов и обеспечении соответствия регуляторным требованиям [2, с. 120].

- Регуляторные технологии (RegTech): Разработка и внедрение решений RegTech позволяют автоматизировать процессы соблюдения нормативных требований, снижая операционные расходы и повышая эффективность. Это включает в себя автоматизированное отчетность, системы управления рисками и инструменты для мониторинга соответствия [4, с. 180].

- Международное сотрудничество и обмен информацией: Создание глобальных баз данных, использование стандартизированных протоколов обмена информацией и внедрение системы «единого окна» затрудняют перемещение незаконных средств через границы. Технологии шифрования и безопасной передачи данных играют здесь ключевую роль.

- Искусственный интеллект в противодействии: ИИ может быть использован для выявления подозрительной активности в режиме реального времени, анализа сложных транзакционных сетей, предотвращения мошенничества и идентификации личности. Анализ естественного языка (NLP) может помочь в обработке неструктурированных данных, таких как отчеты о подозрительных операциях [5, с. 95].

Эпоха интернет-платежей ставит перед системой ПОД/ФТ серьезные задачи. Новые

технологии, будучи мощным инструментом для развития финансовых услуг, одновременно представляют собой новые возможности для преступной деятельности. Однако, именно эти же технологии, при правильном их использовании, могут стать основой для создания более эффективной и адаптивной системы противодействия. Инвестиции в инновационные решения, развитие международного сотрудничества и постоянное обучение специалистов – вот ключевые составляющие успешной борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в цифровую эпоху.

Библиографический список:

1. Иванов С. П. Криптовалюты и их влияние на финансовую безопасность // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2023. – № 5. – С. 44–58.
2. Петрова А. В. Цифровые валюты центральных банков: перспективы и риски // Банковское дело. – 2022. – № 3. – С. 100–125.
3. Сидоров М. К. Антиотмывочные меры в сфере электронных платежей // Деньги и кредит. – 2024. – № 11. – С. 87–120.
4. Кузнецова Е. Д. Противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, в контексте развития онлайн-сервисов // Международное экономическое сотрудничество. – 2023. – № 7. – С. 149–185.
5. Андреев В. Н. Искусственный интеллект в борьбе с финансовыми преступлениями // Информационная безопасность. – 2025. – № 2. – С. 75–100.

Научный журнал

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140